
Сказки бр. Гриммъ
Для дѣтей
средняго возраста.
Лит. Т-ва И. Д. Сытина въ Москвѣ.

СОБРАНІЕ СКАЗОКЪ

Бр. ГРИММЪ.

ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

Т-ва И. Д. СЫТИНА.

подъ редакціей

Н. В. Тулупова.

МОСКВА.

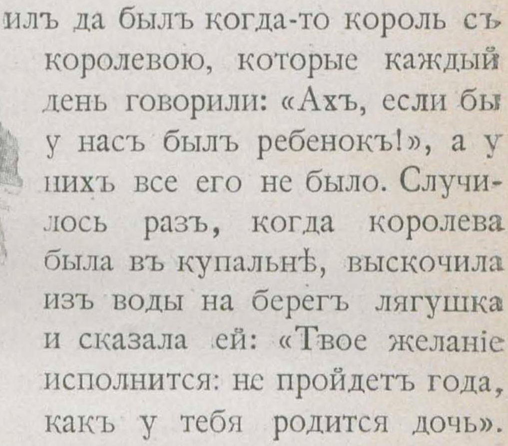
Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.

1905.

Дозволено цензурою. Москва, 11 сентября 1904 г.

Спящая царевна.

Жилъ да былъ когда-то король съ королевою, которые каждый день говорили: «Ахъ, если бы у насъ былъ ребенокъ!», а у нихъ все его не было. Случилось разъ, когда королева была въ купальнѣ, выскочила изъ воды на берегъ лягушка и сказала ей: «Твое желаніе исполнится: не пройдетъ года, какъ у тебя родится дочь». Какъ сказала лягушка, такъ и случилось, и королева родила дѣвочку, такую красивую, что король не помнилъ себя отъ радости и устроилъ большой праздникъ. Онъ пригласилъ не только родственниковъ, друзей и знакомыхъ, но и волшебницъ, чтобы онѣ были милостивы и благосклонны къ ребенку. Ихъ было въ его государствѣ тринадцать, но такъ какъ у него было всего двѣнадцать золотыхъ тарелокъ, на которыхъ онѣ должны были ѣсть, то онъ

оставилъ одну изъ нихъ безъ приглашенія. Праздникъ былъ роскошный, и когда онъ сталъ подходить къ концу, стали волшебницы награждать ребенка чудесными дарами: одна—добродѣтелью, другая—красотой, третья —богатствомъ, и всѣмъ, чего можно пожелать въ мірѣ. Когда одиннадцать изъ нихъ сказали свои рѣчи, неожиданно взошла тринадцатая. Она хотѣла отплатить за то, что ее не пригласили, и, никому не кланяясь и даже не взглянувъ ни на кого, сказала громкимъ голосомъ: «Царская дочь на пятнадцатомъ году уколется веретеномъ и умретъ». И, не прибавивъ къ этому ни слова, она повернулась и оставила залу. Всѣ были поражены ужасомъ, но тогда выступила двѣнадцатая волшебница, которая еще не высказала своего пожеланія, и такъ какъ она могла только смягчить дурное предсказаніе, но не уничтожить его, то сказала: «Это будетъ не смерть, но глубокій сонъ, на сто лѣтъ».

Король, желая оградить свое любимое дитя отъ несчастія, издалъ повелѣніе, чтобы во всемъ королевствѣ были сожжены всѣ веретена. А между тѣмъ всѣ дары волшебницъ украшали дѣвочку, и она была такъ хороша, послушна, весела и разумна, что каждый, кто къ ней приближался, не могъ не полюбить ея. Случилось, что въ тотъ день, когда ей исполнилось ровно пятнадцать лѣтъ, короля и королевы не было дома, а дѣвушка осталась во дворѣ совсѣмъ одна. Она стала обходить всѣ мѣста въ домѣ, смотрѣть всѣ комнаты и залы, чтобы развлечься чѣмъ-нибудь, и наконецъ пришла къ старой башнѣ. Въ нее вела узкая витая лѣстница, которая кончалась маленькой

дверью. Въ замкѣ торчалъ ключъ, и когда она его повернула, дверь раскрылась, и она увидѣла въ маленькой комнаткѣ старую женщину съ веретеномъ, на которомъ она усердно пряла ленъ. «Добрый день, тетушка,— сказала царская дочь,— что это ты дѣлаешь?»—«Я пряду»,— отвѣчала старуха, кивнувъ головой.—«Что это за вещица, которая такъ весело прыгаетъ?»—спросила дѣвушка, взяла веретено и хотѣла попробовать прясть. Но едва коснулась она веретена, какъ исполнилось предсказаніе, и она уколола палецъ.

Въ тотъ мигъ, какъ получила уколъ, она упала на постель, которая тамъ стояла, и погрузилась въ глубокій сонъ. И этотъ сонъ распространился по всему дворцу. Король и королева, которые въ это время только что возвратились и вступали въ залу, немедленно уснули, а съ ними и весь царскій дворъ. Уснули лошади въ стойлахъ, собаки на дворѣ, голуби на крышѣ, мухи на стѣнѣ, даже огонь, который трещалъ на очагѣ, замолкъ и погрузился въ сонъ, жаркое перестало жариться, а поваръ, который только что схватилъ за волосы въ чемъ-то провинившагося поваренка, выпустилъ его и заснулъ. Вѣтеръ улегся и деревья, стоявшія передъ дворцомъ, не шевелили болѣе листьями.

Вокругъ замка сталъ расти колючій кустарникъ, который годъ отъ году становился все выше и выше и, наконецъ, совершенно окружилъ весь замокъ и поднялся такъ, что изъ-за него ничего не было видно, даже самой верхушки крыши. Но пошла молва по окрестной странѣ о прекрасной спящей Розочкѣ, какъ

звали царскую дочку, и отъ времени до времени царевичи прiѣзжали и старались проникнуть во дворецъ черезъ кустарникъ. Но это было невозможно, потому что шипы, едва касалась ихъ рука, сдвигались и юноши оставались висѣть на нихъ, не могли уже освободиться и должны были погибать самой печальною смертью.

Черезъ много-много лѣтъ прiѣхалъ еще одинъ царевичъ и услышалъ, какъ одинъ старикъ разсказывалъ про Розочку, которая спитъ уже сто лѣтъ, а вмѣстѣ съ нею спятъ и король, и королева, и весь ихъ дворъ. Онъ зналъ отъ своего дѣда, что уже многiе царевичи старались проникнуть за колючiе кусты, но оставались тамъ висѣть на нихъ и погибали печальною смертью. И сказалъ тогда юноша: «Я не боюсь, а хочу пройти туда и посмотрѣть прекрасную Розочку». Добрый старикъ совѣтовалъ ему не дѣлать этого, но онъ остался глухъ къ его словамъ.

Въ это время прошло ровно сто лѣтъ и наступилъ день, въ который Розочка должна была проснуться. Когда царевичъ приблизился къ колючему кустарнику, то на немъ распустились большiе прекрасные цвѣты, которые раздвинулись, безпрепятственно пропустили его и затѣмъ закрылись за нимъ, какъ рѣшетка. На дворѣ увидалъ онъ лошадей и охотничьихъ собакъ, которыя лежали и спали, а на крышѣ увидѣлъ онъ голубей, спрятавшихъ свои головы подъ крылышки. Когда онъ вошелъ въ домъ, мухи спали на стѣнѣ, поваръ еще подымалъ руку, чтобы ударить мальчика, дѣвушка сидѣла передъ черною курицею, ко-

торую она должна была ощипать. Онъ пошелъ дальше и увидалъ въ залѣ весь дворъ спящимъ, а у трона лежали король и королева. Онъ пошелъ еще дальше, и все было такъ тихо, что можно было слышать каждое его дыханіе, и наконецъ дошелъ онъ до башни и открылъ дверь въ маленькую комнатку, въ которой спала Розочка. Она лежала тамъ и была такъ хороша,

что онъ не могъ отвести отъ нея глазъ, наклонился и поцѣловалъ ее. Едва коснулся онъ ея своимъ поцѣлуемъ, Розочка открыла глаза, проснулась и весело оглянулась кругомъ. Они вышли вмѣстѣ оттуда, а король и королева между тѣмъ тоже проснулись, за ними и весь дворъ. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга. Лошади на дворѣ заржали; собаки стали прыгать и махать хвостами; голуби на крышѣ выправили свои головки изъ-подъ крыльевъ, оглянулись кругомъ и полетѣли въ поле; мухи на стѣнахъ поползли далѣе; огонь въ кухнѣ поднялся, затрещалъ, сталъ жарить кушанье; жаркое начало жариться; поваръ такъ дернулъ мальчика за ухо, что тотъ закричалъ; дѣвушка живо ощипала курицу. И тогда торжественно отпраздновали свадьбу царевича съ Розочкой, и они жили счастливо до самой своей смерти.

Чудесное дерево.

Много, много лѣтъ тому назадъ жилъ-былъ на свѣтѣ богатый человѣкъ; жена у него была красивая, добрая; жили они между собой согласно и любили другъ друга крѣпко, только дѣтей имъ недоставало.

А хотѣлось имъ имѣть дѣтей; день и ночь молилась объ этомъ жена, но Богъ не услышалъ ея молитвы и не давалъ имъ дѣтей.

Передъ ихъ домомъ былъ дворъ; на томъ дворѣ росло дерево. Вотъ, однажды зимою, жена стояла подъ этимъ деревомъ и чистила яблоко, чистила, да и порѣзала себѣ ножомъ палецъ. Алая кровь закапала на снѣгъ.

— Ахъ,— сказала жена съ глубокимъ вздохомъ,— если бы у меня было дитя, румяное, какъ кровь, и бѣлое, какъ снѣгъ.

Сказала она эти слова, и такъ у ней стало весело на душѣ, словно бы и въ самомъ дѣлѣ ея желанiе должно было сбыться, и пошла она домой совсѣмъ довольная.

Прошла зима, снѣгъ стаялъ, наступила весна, поля запестрѣли цвѣтами, прилетѣли птицы. За весной пришло лѣто, за лѣтомъ — осень... Заболѣла жена, позвала мужа и говоритъ ему:

— Если я умру, похорони меня подъ тѣмъ деревомъ, которое растетъ у насъ на дворѣ.

Мужъ обѣщалъ исполнить ея желаніе. Вскорѣ у жены родился сынъ, бѣлый, какъ снѣгъ, румяный, какъ кровь. Увидала она его и такъ обрадовалась, что съ радости умерла.

Горько плакалъ мужъ и похоронилъ ее подъ тѣмъ деревомъ, которое росло на дворѣ.

Прошло немного времени, и онъ сталъ плакать меньше, а тамъ и совсѣмъ пересталъ. Еще прошло нѣкоторое время, и онъ взялъ себѣ другую жену.

У второй жены родилась дѣвочка, а отъ первой жены остался мальчикъ, румяный, какъ кровь, и бѣлый, какъ снѣгъ. Взглянетъ мать на свою дочку, и радуется ея сердце, посмотритъ на мальчика, и закипитъ въ ней злоба; вспомнитъ она, что онъ поперекъ дороги ей сталъ, что не все богатство отцовское достанется ея дочери. И не взлюбила мачеха своего пасынка, стала его бить и щипать, такъ что бѣдный мальчикъ жилъ постоянно въ страхѣ, и, возвратившись домой изъ школы, не зналъ ни минуты покоя.

Однажды мачеха пошла въ свою горницу; дочка ея пошла вслѣдъ за нею и сказала:

— Матушка, дай мнѣ яблочко.

— Возьми, дитятко, — сказала мать, и вынула ей изъ сундука большое спѣлое яблоко. А у сундука была крышка тяжелая, желѣзная.

— Матушка,—сказала дочка,—а братцу ты дашь яблочко?

Мать разсердилась за эти слова, однако, сказала:

— И ему дамъ, какъ только онъ вернется изъ школы.

Въ это время мальчикъ какъ разъ возвратился домой.

Увидала его мачеха, разозлилась, даже у своей дочки отняла яблоко и сказала:

— И ты не получишь прежде брата.

Съ этими словами она бросила яблоко въ сундукъ и захлопнула его крышкой.

Когда мальчикъ вошелъ въ горницу, мачеха ласково спросила его:

— Не хочешь ли ты, сынокъ, яблочка?—и пристально поглядѣла на него.

— Матушка,—сказалъ мальчикъ,—что это ты на меня какъ смотришь? Ну, дай мнѣ яблочко.

— Вотъ, выбирай любое,—сказала мачеха и открыла сундукъ.

Наклонился мальчикъ надъ сундукомъ, а злая мачеха такъ сильно захлопнула крышку, что голова его отлетѣла отъ туловища и упала среди красныхъ яблоковъ. Испугалась тогда мачеха и стала думать, на кого бы ей всю бѣду свалить. Пошла она въ свою горницу, достала изъ ящика бѣлый платокъ, приставила голову опять къ туловищу, обвязала шею платкомъ такъ, что ничего не было видно, посадила мертваго мальчика передъ дверью на стулъ, дала ему въ руки яблоко, а сама пошла въ кухню.

Вскорѣ подошла къ ней дочь и сказала:

— Матушка, братецъ сидитъ передъ дверью, да такой блѣдный, и держитъ въ рукахъ яблочко. Я попросила у него это яблочко, но онъ мнѣ ничего не отвѣтилъ, и мнѣ стало такъ страшно.

— Сходи еще разъ къ нему, — сказала мать, — и если онъ тебѣ опять ничего не отвѣтитъ, толкни его.

Дѣвочка послушалась матери, пошла къ брату и сказала:

— Братецъ, дай мнѣ яблочко.

Но мальчикъ не шевелился и ничего не говорилъ. Тогда она толкнула братца, и голова его свалилась на полъ.

Бѣдная дѣвочка испугалась и принялась плакать и кричать, потомъ побѣжала къ матери и сказала ей:

— Ахъ, матушка, я сбила съ плечъ голову моему братцу.—При этомъ она заплакала еще сильнѣе и никакъ не могла утѣшиться.

— Дочка моя милая, что ты надѣлала, — сказала мать; — но теперь ужъ горю не поможешь. Замолчи лучше, чтобы никто объ этомъ не узналъ, и давай разваримъ его въ студень.

Съ этими словами она взяла мальчика, разрубила его на куски, положила въ большую посудину и разварила въ студень. А дѣвочка стояла и плакала, и слезы ея капали въ ту посудину, такъ что и соли въ студень не нужно было класть.

Вернулся отецъ домой, усѣлся за столъ и спрашиваетъ:

— А гдѣ же мой сынокъ?

Мать ничего не сказала, поставила на столъ большое блюдо студня, а дочка при этомъ никакъ не могла удержаться отъ слезъ.

— Да гдѣ же мой сынокъ?—еще разъ спросилъ отецъ.

— Онъ ушелъ въ деревню къ дѣдушкѣ погостить,—отвѣчала мать.

— Ушелъ и не простился со мной. Что ему тамъ дѣлать?

— Да ему давно уже хотѣлось пойти туда, вѣдь его всѣ тамъ такъ любятъ.

— Жалко мнѣ только, что онъ не простился со мной,—сказалъ отецъ и принялся за ѣду.

— Да что же ты плачешь,—спросилъ онъ дочку,—вѣдь вернется же твой братецъ!.. Ну, и вкусное же ты мнѣ кушанье приготовила,—обратился онъ къ женѣ,—положи-ка еще.

И чѣмъ больше онъ ѣлъ, тѣмъ больше оно ему нравилось.

— Клади еще и еще,—просилъ онъ жену,—я хочу все съѣсть,—и самъ ѣлъ, ѣлъ, а косточки подъ столъ бросалъ; наконецъ, съѣлъ все.

Дѣвочка же встала изъ-за стола, пошла къ своему комоду, достала оттуда лучшій шелковый платокъ, собрала въ него изъ-подъ стола всѣ косточки и, обливаясь кровавыми слезами, понесла ихъ изъ дому на дворъ. Тамъ положила она платокъ съ косточками на зеленую траву подъ то дерево, что росло посреди двора, и у ней стало такъ легко на сердцѣ, что она перестала плакать.

Дерево въ это время вдругъ зашевелилось, вѣтки его стали раздвигаться и сдвигаться, какъ руки человѣка, когда онъ отъ радости хлопаетъ въ ладоши. Затѣмъ надъ нимъ поднялся легкій туманъ, въ туманѣ заблестѣлъ огонекъ, а изъ этого огонька вылетѣла чудесная птичка, запѣла чудную пѣсню и полетѣла высоко, высоко...

Скоро птичка пропала изъ виду; въ ту же минуту дерево перестало шевелиться, а платокъ съ косточками, лежавшій подъ тѣмъ деревомъ, пропалъ. У дѣвочки на душѣ стало такъ весело, какъ будто бы братецъ ея былъ живъ. И пошла она домой совсѣмъ веселая, сѣла за столъ и стала обѣдать.

Птичка же сѣла на домъ золотыхъ дѣлъ мастера и запѣла пѣсенку:

Меня убила мачеха,
И съѣлъ меня отецъ,
Моя сестричка милая
Собрала мои косточки,
Въ платочекъ шелковый связала ихъ
И спрятала подъ деревцомъ.
Чивикъ! чивикъ! Какая я чудная птичка!

Золотыхъ дѣлъ мастеръ въ это время сидѣлъ въ своей мастерской и дѣлалъ золотую цѣпь. Пѣніе птички ему очень понравилось. Онъ всталъ со своего мѣста и такъ быстро пошелъ внизъ, что дорогой потерялъ туфлю. Такъ и вышелъ на улицу въ одной туфлѣ, да въ фартукѣ, держа въ рукѣ золотую цѣпь.

Вотъ стоитъ онъ на улицѣ и смотритъ на птичку.

— Птичка,—говоритъ онъ ей,—какъ ты хорошо поешь! Спой мнѣ еще разъ эту пѣсенку.

— Нѣтъ,—отвѣчала птичка,—я не буду пѣть два раза даромъ. Дай мнѣ эту золотую цѣпь, тогда спою.

— Я дамъ тебѣ ее, только спой.

Птичка слетѣла съ крыши, взяла цѣпь въ правую ножку, сѣла противъ золотыхъ дѣлъ мастера и запѣла:

Меня убила мачеха,
И съѣлъ меня отецъ,
Моя сестричка милая
Собрала мои косточки,
Въ платочекъ шелковый связала ихъ
И спрятала подъ деревцомъ.
Чивикъ, чивикъ! Какая я чудная птичка!

Затѣмъ птичка полетѣла къ башмачнику, сѣла на крышу его дома и пропѣла ему ту же пѣсню. Услыхалъ ее башмачникъ, выбѣжалъ на улицу въ одной

жилеткѣ, прикрылъ отъ солнца глаза ладонью и сталъ смотрѣть на крышу.

— Ахъ, какъ хорошо ты поешь, птичка,—сказалъ онъ и пошелъ за женой.

— Поди-ка, погляди, что за птичка, да какъ поетъ!—крикнулъ онъ ей. Позвалъ онъ и дочь свою, и всѣхъ дѣтей, и подмастерьевъ, и служанку, и всѣ они вышли на улицу и стали глядѣть на птичку.

А птичка была очень хороша! Перышки у ней были зеленыя и красныя, вокругъ шейки полоска словно изъ чистаго золота, а глазки блестѣли, какъ звѣздочки.

— Птичка,—сказалъ башмачникъ,—спой мнѣ еще разъ свою пѣсенку.

— Нѣтъ,—отвѣчала птичка,—я не пою два раза даромъ, ты долженъ мнѣ что-нибудь подарить.

— Жена, — сказалъ башмачникъ, — принеси мнѣ изъ мастерской пару красныхъ башмаковъ, которые я сегодня только что кончилъ.

Жена принесла.

— Вотъ, возьми себѣ, птичка, башмаки, только спой мнѣ еще разъ свою пѣсенку, — сказалъ башмачникъ.

Птичка подлетѣла къ нему, взяла башмаки въ лѣвую ножку, опять полетѣла на крышу и запѣла:

Меня убила мачеха,
И съѣлъ меня отецъ,
Моя сестричка милая
Собрала мои косточки,
Въ платочекъ шелковый связала ихъ
И спрятала подъ деревцомъ.
Чивикъ, чивикъ! Какая я чудная птичка!

Пропѣла птичка свою пѣсенку и полетѣла: въ правой ножкѣ держала она цѣпочку, въ лѣвой—башмаки; и прилетѣла она на мельницу, а на той мельницѣ двадцать человѣкъ работниковъ обтачивали жерновой камень и постукивали молотками: тукъ-тукъ, тукъ-тукъ.

Птичка сѣла на липовое дерево, которое росло возлѣ самой мельницы, и запѣла:

Меня убила мачеха...

Одинъ работникъ бросилъ работу.

И съѣлъ меня отецъ...

Еще двое перестали работать и стали слушать.

Моя сестричка милая...

Еще четверо оставили работу.

Собрала мои косточки,
Въ платочекъ шелковый связала ихъ...

Только восемь человѣкъ продолжали работать.

И спрятала...

Только пять остались при работѣ.

Подъ деревцомъ...

Только одинъ выбивалъ молоткомъ.

Чивикъ, чивикъ! Какая я чудная птичка!

Тутъ и послѣдній пересталъ работать и началъ слушать.

— Птичка, — сказалъ онъ, — какъ ты хорошо поешь, и мнѣ тоже хочется послушать, спой мнѣ еще разъ!

— Нѣтъ, — отвѣчала птичка, — я не буду пѣть два раза даромъ; отдай мнѣ жерновъ, и я спою.

— Если бы жерновъ былъ мой, я бы тебѣ его отдалъ, — сказалъ работникъ.

Тутъ и другіе сказали:

— Мы отдадимъ ей жерновъ, если она споетъ намъ еще разъ.

Тогда птичка слетѣла къ нимъ, и всѣ двадцать работниковъ стали поднимать мельничный жерновъ.

А птичка просунула въ него голову, надѣла его на шею, какъ воротникъ, взлетѣла опять на дерево и запѣла:

Меня убила мачеха,
И съѣлъ меня отецъ,

Моя сестричка милая
Собрала мои косточки,
Въ платочекъ шелковый связала ихъ
И спрятала подъ деревцомъ.
Чивикъ, чивикъ! Какая я чудная птичка!

Спѣла птичка пѣсенку, взмахнула крылышками и полетѣла къ дому своего отца, держа правой ножкой цѣпь, лѣвой красные башмаки, а на шеѣ жерновъ.

Дома всѣ сидѣли за столомъ, и отецъ говорилъ:

— Отчего мнѣ такъ хорошо сегодня, и на сердцѣ у меня такъ весело?

— Нѣтъ, — сказала мачеха, — мнѣ что-то страшно, чую я бѣду какую-то.

А сестрица сидѣла и все плакала; въ это самое время прилетѣла птичка и сѣла на крышу.

— Ахъ, — сказалъ отецъ, — солнце свѣтитъ такъ ярко, и на душѣ у меня такъ радостно, словно мнѣ придется свидѣться со старымъ знакомымъ.

— Нѣтъ, — сказала жена, — у меня отъ страха зубы стучатъ, а въ жилахъ словно огонь.

А дочка отошла въ уголъ и, закрывъ лицо руками, принялась плакать еще сильнѣе. Между тѣмъ, птичка сѣла на дерево, которое росло посреди двора, и запѣла:

Меня убила мачеха...

При этихъ словахъ мачеха заткнула уши, зажмурила глаза, не желая ничего слышать и видѣть, но въ ушахъ ея раздавался шумъ какъ бы отъ страшной бури, а глаза жгло, какъ будто въ нихъ сверкала молнія.

И съѣлъ меня отецъ...

– Ахъ, — сказалъ отецъ, услыхавъ эти слова, — какая красивая птичка сидитъ на деревѣ и поетъ такъ чудесно!

А птичка все пѣла:

Моя сестричка милая...

Услыхала это сестрица, уткнула лицо въ колѣни, залилась горючими слезами, а отецъ сказалъ:

— Пойду, взгляну на птичку поближе.

— Ахъ, не ходи, — просила жена, — мнѣ кажется, что весь нашъ домъ объятъ пламенемъ.

Но мужъ не послушался, вышелъ посмотрѣть на птичку, которая пѣла:

Собрала мои косточки,
Въ платочекъ шелковый связала ихъ
И спрятала подъ деревцомъ.
Чивикъ, чивикъ! Какая я чудная птичка!

Кончила птичка пѣсенку и бросила отцу золотую цѣпь; цѣпь упала ему на шею и пришлась какъ разъ впору. Отецъ пошелъ домой и сказалъ:

— Посмотрите, что мнѣ подарила чудная птичка.

А жена въ ужасѣ бѣгала по всему дому. Птичка же опять запѣла свое:

Меня убила мачеха...

— Ахъ, лучше бы мнѣ провалиться сквозь землю, чѣмъ слышать эту пѣсню, — сказала мачеха.

И съѣлъ меня отецъ...

Тутъ мачеха упала на полъ.

Моя сестричка милая...

— Ахъ, — сказала сестрица, — я тоже пойду, не подаритъ ли и мнѣ чего-нибудь птичка.

Собрала мои косточки,
Въ платочекъ шелковый связала ихъ...

Пропѣла птичка и бросила сестричкѣ красные башмаки.

И спрятала подъ деревцомъ.
Чивикъ, чивикъ! Какая я чудная птичка!

При этихъ словахъ у сестрицы стало легко на сердцѣ. Она обулась въ новые красные башмаки и стала плясать.

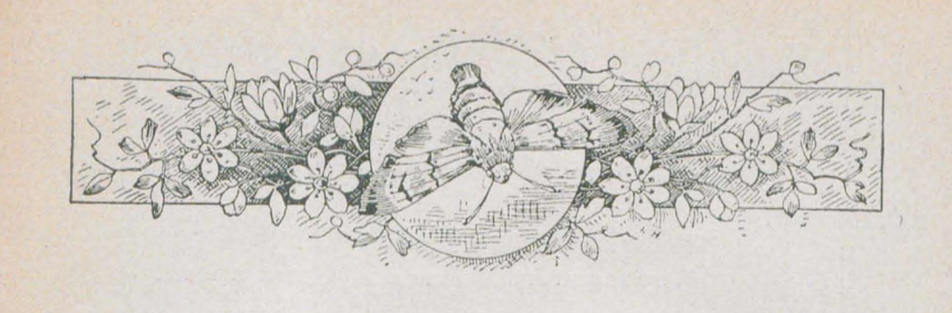
— Ахъ, — говорила она, — раньше мнѣ было такъ грустно дома, а теперь мнѣ такъ хорошо! Красивая птичка подарила мнѣ новые башмаки.

— Нѣтъ, — сказала мачеха, и волосы дыбомъ поднялись у ней на головѣ, — я не могу больше терпѣть; выйду изъ дома, можетъ-быть, и мнѣ станетъ легче.

Но едва только она вышла на дворъ, какъ въ ту же минуту птичка бросила ей на голову мельничный жерновъ, который и раздавилъ ее.

Отецъ и дочь услыхали шумъ и выбѣжали посмотрѣть: на томъ мѣстѣ, гдѣ была раздавлена мачеха, они увидѣли сначала дымъ, потомъ огонь, затѣмъ все исчезло: передъ ними стоялъ маленькій братецъ. Онъ подошелъ къ отцу и сестрицѣ, взялъ ихъ за руки, и всѣ трое, счастливые и веселые, вернулись въ домъ и сѣли за столъ обѣдать.

Милый Роландъ.

Жила-была на свѣтѣ женщина, злая-презлая вѣдьма, и были у ней двѣ дочери; одну изъ нихъ, безобразную и злую, она очень любила, потому что это была ея родная дочь, а другую, красивую и добрую, терпѣть не могла, потому что она приходилась ей падчерицей. Вотъ разъ падчерица вздумала надѣть хорошенькій фартучекъ, и онъ такъ понравился ея сестрѣ, что она сейчасъ же побѣжала къ матери и стала просить себѣ такой же.

— Погоди немножко, — сказала старуха, — будетъ и у тебя такой же фартучекъ. Твою сестру давно пора убить; сегодня ночью, какъ только она заснетъ, я приду въ вашу горницу и отрублю ей голову. Только смотри, лягъ у нея за спиною, а ее выдвинь впередъ.

Такъ бы и пришлось бѣдной дѣвушкѣ умереть, если бы она изъ уголка не подслушала разговора мачехи съ дочкой. Когда пришло время ложиться спать, сестра улеглась за ея спиной и крѣпко заснула. Пад-

черица же потихоньку придвинула ее ближе къ краю кровати, а сама легла къ стѣнѣ. Ночью старуха подкралась къ кровати; въ правой рукѣ она держала топоръ, а лѣвой стала ощупывать, лежитъ ли кто на краю постели. Затѣмъ, схвативъ топоръ обѣими руками, она отрубила голову своей родной дочери.

Когда старуха ушла изъ горницы, дѣвушка поднялась съ постели и отправилась къ своему жениху Роланду, который жилъ въ домикѣ черезъ улицу.

— Мой милый Роландъ,— сказала она,— мы должны сейчасъ же бѣжать отсюда; мачеха хотѣла меня убить, но вмѣсто меня убила свою родную дочь. Когда наступитъ день, и она увидитъ ошибку—мы пропали.

Роландъ согласился и сказалъ:

— Сходи сначала къ мачехѣ въ домъ, возьми у нея волшебный жезлъ, и тогда побѣжимъ; а иначе мы не спасемся никакимъ бѣгствомъ.

Дѣвушка послушалась и отправилась домой. Тамъ взяла она отрубленную голову сестры, и накапала три капли крови: одну передъ кроватью, другую въ кухнѣ, третью на лѣстницѣ. Затѣмъ, захвативъ съ собою волшебный жезлъ, поспѣшила къ своему жениху, чтобы вмѣстѣ съ нимъ бѣжать.

Утромъ проснулась старая вѣдьма, стала звать свою дочь, чтобы подарить ей хорошенькій фартучекъ, но на ея зовъ никто не являлся.

— Да гдѣ же ты?— воскликнула она.

— Я здѣсь, на лѣстницѣ,— отвѣчала одна изъ капелекъ крови.

Старуха спустилась по лѣстницѣ, но никого тамъ не увидала и еще разъ крикнула:

— Гдѣ ты?

— Я въ кухнѣ, грѣюсь, — отвѣчала вторая капелька крови.

Вѣдьма побѣжала въ кухню, но и тамъ никого не нашла.

— Да гдѣ же ты, наконецъ?—закричала она еще разъ.

— Да здѣсь же, въ постели сплю,—отвѣтила третья капелька.

Старуха бросилась въ горницу къ постели. Что же она увидала тамъ? Свою родную дочь, которой она собственными руками отрубила голову.

Внѣ себя отъ ярости, вѣдьма бросилась къ окну. Глаза у ней были зоркіе, и она сейчасъ же разглядѣла падчерицу, которая быстро бѣжала со своимъ женихомъ.

— Не убѣжать вамъ отъ меня, не убѣжать!—воскликнула вѣдьма и тотчасъ же обула свои сапоги-скороходы.

Не прошло и двухъ часовъ, какъ она догнала падчерицу и ея жениха Роланда.

Но дѣвушка, замѣтивъ приближающуюся мачеху, съ помощью волшебнаго жезла обратила своего жениха въ прудъ, а сама обернулась сѣрой уточкой и поплыла по пруду. Вѣдьма остановилась у берега стала бросать уточкѣ крошки хлѣба, стараясь всячески приманить ее къ берегу; но уточка къ берегу не подплывала, и старуха должна была вернуться домой ни съ чѣмъ. Прошло немного времени, дѣвушка и ея женихъ снова приняли на себя человѣческій образъ и пошли дальше. Вѣдьма опять увидала ихъ и поспѣшно пустилась вдогонку. Заслышавъ шаги вѣдьмы,

падчерица обернулась въ прекрасный цвѣтокъ, который стоялъ среди терновой изгороди, а своего милаго Роланда обратила въ музыканта, играющаго на скрипкѣ. Приблизилась вѣдьма къ музыканту и сказала ему:

— Милый музыкантъ, можно ли мнѣ сорвать этотъ прекрасный цвѣтокъ?

— Разумѣется, — отвѣчалъ музыкантъ, — я тебѣ буду подыгрывать.

Старуха полѣзла за изгородь и хотѣла было уже сорвать цвѣтокъ: она хорошо знала, кто обернулся цвѣткомъ; но въ эту минуту заигралъ музыкантъ. Музыка была волшебная, и старая вѣдьма волей-неволей должна была плясать. Чѣмъ скорѣй игралъ музыкантъ, тѣмъ выше подпрыгивала вѣдьма, а терновникъ рвалъ ея волосы и царапалъ ей тѣло. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока она не упала на землю мертвой.

Такимъ образомъ, падчерица и ея женихъ навсегда освободились отъ злой вѣдьмы.

— Ну, теперь я отправлюсь къ своему отцу,— сказалъ Роландъ,— и буду готовиться къ свадьбѣ.

— А я здѣсь останусь,—сказала дѣвушка,—и буду ждать тебя, а чтобы меня никто не узналъ, я обернусь краснымъ камнемъ.

Роландъ ушелъ, а дѣвушка, обернувшись краснымъ камнемъ, стала ждать своего жениха.

Но долго пришлось ей ожидать его: Роландъ скоро забылъ про свою невѣсту. Запечалилась, затосковала бѣдная дѣвушка и съ горя обернулась цвѣткомъ.

«Кто-нибудь пойдетъ дорогой и растопчетъ меня!» думала она.

Случилось, что возлѣ дороги пастухъ гналъ стадо овецъ. Цвѣточекъ ему такъ понравился, что онъ сорвалъ его, принесъ домой и спряталъ въ ящикъ.

Съ этихъ поръ въ домѣ пастуха стали твориться чудеса: встанетъ онъ утромъ, все уже въ домѣ сдѣлано — комната подметена, столъ и лавки вытерты чисто-начисто, печка растоплена и вода принесена. Въ полдень же, когда онъ возвращался домой, столъ

былъ уже накрытъ и на немъ стояли вкусныя кушанья. Все это очень нравилось пастуху, но, наконецъ, ему стало страшно: онъ не могъ понять, откуда все это появляется, кто убираетъ домъ, готовитъ кушанье, и вотъ отправился онъ къ одной женщинѣ попросить совѣта.

— Непремѣнно тутъ есть какое-нибудь колдовство,—сказала она ему;—посмотри какъ-нибудь утромъ, не двигается ли что-нибудь въ комнатѣ, и если замѣтишь что, сейчасъ же накрой этимъ бѣлымъ платкомъ и тогда все волшебство исчезнетъ.

Пастухъ обѣщался сдѣлать такъ, какъ ему было сказано. На другое утро, лишь только занялась заря, онъ увидѣлъ, что ящикъ открылся и изъ него вышелъ цвѣтокъ. Въ ту же минуту пастухъ подскочилъ къ нему и накинулъ на него бѣлый платокъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ передъ собой прекрасную дѣвушку; она призналась ему, что была цвѣткомъ и присматривала за его хозяйствомъ; затѣмъ она разсказала ему про свое горе и такъ понравилась пастуху, что онъ захотѣлъ на ней жениться.

— Не пойдешь ли ты за меня замужъ?—спросилъ онъ дѣвушку.

Но она не согласилась, такъ какъ хотѣла остаться вѣрной своему первому жениху. Однако, она не ушла отъ пастуха и продолжала вести его хозяйство.

Вскорѣ наступило время свадьбы Роланда. По старинному обычаю было объявлено объ этомъ во всей странѣ и всѣ дѣвушки должны были явиться на свадьбу и пѣть пѣсни въ честь жениха и невѣсты.

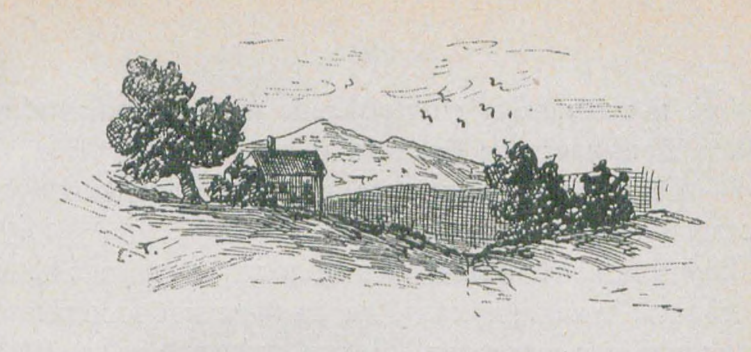
Бѣдная дѣвушка, услыхавъ объ этомъ, такъ загрустила, что ея сердце готово было разорваться на части. Она совсѣмъ было рѣшила уже не итти на свадьбу, но другія дѣвушки зашли за нею и утащили съ собой. Когда наступила ея очередь пропѣть пѣсню въ честь жениха и невѣсты, она отошла отъ прочихъ дѣвушекъ и, оставшись совершенно одна, запѣла.

Услыхалъ Роландъ ея пѣніе, вскочилъ съ своего мѣста и закричалъ:

— Этотъ голосъ знакомъ мнѣ, это поетъ моя настоящая невѣста, другой я не хочу.

Вся его прежняя любовь къ дѣвушкѣ снова воскресла въ немъ, онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку. Вѣрная дѣвушка обвѣнчалась со своимъ милымъ Роландомъ. Страданія ея кончились, и для нея наступили теперь веселые, счастливые дни.

Метелица.

У одной вдовы было двѣ дочери: одна красивая и прилежная, другая некрасивая и лѣнивая. Вдова любила больше некрасивую и лѣнивую, потому что она была ей родной дочерью, а на другую, падчерицу, взвалила всю черную работу, и была та въ домѣ замарашкой. Бѣдную дѣвушку мачеха высылала каждый день на большую улицу; тамъ она садилась у колодца и пряла, да такъ много, что кровь выступала у нея изъ пальцевъ.

Случилось однажды, что все веретено ея было выпачкано кровью; наклонилась она къ колодцу, чтобы его обмыть, а веретено выскользнуло у нея изъ рукъ и упало въ воду. Дѣвушка заплакала, побѣжала къ

мачехѣ и разсказала ей про свое горе. Безжалостная мачеха принялась ее бранить и сказала:

— Если ты уронила веретено въ колодецъ, то и доставай его оттуда.

Вернулась бѣдняжка къ колодцу и не знала, что ей дѣлать; думала, думала, да съ горя и бросилась въ колодецъ за веретеномъ. Долго лежала она тамъ безъ памяти, а когда пришла въ себя, то увидала, что лежитъ на прекрасномъ лугу, усыпанномъ множествомъ цвѣтовъ, и солнышко, такъ радостно, такъ весело свѣтитъ надъ нею. Пошла она по этому лугу и пришла къ печкѣ, а въ печкѣ той многое-множество хлѣбовъ пеклось. И кликнули ей хлѣбы:

— Ахъ, вытащи насъ, вытащи насъ скорѣе, а то мы сгоримъ; мы давно уже испеклись.

Дѣвушка подошла поближе и вынула лопатой хлѣбы изъ печи. Затѣмъ отправилась она дальше и подошла къ яблонѣ, которая вся была усыпана яблоками. И сказала ей яблоня:

— Обтряси меня, обтряси; яблоки на мнѣ давно уже поспѣли.

Дѣвушка принялась трясти дерево такъ, что яблоки съ него дождемъ посыпались, и трясла она до тѣхъ поръ, пока на деревѣ ни одного яблока не осталось. Собрала она ихъ всѣ въ кучу и пошла дальше. Долго шла она и пришла, наконецъ, къ избушкѣ, а оттуда выглядывала старая старуха съ огромными зубами. Страшно стало дѣвушкѣ, хотѣла она бѣжать, а старуха кричитъ ей вслѣдъ:

— Чего ты боишься, милая дѣвушка? Оставайся у меня; если всю работу въ домѣ будешь, какъ слѣ-

дуетъ, дѣлать, то тебѣ будетъ хорошо у меня. Главное, мою постель получше стели да перину взбивай хорошенько, такъ, чтобы изъ нея перья летѣли; когда

изъ моей перины перья летятъ, тогда на свѣтѣ снѣгъ идетъ; вѣдь я — Метелица.

Старуха говорила ласково, и успокоенная дѣвушка согласилась остаться у нея. Она старалась исполнять всѣ желанія старухи и взбивала ей перину такъ, что перья, точно снѣжныя хлопья, летѣли во всѣ стороны; зато и жи-

лось ей хорошо: ни одного неласковаго слова не слыхала она отъ старухи, и за столомъ всегда всего было вдоволь.

Пожила такъ дѣвушка нѣкоторое время у Метелицы и вдругъ загрустила. Сначала она и сама не знала, чего ей недостаетъ, но потомъ замѣтила, что соскучилась она по своемъ домѣ. Какъ ни хорошо было ей у старухи, въ тысячу разъ лучше, чѣмъ дома, а все же стало ее домой тянуть.

Наконецъ, она не выдержала и сказала старухѣ:

— Я соскучилась по дому, и какъ мнѣ ни хорошо здѣсь подъ землею, а не могу я дольше оставаться,— тянетъ меня домой къ своимъ.

Метелица сказала:

— Это хорошо, что тебѣ опять домой захотѣлось; а такъ какъ ты мнѣ хорошо служила, то я сама отведу тебя на землю.

Съ этими словами она взяла ее за руку и привела къ большимъ воротамъ. Ворота растворились, и когда дѣвушка вошла въ нихъ, то на нее посыпался золотой дождь въ такомъ изобиліи, что она вся покрылась золотомъ.

— Это тебѣ награда за твои труды,—сказала старуха и отдала ей также веретено, которое упало въ колодецъ.

Затѣмъ, ворота захлопнулись, и дѣвушка очутилась на землѣ, недалеко отъ дома мачехи. Когда вошла она во дворъ, то прежде всѣхъ увидалъ ее пѣтушокъ, сидѣвшій на колодцѣ, и закричалъ:

— Ку-ку-ре-ку, наша дѣвица вся въ золотѣ пришла!

Дѣвушка вошла въ домъ. Увидали мачеха съ сестрой, что вся она покрыта золотомъ, и встрѣтили ее ласково.

Дѣвушка разсказала все, что съ нею случилось.

Услыхала объ этомъ мачеха и захотѣла, чтобы и родная ея дочь, злая и некрасивая, добыла такое же богатство. Послала она ее къ тому же колодцу прясть. Чтобы на веретенѣ была кровь, дочь уколола себѣ палецъ и оцарапала руку въ терновникѣ, а затѣмъ бросила веретено въ колодецъ и сама прыгнула туда же. Она такъ же очутилась на прекрасномъ лугу и пошла по той же дорогѣ. Скоро пришла она къ печкѣ и хлѣбы закричали ей:

— Вытащи насъ поскорѣй, вытащи, а то мы сгоримъ; мы давно ужъ испеклись.

А лѣнивица имъ въ отвѣтъ:

— Вотъ выдумали, стану я пачкаться,—и пошла дальше.

Скоро пришла она къ яблонѣ, закричала ей яблоня:

— Обтряси меня, обтряси поскорѣй; яблоки на мнѣ давно ужъ поспѣли.

— Очень нужно,—отвѣчала дѣвушка,—пожалуй, еще которое-нибудь яблоко мнѣ на голову упадетъ,— сказала она и пошла дальше.

Подойдя къ избушкѣ Метелицы, она не испугалась старухи, потому что слышала уже о ея огромныхъ зубахъ, и сейчасъ же согласилась у ней остаться.

Въ первый день дѣвушка постаралась переломить себя, была прилежна и исполняла приказанія старухи, потому что она думала о золотѣ, которое получитъ въ награду; на другой день она начала уже лѣниться

а на третій—и совсѣмъ не захотѣла утромъ вставать. Постель Метелицы она тоже не постилала, какъ слѣдуетъ, и не взбивала перину такъ, чтобы перья летѣли во всѣ стороны. Надоѣла она наконецъ Метелицѣ, и та отказала ей.

Обрадовалась лѣнивица, думаетъ, что вотъ сейчасъ и на нее золотой дождь посыплется. Метелица повела ее къ воротамъ, но когда дѣвушка вошла въ нихъ, то вмѣсто золота опрокинулся на нее огромный котелъ со смолой.

— Вотъ тебѣ награда за твою службу,—сказала Метелица и затворила ворота.

Пришла лѣнивица домой, съ ногъ до головы покрытая смолой, а пѣтушокъ на колодцѣ увидалъ ее да какъ закричитъ:

— Ку-ку-ре-ку, наша дѣвица вся въ смолѣ пришла!

Такъ эта смола на всю жизнь и облѣпила лѣнивицу.

Солдатскій ранецъ, шляпа и рожокъ.

Жили-были три брата. Дѣла ихъ шли плохо, и они становились съ каждымъ годомъ все бѣднѣе, наконецъ впали въ такую нищету, что хоть съ голоду помирай. И вотъ, старшій братъ и сказалъ:

— Здѣсь намъ дѣлать больше нечего; пойдемте по бѣлу свѣту, поищемъ своего счастья.

Отправились. Много земель они исходили, много всего повидали, а счастья своего все не встрѣчали. Вотъ, однажды, пришли они въ большой дремучій лѣсъ, посреди того лѣса стояла гора; подошли они къ той горѣ, смотрятъ, она вся изъ чистаго серебра. Тогда старшій братъ и говоритъ:

— Ну, вотъ я и нашелъ свое счастье, больше мнѣ ничего не надо.

Взялъ онъ себѣ серебра столько, сколько могъ донести, простился съ братьями и вернулся домой.

Но другіе братья сказали:

— Нѣтъ, намъ мало этого, мы поищемъ чего-ни будь получше.

До серебра они и не дотронулись и пошли дальше.

Идутъ день, идутъ другой, подходятъ къ горѣ изъ чистаго золота. Остановился передъ ней второй братъ и призадумался.

— Не знаю, что и дѣлать, — сказалъ онъ, — взять ли мнѣ золота столько, чтобы на всю жизнь хватило, или итти дальше.

Думалъ, думалъ и рѣшилъ онъ взять золота, наложилъ его полные карманы, простился съ братомъ и пошелъ домой.

А третій братъ сказалъ:

— Что мнѣ золото и серебро, пойду дальше, можетъ-быть, что лучше найду.

И пошелъ.

Идетъ день, идетъ другой, третій и приходитъ въ лѣсъ, такой большой, что и конца ему не видать. Вотъ и захотѣлось ему ѣсть и пить, а ничего у него съ собой не было. Влѣзъ онъ на высокое дерево, посмотрѣлъ, не видать ли конца лѣса; но сколько не глядѣлъ, все видѣлъ передъ собою только верхушки деревьевъ. Нечего дѣлать, слѣзъ съ дерева, но голодъ мучилъ его все сильнѣе, и подумалъ онъ: «хорошо бы мнѣ еще хоть разокъ поѣсть».

Только что онъ это подумалъ, вдругъ, откуда ни возьмись, передъ нимъ столъ и весь этотъ столъ заставленъ разными кушаньями, а отъ нихъ такой вкусный запахъ идетъ.

— Нечего сказать, скоро мое желаніе исполнилось, — сказалъ онъ.

И, не думая о томъ, кто принесъ эти кушанья, принялся онъ за ѣду, и ѣлъ до тѣхъ поръ, пока не наѣлся досыта.

— А вѣдь жалко бросить здѣсь въ лѣсу эту тонкую скатерть, — сказалъ онъ поѣвши и, сложивъ хорошенько скатерть со стола, положилъ ее въ карманъ и пошелъ дальше.

Вечеромъ опять ему захотѣлось ѣсть, и онъ рѣшилъ еще разъ испробовать свою скатерть, разложилъ ее и сказалъ:

— Хочу, чтобы на тебѣ опять появились вкусныя кушанья.

Не успѣлъ онъ пожелать этого, какъ вся скатерть оказалась заставленной всевозможными кушаньями.

— Ну, теперь я вижу, что эта скатерть дороже для меня всякаго золота и серебра!—сказалъ онъ, сообразивъ, что у него въ рукахъ скатерть самобранная.

Но этого ему было мало, ему хотѣлось еще побродить по бѣлому свѣту и поискать счастья.

Однажды вечеромъ въ лѣсу встрѣтилъ онъ чернаго угольщика, который обжигалъ уголья и тутъ же варилъ себѣ картофель на ужинъ.

— Здорово, другъ, какъ поживаешь? — спросилъ онъ угольщика.

— Да вотъ, видишь, каждый вечеръ все картофель себѣ варю. Хочешь его попробовать — садись, будешь моимъ гостемъ.

— Спасибо, — отвѣчалъ путникъ, — я не буду отнимать у тебя твой ужинъ, ты вѣдь и не готовилъ на двоихъ; ужъ лучше я тебя приглашу и угощу ужиномъ.

— А кто же тебѣ будетъ ужинъ готовить,—спросилъ угольщикъ,—вѣдь у тебя съ собой ничего нѣтъ? А здѣсь поблизости никого не найдешь, у кого бы ты могъ добыть что-нибудь.

— А все-таки я тебя угощу такими кушаньями, какихъ ты никогда еще не ѣдалъ.

Съ этими словами онъ вынулъ свою скатерть, разостлалъ ее на землѣ и крикнулъ:

— Скатерть самобранная, накройся.

И въ ту же минуту на скатерти появились кушанья; они были такъ горячи, какъ будто бы ихъ только что вынули изъ печки.

Угольщикъ глаза вытаращилъ отъ удивленья, но, разумѣется, не заставилъ себя долго потчевать и тутъ же принялся уписывать за обѣ щеки вкусныя кушанья.

Покушавши всласть, угольщикъ и говоритъ:

— Слушай-ка, твоя скатерть мнѣ понравилась, она мнѣ пригодилась бы здѣсь въ лѣсу, вѣдь тутъ никто не можетъ мнѣ приготовить ничего вкуснаго. Хочешь, помѣняемся: видишь, вонъ тамъ, въ углу, виситъ солдатскій ранецъ; онъ хоть и старъ и плохъ на видъ, но сила чудесная таится въ немъ. А такъ какъ онъ мнѣ больше не нуженъ, то я и промѣнялъ бы его на твою скатерть.

— Сначала скажи, какая въ немъ сила таится,— возразилъ путникъ.

— А вотъ слушай,—отвѣчалъ угольщикъ,—какъ только хлопнешь ты по этому ранцу рукою, сейчасъ же выскочитъ изъ него ефрейторъ и шесть человѣкъ солдатъ въ полномъ вооруженіи, и что ты ни прикажешь имъ, все исполнятъ.

— Что жъ, если это такъ, то я готовъ помѣняться,—сказалъ тотъ и отдалъ угольщику свою скатерть; а самъ снялъ съ крючка ранецъ, надѣлъ его на себя и, простившись съ угольщикомъ, ушелъ.

Пройдя немного, онъ захотѣлъ испытать чудесную силу своего ранца и хлопнулъ по немъ рукою. Сейчасъ же явились передъ нимъ семь молодцовъ, и ефрейторъ спросилъ:

— Что угодно моему господину и повелителю?

— Скорымъ шагомъ маршъ къ угольщику и возьмите у него мою скатерть самобранную.

Тѣ живо повернулись и, не говоря ни слова, отняли у угольщика скатерть. Затѣмъ, по приказанію своего господина, они опять влѣзли въ ранецъ и онъ пошелъ дальше, надѣясь на свое счастье. На закатѣ солнца пришелъ онъ къ другому угольщику, который готовилъ себѣ ужинъ.

— Хочешь со мной ужинать, такъ присаживайся,— сказалъ ему угольщикъ, — угощу тебя картофелемъ съ солью.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ путникъ, — ужъ лучше ты будь моимъ гостемъ, — и тутъ же разложилъ свою скатерть, на которой тотчасъ появились всевозможныя кушанья.

Принялись они оба ѣсть и пить и скоро совсѣмъ подружились.

Послѣ ужина угольщикъ сказалъ:

— Видишь, тамъ лежитъ старая, изношенная шляпа, она имѣетъ удивительныя свойства: если кто надѣнетъ и повернетъ ее на своей головѣ, то явятся двѣнадцать пушекъ и разгромятъ все, что бы ни было. Мнѣ эта

шляпенка совсѣмъ не нужна, и я бы съ удовольствіемъ промѣнялъ ее на твою скатерть.

— Что жъ, пожалуй,—сказалъ путникъ и отдалъ угольщику скатерть, а самъ надѣлъ поношенную шляпу и пустился въ путь.

Пройдя небольшое разстояніе, онъ хлопнулъ рукой по своему ранцу, и его солдаты опять вернули ему скатерть.

«Ну вотъ, это хорошо, — подумалъ онъ, — но кажется, мнѣ, что счастью моему еще не пришелъ конецъ».

И, дѣйствительно, онъ не ошибся. Черезъ день приходитъ къ третьему угольщику, который такъ же сталъ угощать его картофелемъ съ солью. А онъ развернулъ скатерть самобранную и предложилъ ему свое угощенье. Оно такъ понравилось угольщику, что тотъ упросилъ его промѣнять чудесную скатерть на рожокъ, который обладалъ совсѣмъ особенными свойствами: когда на немъ начали играть, всѣ крѣпости, деревни и города разрушались и превращались въ груды развалинъ. Промѣнялъ путникъ скатерть на рожокъ. но его солдаты сейчасъ же опять отняли ее у угольщика, такъ что въ его рукахъ очутились и ранецъ, и шляпа, и рожокъ.

— Ну, теперь у меня все есть, — сказалъ онъ, — можно и домой вернуться, посмотрѣть, какъ поживаютъ мои братья.

Возвратившись домой, онъ увидѣлъ, что братья на свое золото и серебро построили прекрасный большой домъ и жили, ни въ чемъ себѣ не отказывая. Они не хотѣли признать его за брата, потому что

онъ пришелъ къ нимъ въ поношенномъ платьѣ, въ измятой шляпѣ и съ потертымъ ранцемъ за спиной.

— Ты обманываешь насъ, выдавая себя за нашего брата, — сказали они ему; — нашъ братъ отказался отъ золота и серебра, онъ хотѣлъ поискать лучшаго счастья и, вѣроятно, вернется къ намъ въ полномъ великолѣпіи, подобно королю, а ужъ не такимъ жалкимъ, какъ ты.

Съ этими словами они выгнали его за дверь. Младшій братъ разсердился и сталъ хлопать рукой по своему ранцу до тѣхъ поръ, пока передъ нимъ не выстроились въ нѣсколько рядовъ полтораста солдатъ. Онъ приказалъ имъ окружить домъ своихъ братьевъ, а двоимъ изъ нихъ велѣлъ наломать прутьевъ и хлестать ими обоихъ гордецовъ до тѣхъ поръ, пока они не узнаютъ, кто онъ.

Поднялся страшный шумъ, сбѣжались слуги и хотѣли помочь своимъ господамъ, но они ничего не могли подѣлать съ солдатами. Тогда донесли объ этомъ королю, и разгнѣванный король приказалъ своему полковнику выступить съ цѣлымъ полкомъ противъ мятежника и выгнать его изъ города. Но нашъ молодецъ, съ помощью своего ранца, выставилъ нѣсколько полковъ, и они разбили полковника; солдаты его должны были отступить съ позоромъ.

— Этого негодяя нужно проучить, — сказалъ король и на другой день выслалъ противъ него большое войско, но и оно ничего не могло подѣлать. Нашъ герой повернулъ на головѣ два раза свою шляпу: загремѣли пушки, королевскіе воины были разбиты и обратились въ бѣгство

— Ну, теперь ужъ я до тѣхъ поръ не помирюсь,— сказалъ онъ,— пока король не выдастъ за меня замужъ свою дочь; тогда я буду управлять королевствомъ отъ его имени.

Эти слова были переданы королю; тотъ позвалъ свою дочь и сказалъ ей:

— Ничего, видно, съ нимъ не подѣлаешь; приходится исполнить его желаніе... Чтобы удержать корону на головѣ, я долженъ выдать тебя за него замужъ.

Отпраздновали свадьбу, но королевская дочь была очень недовольна тѣмъ, что ея мужъ былъ человѣкъ простой. Ей не нравилось, что онъ ходитъ въ плохонькой шляпѣ и носитъ за спиной потертый ранецъ. Она съ удовольствіемъ бы отдѣлалась отъ него и съ утра до ночи только и думала о томъ, какъ бы это устроить.

— Ужъ не въ этомъ ли ранцѣ вся его сила,— пришло ей какъ-то въ голову, и она рѣшила допытаться: сдѣлалась ласковой и, когда онъ растрогался, сказала ему:

— Да сними ты этотъ отвратительный ранецъ, онъ такъ тебя уродуетъ, что мнѣ просто за тебя стыдно.

— Милая моя,—отвѣчалъ онъ,—да вѣдь пока у меня на спинѣ этотъ ранецъ, я никого не боюсь,—и разсказалъ ей, какая въ немъ таилась сила.

Тутъ жена бросилась ему на шею, какъ будто для того, чтобы поцѣловать, а сама между тѣмъ отвязала у него со спины ранецъ и пустилась съ нимъ бѣжать.

Когда королевна осталась одна, она хлопнула по ранцу; въ ту же минуту передъ ней явились солдаты, и она приказала имъ выгнать изъ дворца своего нелюбимаго мужа. Солдаты повиновались, и, если бы не шляпа, плохо бы ему пришлось. Повернулъ онъ ее на своей головѣ раза два,—загремѣли пушки, разбили солдатъ, и сама королевна должна была просить пощады. Она такъ убѣдительно просила прощенья и такъ горячо обѣщала исправиться, что онъ повѣрилъ ей и помирился съ нею.

Но лукавая жена чрезъ нѣсколько времени опять сумѣла такъ упросить мужа что онъ разсказалъ ей о томъ, какая сила заключается въ его потертой шляпенкѣ.

Вывѣдавъ эту тайну, жена во время сна отняла у него шляпу и приказала выгнать его на улицу. Но у мужа остался еще рожокъ. Очутившись на улицѣ, онъ затрубилъ въ него изо всей силы, и въ ту же

минуту стѣны крѣпости, города, деревни — все рухнуло сразу и обратилось въ груды развалинъ. Король и королевна погибли подъ обломками. И если бы онъ не перестал трубить въ свой рожокъ, то вся страна была бы разрушена, такъ что не осталось бы и камня на камнѣ.

Послѣ этого никто ужъ не сталъ ему противиться и онъ сдѣлался королемъ надъ всей страной.

Умница Эльза.

Жилъ-былъ человѣкъ, у котораго была дочь умница Эльза. Когда она выросла, отецъ сказалъ женѣ:

— Отдадимъ ее замужъ.

— Что жъ, отдадимъ, — сказала жена,—если только найдется человѣкъ, который захочетъ ее взять за себя.

Вотъ откуда-то издалека явился юноша, по имени Гансъ, и сталъ за нее свататься. Но при этомъ онъ поставилъ условіемъ, чтобы Эльза была не только умна, но и смѣтлива.

— О,— сказалъ отецъ,—у ней голова съ мозгомъ.

А мать прибавила:

— Что и говорить, она видитъ, какъ вѣтеръ по улицѣ бѣжитъ; муха кашлянетъ — и то услышитъ.

— Да,—сказалъ Гансъ,—если она не очень смѣтлива, такъ я на ней и не женюсь.

Когда они сѣли за столъ и пообѣдали, мать сказала:

— Эльза, сходи въ погребъ и принеси пива.

Умница Эльза сняла со стѣны кружку и пошла на погребъ, постукивая кружечной крышкой. Спустившись въ погребъ, она взяла стуликъ, поставила его передъ бочкой и сѣла на него, чтобы не очень утомить себя. Затѣмъ поставила передъ собой кружку и повернула кранъ у бочки. Пока пиво бѣжало въ кружку, стала она по стѣнамъ глядѣть и увидѣла прямо надъ собой мотыгу, которую каменщики оставили тамъ по забывчивости. Принялась тутъ умница Эльза плакать и приговаривать:

— Вотъ если я за Ганса замужъ выйду и родится у насъ ребенокъ, и выраститъ онъ, и пошлемъ мы его въ погребъ за пивомъ,—упадетъ ему на голову эта мотыга и убьетъ его до смерти.

Такъ сидѣла она, плакала и кричала изо всѣхъ силъ, чуя бѣду неминучую. Между тѣмъ въ домѣ всѣ ждали пива, а умница Эльза все не возвращалась. Тогда мать сказала служанкѣ:

— Поди, сходи въ погребъ и посмотри, что дѣлаетъ Эльза.

Служанка спустилась въ погребъ и увидала, что Эльза сидитъ передъ бочкой и громко плачетъ.

— Эльза, о чемъ ты плачешь? — спросила служанка.

— Ахъ,— отвѣчала та,— какъ же мнѣ не плакать? Если я выйду замужъ за Ганса и родится у насъ ребенокъ, и выраститъ, и пошлемъ мы его въ погребъ за пивомъ, то упадетъ эта мотыга ему на голову и убьетъ его до смерти.

— Что за умница у насъ Эльза,— сказала служанка.

Сѣла рядомъ съ нею и принялась вмѣстѣ съ ней плакать надъ бѣдой неминучей.

А въ домѣ все ждали пива, всѣмъ страшно хотѣлось пить. Тогда отецъ сказалъ работнику:

— Сходи въ погребъ, посмотри, отчего Эльза со служанкой такъ долго нейдутъ.

Работникъ сошелъ въ погребъ и увидалъ, что умница Эльза и служанка сидятъ рядомъ и плачутъ.

— О чемъ это вы ревете?—спросилъ онъ ихъ.

— Ахъ,—сказала Эльза,—какъ же намъ не плакать? Вѣдь если я за Ганса выйду замужъ и родится у насъ ребенокъ, и выростетъ, и пошлемъ мы его въ погребъ за пивомъ, то упадетъ ему на голову эта мотыга и убьетъ его до смерти!

— Ишь ты какая у насъ умница Эльза,—сказалъ работникъ, сѣлъ съ ними рядомъ и принялся ревѣть во весь голосъ.

Долго въ домѣ ждали работника, а онъ все не возвращался; тогда хозяинъ сказалъ женѣ:

— Поди, сходи въ погребъ и посмотри, отчего такъ долго нейдетъ Эльза.

Хозяйка спустилась въ погребъ и застала всѣхъ троихъ въ страшномъ горѣ. Она спросила о причинѣ этого горя. Эльза разсказала ей о томъ, какая бѣда грозитъ ея будущему ребенку, когда онъ выростетъ и пойдетъ въ погребъ за пивомъ. Тогда мать сказала:

— Ну, и умница же у насъ Эльза,—и тоже подсѣла къ нимъ и стала плакать.

А мужъ въ домѣ ждалъ-ждалъ, когда вернется жена, наконецъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

— Приходится мнѣ самому итти смотрѣть, что сдѣлалось съ Эльзой.

Сошелъ онъ въ погребъ и видитъ всѣ четверо сидятъ рядомъ и ревутъ; услыхавъ же о той бѣдѣ, которая грозитъ будущему ребенку Эльзы отъ мотыги, онъ тоже воскликнулъ:

— Господи, какая умница у насъ Эльза,—и, подсѣвъ къ нимъ, принялся вмѣстѣ съ ними плакать.

Женихъ долго сидѣлъ въ домѣ одинъ. Наконецъ соскучился и сказалъ:

— Должно-быть, они меня внизу дожидаются! Пойду, посмотрю, что они тамъ дѣлаютъ.

Сошелъ въ погребъ и видитъ — сидятъ всѣ пятеро и громко ревутъ, одинъ другого перекричать стараются.

— Что у васъ за несчастье случилось? — спросилъ онъ.

— Ахъ, милый Гансъ,—сказала Эльза,—вѣдь если мы съ тобой женимся и будетъ у насъ ребенокъ, и выраститъ онъ, и пошлемъ мы его какъ-нибудь въ погребъ за пивомъ, а вотъ эта мотыга какъ упадетъ ему на голову, такъ и убьетъ его до смерти! Какъ же намъ объ этомъ не плакать!

— Ну,—сказалъ Гансъ,—бо̀льшаго разума мнѣ и не нужно; если ты такая умница, Эльза, такъ я на тебѣ женюсь.

Съ этими словами онъ взялъ ее за руку, повелъ въ домъ и сыгралъ съ нею свадьбу.

Пожили они вмѣстѣ нѣкоторое время и сказалъ ей Гансъ:

— Жена, я пойду зарабатывать деньги, а ты иди въ поле и жни, чтобы у насъ также и хлѣбъ былъ.

— Хорошо, мой милый Гансъ, я такъ и сдѣлаю.

Когда Гансъ ушелъ, она сварила себѣ вкусной каши и взяла ее съ собой въ поле. Приходитъ на поле и говоритъ сама себѣ:

— Что мнѣ сперва дѣлать: жать ли, кашу ли ѣсть? Буду сначала кашу ѣсть!

Съѣла она полный горшокъ каши. Наѣлась и говоритъ опять сама себѣ:

— Теперь что мнѣ дѣлать? Жать ли или лечь спать? Лучше посплю немножко.—Легла она въ рожь и крѣпко заснула.

Гансъ давно уже вернулся домой, а Эльза все еще не приходила.

«Что за умница у меня Эльза,—подумалъ онъ,—какая старательная: до сихъ поръ ничего не ѣла, все работаетъ».

Наступилъ уже вечеръ, а Эльза все еще не возвращалась.

— А ну-ка, я пойду, посмотрю, сколько она тамъ нажала,—сказалъ Гансъ, и самъ пошелъ за ней.

Приходитъ въ поле и видитъ—лежитъ его Эльза во ржи и крѣпко спитъ. Тогда Гансъ побѣжалъ домой, принесъ сѣть съ маленькими колокольчиками, которою онъ ловилъ птицъ, и опуталъ этой сѣткой жену, а та все спала и спала. Затѣмъ Гансъ побѣжалъ домой, заперъ дверь, усѣлся на свой стулъ и принялся за работу. Наконецъ, когда стало совсѣмъ темно, проснулась умница Эльза, стала подниматься, а колокольчики-то вокругъ нея какъ зазвенятъ! Испугалась Эльза, и взяло ее тутъ сомнѣнье, точно ли она умница, и стала она себя спрашивать:

— Я это, или не я?

Она не знала, что отвѣтить на это, и стояла нѣсколько минутъ въ раздумьѣ. Наконецъ рѣшилась пойти домой:

— Дома я спрошу: я это, или не я, тамъ-то ужъ, навѣрное, знаютъ.

Подбѣжала она къ двери своего дома, но дверь оказалась запертой; постучала въ окошко и закричала:

— Гансъ, дома у тебя Эльза?

— Дома,—отвѣчалъ Гансъ.

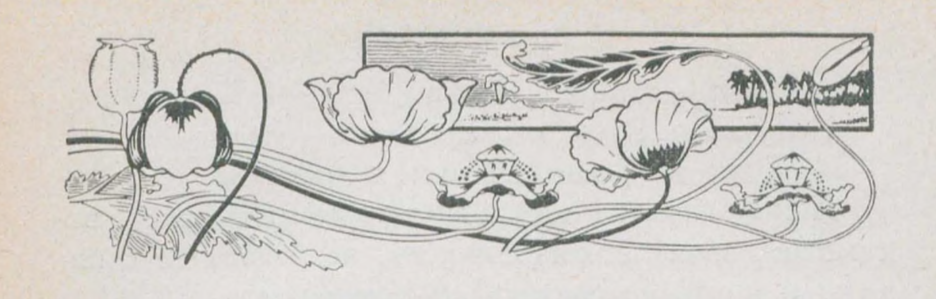
Испугалась Эльза и сказала:

— Боже мой, такъ, значитъ, я не Эльза!

И побѣжала къ двери другого дома. Но люди, заслышавъ звонъ колокольчиковъ, не хотѣли ей отпирать; и никто не пустилъ ее переночевать.

Тогда Эльза убѣжала изъ деревни, и съ тѣхъ поръ никто ея больше не видалъ.

Золушка.

У одного богача заболѣла жена; почувствовавъ приближенiе смерти, она подозвала къ постели свою единственную дочку и сказала ей:

Милое дитятко, оставайся всегда доброй и набожной, и Господь не оставитъ тебя; я же съ неба буду слѣдить за тобой и заботиться о тебѣ.

Затѣмъ она закрыла глаза и скончалась. Дѣвочка ежедневно стала ходить на могилу матери, оплакивать ее и попрежнему оставалась набожной и доброй. Настала зима, и снѣгъ бѣлой пеленой закуталъ могилу, а когда весеннее солнышко вновь согнало его, богачъ уже взялъ себѣ другую жену.

Вторая жена привела съ собой въ домъ двухъ дочерей. На видъ онѣ были бѣлолицы и красивы, да зато душа у нихъ была черная. И съ этой поры началось для бѣдной падчерицы тяжелое житье.

— Зачѣмъ эта гусыня торчитъ въ комнатахъ? — спрашивали дѣвушки.

— Кто хочетъ ѣсть, долженъ сначала заработать себѣ пропитаніе: пусть, судомойка, убирается отсюда.

Сняли онѣ съ нея ея красивыя платья, одѣли въ старый сѣрый балахонъ и обули въ деревянные башмаки.

— Посмотрите-ка, какъ вырядилась наша гордячка-царевна!—смѣялись онѣ и отвели ее въ кухню.

Тамъ приставили ее къ черной работѣ, и она съ утра до вечера должна была исполнять ее, не покладая рукъ: вставать до зари, таскать воду, разводить огонь, стирать и стряпать. Но, несмотря на это, сестры другъ передъ другомъ старались придумать, какъ бы побольнѣе обидѣть сиротку: то вышучивали ее, то высыпали горохъ или чечевицу въ золу, и ей нужно было выбирать ихъ оттуда... А вечеромъ, когда она вдоволь наработается за день, ложиться ей приходилось не въ кровать, а тутъ же, у очага, на кучу золы. И такъ какъ она поэтому всегда ходила пыльная и грязная, то онѣ и прозвали ее Золушкой.

Однажды отецъ, отправляясь на ярмарку, спросилъ падчерицъ—что имъ привезти?

— Богатыя одѣянія,—сказала одна.

— Жемчугъ и драгоцѣнные каменья! — отвѣтила другая.

— А что же тебѣ, Золушка, подарить?

— Отецъ, отломите для меня первую вѣтку, чтó на обратномъ пути задѣнетъ за вашу шляпу.

Отецъ исполнилъ желаніе дочерей. Двумъ падчерицамъ купилъ онъ красивыя платья, жемчугъ и драгоцѣнныя камни, а на обратномъ пути, когда ему пришлось проѣзжать мимо зеленаго куста и за его

шапку задѣла вѣтка орѣшины и снесла ее на землю,— онъ отломилъ эту вѣтку и повезъ съ собой. Пріѣхавъ домой, онъ отдалъ падчерицамъ ихъ подарки, а Золушкѣ подалъ вѣтку орѣшины. Золушка поблагодарила отца и побѣжала съ ней на могилу матери, посадила ее тамъ и такъ сильно плакала, что слезы, капая на землю, полили орѣшину.

И вотъ вѣтка принялась и стала расти и превратилась въ чудное деревцо. Золушка трижды въ день ходила на могилку, плакала подъ деревцомъ и молилась; и всякій разъ къ ней туда прилетала птичка, и стоило дѣвушкѣ высказать какое-нибудь желаніе, чтобы та тотчасъ же сбросила ей съ куста все, о чемъ она просила.

Случилось такъ, что король этой страны назначилъ трехдневный пиръ, на который велѣно было созвать со всего королевства всѣхъ красивыхъ дѣвицъ, чтобы королевичъ могъ выбрать себѣ невѣсту. Обѣ падчерицы, узнавъ, что и онѣ приглашены на пиръ, обрадовались, позвали къ себѣ Золушку и сказали:

— Расчеши намъ волосы, вычисти башмаки и застегни пряжки—мы отправляемся на свадебный пиръ въ королевскій дворецъ.

Золушка послушно исполнила все, что ей приказывали, но при этомъ горько плакала, потому что и ей хотѣлось потанцовать. Стала она просить мачеху взять ее съ собой на пиръ, но та сказала:

— Ты, Золушка, такая грязнуля и замарашка, а туда же на свадьбу хочешь! У тебя ни платья ни башмаковъ нѣтъ, а тоже танцовать собираешься.

Но такъ какъ Золушка продолжала просить и молить ее, то она наконецъ объявила:

— Вотъ я тебѣ высыплю въ золу два блюда гороху, выберешь его въ два часа, можешь итти съ нами.

Тогда дѣвушка съ задняго крыльца вышла въ садъ и стала звать:

— Слетайтесь ко мнѣ, ручные голубочки, турманочки и всѣ поднебесныя пичужки! Слетайтесь и выберите горохъ.

Что получше—то въ горшокъ,
Что похуже—то въ зобокъ!

И въ кухонное окно влетѣли сначала два бѣлыхъ голубя, а за ними турмана, а за ними вспорхнули и стали кружиться всѣ птички поднебесныя; покружившись, всѣ опустились у золы. Тогда голубки наклонили головки и стали дѣлать пикъ-пикъ-пикъ-пикъ, а за ними и остальныя принялись тоже за свое пикъ-пикъ-пикъ-пикъ, проворно выбирать хорошія горошины въ блюдо. Не прошло и часу, какъ дѣло было окончено, и птички опять разлетѣлись въ разныя стороны. Дѣвушка радостно понесла мачехѣ полное блюдо выбранныхъ зеренъ и надѣялась, что за это ее возьмутъ на свадебный пиръ. Но мачеха сказала:

— Нѣтъ, Золушка, у тебя нѣтъ платья, и ты не умѣешь танцовать,—надъ тобой будутъ смѣяться.

Когда же Золушка опять залилась слезами, она прибавила:

— Вотъ если ты мнѣ въ одинъ часъ выберешь изъ золы два полныхъ блюда чечевицы, тогда, пожалуй, я возьму тебя съ собой, — а про себя поду-

мала: «Золушкѣ во вѣки вѣковъ не успѣть сдѣлать этого».

Но когда мачеха высыпала въ золу два блюда чечевицы, дѣвушка прошла черезъ заднiй ходъ въ садъ и стала кликать:

— Слетайтесь, ручные голубочки и турманочки, и всѣ поднебесныя пичужки — слетайтесь ко мнѣ на помощь выбирать чечевицу.

Что получше — то въ горшокъ,
Что похуже — то въ зобокъ!

И въ кухонное окно влетѣли сначала два бѣлыхъ голубя, потомъ турмана, а подъ конецъ впорхнули и стали кружиться всѣ птички поднебесныя; а покружившись, всѣ опустились вокругъ золы. И голубки наклонили головы и—пикъ-пикъ-пикъ-пикъ, начали выбирать хорошiя зерна въ блюда. Не прошло и получаса, какъ они покончили съ этимъ дѣломъ и опять улетѣли, а дѣвушка, отнеся мачехѣ полное блюдо, заранѣе радовалась, что вотъ теперь-то ее, навѣрное, возьмутъ съ собой на свадьбу. Но та сказала:

— Все это ни къ чему, я не возьму тебя съ собой, потому что у тебя нѣтъ платья и ты не умѣешь танцовать—намъ пришлось бы только краснѣть за тебя.

И, повернувшись къ ней спиной, она поспѣшила уѣхать съ своими дочерьми.

Когда домъ опустѣлъ, Золушка отправилась къ могилѣ матери подъ орѣховымъ кустомъ и сказала·

Колыхнись скорѣй,
Мое деревцо,
Окропи дождемъ

Изъ камней цвѣтныхъ,
И одѣнь меня
Въ парчу — золото...

И птичка сейчасъ же сбросила ей на землю серебряное съ золотомъ платье и шитые шелками и се-

ребромъ башмаки. Золушка поспѣшно надѣла на себя эти наряды и отправилась на пиръ. Но ни мачеха ни сестры не узнали ея и сочли за чужестранную королевскую дочь,—такая она была красавица въ своемъ серебряномъ платьѣ. О Золушкѣ онѣ даже и не вспомнили, думая, что та сидитъ себѣ дома и выбираетъ изъ золы чечевицу.

А королевичъ вышелъ къ ней навстрѣчу, подалъ руку и сталъ съ ней танцовать. И ужъ, кромѣ нея, онъ больше ни съ кѣмъ не хотѣлъ танцовать, а когда ее приглашали другіе, онъ, не выпуская ея руки, говорилъ:

— Это—моя дама.

Такъ Золушка протанцовала до самаго вечера, а потомъ стала собираться домой. Тогда королевскій сынъ сказалъ ей:

— Я пойду, провожу тебя до дому.

Ему хотѣлось узнать, изъ какой семьи эта молодая дѣвушка, но Золушка скрылась отъ него и заперлась въ голубятнѣ. Тогда королевичъ до тѣхъ поръ все поджидалъ ее, пока къ нему не подошелъ отецъ Золушки; онъ сказалъ ему, что незнакомая дѣвушка впрыгнула въ голубятню.

Старикъ подумалъ про себя: «Ужъ не Золушка ли это?» и приказалъ подать себѣ топоръ, чтобы расколоть голубятню пополамъ; но въ ней никого не оказалось. А прійдя домой, они нашли Золушку въ томъ же грязномъ платьѣ, на кучѣ золы около очага; къ трубѣ была подвѣшена масляная лампочка, которая тускло освѣщала кухню. Дѣло въ томъ, что дѣвушка очень проворно выпрыгнула изъ голубятни

съ противоположной стороны, сбѣгала къ орѣховому кусточку, сняла съ себя серебряное платье и положила его на могилу матери, а птичка тотчасъ же унесла его.

Нарядившись опять въ свой старый сѣрый балахонъ, Золушка усѣлась въ кухнѣ около золы.

На другой день, когда родители съ сестрами опять уѣхали на королевскій пиръ, Золушка опять побѣжала къ своему кустику и сказала:

Колыхнись скорѣй,
Мое деревцо,
Окропи дождемъ
Изъ камней цвѣтныхъ
И одѣнь меня
Въ парчу — золото...

И птичка сейчасъ же сбросила ей платье еще великолѣпнѣе, чѣмъ наканунѣ. Когда она появилась въ немъ во дворцѣ, всѣ были поражены ея красотой, а королевскій сынъ уже поджидалъ ее, сейчасъ же взялъ за руку и весь вечеръ только и танцовалъ, что съ ней. Если же ее приглашали другіе кавалеры, онъ говорилъ:

— Это—моя дама.

Когда насталъ вечеръ и Золушка отправилась домой, королевичъ пошелъ за ней слѣдомъ, чтобы увидать, въ какой домъ она войдетъ; но она убѣжала отъ него въ садъ, что былъ позади дома, а въ саду-то стояло чудесно, большущее дерево, на которомъ росли огромныя груши; вотъ она, точно бѣлка, взобралась на него и скрылась между вѣтвей, и королевскій сынъ не зналъ, куда она дѣлась. Но подождавъ прихода отца ея, онъ сказалъ ему:

— Незнакомая дѣвушка скрылась отъ меня, но мнѣ кажется, что она взобралась на это грушевое дерево...

И отецъ подумалъ: «Ужъ не Золушка ли это?..» Приказалъ принести себѣ топоръ, срубилъ дерево, но на немъ никого не оказалось. А когда они пришли въ кухню, Золушка, какъ всегда, валялась въ золѣ: она уже успѣла слѣзть съ дерева съ другой стороны, отнести птичкѣ на орѣховомъ кусту платье и вновь нарядиться въ свой сѣрый балахонъ.

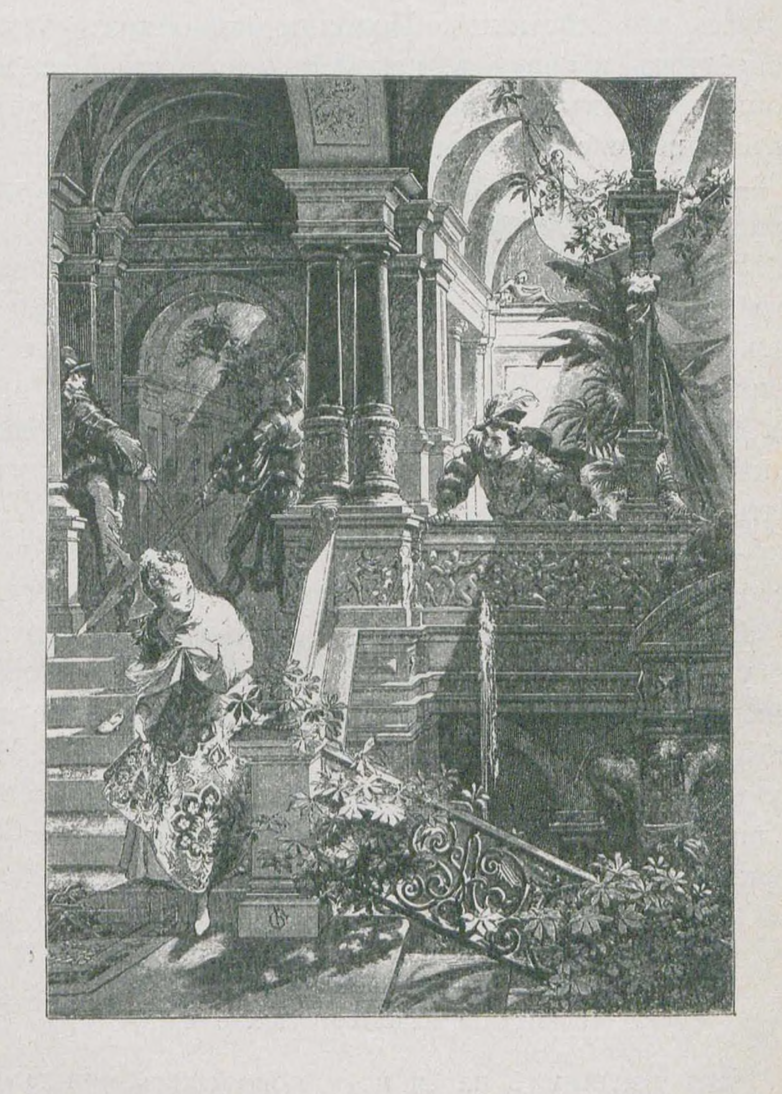
На третій день, когда родители съ сестрами уѣхали, Золушка опять отправилась на могилу матери и сказала деревцу:

Колыхнись скорѣй,
Мое деревцо,
Окропи дождемъ
Изъ камней цвѣтныхъ
И одѣнь меня
Въ парчу — золото...

И птичка сбросила ей такое чудное и блестящее платье, какого у нея еще не было, а башмачки были изъ чистаго золота. Когда она появилась въ этомъ платьѣ на пиру, всѣ рты разинули отъ удивленія и не знали, что и сказать. А королевскій сынъ только и танцовалъ, что съ ней, и когда къ ней подходили другіе кавалеры, говорилъ:

— Это—моя дама.

Наступилъ вечеръ; Золушка стала собираться домой, а королевичъ опять хотѣлъ проводить ее, но она такъ проворно побѣжала, что онъ не поспѣвалъ за ней. Зато на этотъ разъ королевичъ схитрилъ и ве-

лѣлъ всю лѣстницу вымазать смолой: къ ней-то и прилипъ лѣвый башмачокъ дѣвушки, когда она спускалась по лѣстницѣ. Поднялъ королевичъ этотъ башмачокъ и увидалъ, какой онъ крохотный да хорошенькій, изъ чистаго золота. На другое же утро онъ отправился съ нимъ къ богачу и сказалъ:

— Моей женой будетъ только та, на чью ногу придется золотой башмачокъ.

Услыхавъ это, обѣ сестры обрадовались, потому что ноги у нихъ были красивыя. Старшая отправилась съ башмачкомъ въ отдѣльную горенку, чтобы примѣрить его, а мать ея стояла тутъ же, возлѣ нея. На бѣду не входитъ у нея большой палецъ въ башмакъ, да и только—слишкомъ онъ малъ для ея ноги! Мать и подай ей ножъ и скажи:

— Отруби себѣ большой палецъ: будешь королевой, и тебѣ не къ чему будетъ ходить пѣшкомъ.

Дѣвушка отрубила палецъ, кое-какъ втиснула ногу въ башмакъ, скрыла боль и вышла къ королевскому сыну. А онъ, какъ невѣсту, взялъ ее къ себѣ на лошадь и поѣхалъ съ ней во дворецъ. Но дорогой имъ приходилось проѣзжать мимо могилы, а тамъ на орѣховомъ кусту сидѣли два голубя и ворковали:

Посмотрите, кровь видна!
Съ башмачка течетъ она...
Знать, невѣсты еще нѣтъ!
Подождите, нашъ совѣтъ...

Какъ взглянулъ на ея ногу королевичъ, увидалъ, что изъ нея сочится кровь, такъ сейчасъ же повернулъ лошадь, привезъ домой обманную невѣсту и

сказалъ, что это не настоящая, а пусть-ка примѣритъ башмакъ другая сестра. Тогда вторая дочь отправилась въ горенку—она благополучно втиснула въ башмачокъ пальцы, но зато у нея оказалась слишкомъ велика пятка. Мать и ей подала ножъ и сказала:

— Отруби кусокъ пятки, будешь королевой и не къ чему тебѣ будетъ ходить пѣшкомъ.

Дѣвушка отрубила кусокъ пятки, втиснула ногу въ башмакъ, скрыла боль и вышла къ королевичу, а онъ, какъ невѣсту, посадилъ ее къ себѣ на лошадь и поѣхалъ во дворецъ.

Проѣзжая мимо орѣховаго куста, онъ услыхалъ, какъ два голубя проворковали на немъ:

Посмотрите, кровь видна!
Съ башмачка течетъ она...
Знать, невѣсты еще нѣтъ!
Подождите, нашъ совѣтъ...

Взглянулъ онъ на ея ногу, а изъ нея-то сочится кровь, и весь чулокъ уже сдѣлался краснымъ. Тогда онъ опять повернулъ лошадь и отвезъ домой обманную невѣсту.

— И эта не настоящая, — сказалъ онъ. — Нѣтъ ли у васъ еще дочери?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ богачъ. — Есть у насъ еще дочь моей покойной жены, такъ, маленькая, захудалая такая Золушка, но она никакъ не можетъ быть невѣстой.

Но королевскій сынъ приказалъ позвать ее. Тогда заговорила мать.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, она слишкомъ грязная, чтобы предстать предъ твои свѣтлыя очи!

Но онъ настоялъ на своемъ, и пришлось-таки позвать къ нему Золушку. Чисто-начисто вымыла она себѣ лицо и руки, вошла, поклонилась королевичу и взяла у него изъ рукъ золотой башмачокъ; усѣвшись тутъ же, на скамеечкѣ, она вытащила ножку изъ тяжелаго деревяннаго башмака и обулась въ золотую ботинку — она же, точно вылитая, пришлась ей по ножкѣ.

А когда она поднялась и королевичъ взглянулъ ей въ лицо, то сразу же узналъ прекрасную незнакомку, съ которой танцовалъ, и воскликнулъ:

— Вотъ настоящая невѣста!

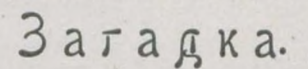
Мачеха и обѣ сестры такъ испугались, что даже поблѣднѣли съ досады, а онъ взялъ Золушку къ себѣ на лошадь и поѣхалъ съ ней во дворецъ. Поровнявшись съ орѣховымъ кустомъ, онъ услыхалъ, какъ два бѣлые голубочка проворковали:

Вотъ невѣста, нѣтъ и спору,
Башмачокъ пришелся впору!

А проворковавъ это, они слетѣли съ куста и сѣли одинъ на правое, другой на лѣвое плечо дѣвушки, да такъ уже и не разставались съ ней.

Въ день свадьбы королевича съ Золушкой пріѣхали обѣ злыя сестры и хотѣли какъ-нибудь подольститься къ ней и попользоваться ея счастьемъ. Когда женихъ съ невѣстой отправились въ церковь, старшая пошла по правую, а младшая по лѣвую сторону Золушки; но голубки выклевали каждой изъ нихъ по глазу, и за свою злость и вѣроломство онѣ были наказаны слѣпотой на всю свою жизнь.

Загадка.

Жилъ-былъ на свѣтѣ королевичъ. Любилъ онъ по свѣту странствовать и никого не бралъ съ собою, кромѣ своего вѣрнаго слуги. Однажды онъ попалъ въ большой лѣсъ; наступилъ вечеръ, онъ не могъ нигдѣ найти себѣ убѣжища и не зналъ, гдѣ проведетъ ночь. Вдругъ увидѣлъ онъ дѣвушку, которая шла къ маленькой избушкѣ; онъ подошелъ къ ней поближе и замѣтилъ, что она молода и прекрасна. Онъ заговорилъ съ ней.

— Милое дитя, — началъ онъ, — могу ли я со своимъ слугою провести ночь въ избушкѣ?

— О, конечно, — сказала печально дѣвушка, — вы могли бы тамъ переночевать; только я не совѣтую вамъ, лучше не ходите туда.

— Почему же такъ? — спросилъ удивленный королевичъ.

Дѣвушка вздохнула и отвѣчала:

— Моя мачеха — чернокнижница и не любитъ чужихъ.

Догадался королевичъ, что онъ подошелъ къ жилищу вѣдьмы; но дальше итти было невозможно, потому что наступила страшная темнота; кромѣ того, королевичъ ничего не боялся, поэтому онъ смѣло вошелъ въ избушку. Старуха сидѣла на креслѣ у огня и глядѣла своими красными глазами на пришедшаго.

— Добрый вечеръ, — проворчала она и совсѣмъ ласково прибавила: — садитесь, отдохните.

Она раздула угли, на которыхъ что-то варила въ маленькомъ горшечкѣ. Дочь заранѣе предупредила королевича и слугу, чтобы они ничего не ѣли и не пили, потому что старуха варитъ только отравы. Они послушались и оба спокойно спали до утра. Когда же собрались уѣзжать, и королевичъ сидѣлъ уже на конѣ, старуха сказала:

— Погодите немного, я угощу васъ на прощанье, — съ этими словами она вошла въ избушку.

Тѣмъ временемъ королевичъ успѣлъ уже отъѣхать; когда вѣдьма вернулась съ питьемъ, то нашла только одного слугу, который привязывалъ сѣдло.

— Отнеси это своему господину, — сказала она ему, но въ эту минуту бутылка выскочила изъ ея рукъ и разбилась; питье брызнуло на коня, оно было такъ ядовито, что конь тутъ же палъ мертвый. Слуга побѣжалъ за своимъ господиномъ и разсказалъ ему о томъ, что произошло. Но ему не хотѣлось бросить свое сѣдло вмѣстѣ съ лошадью, и онъ побѣжалъ назадъ, чтобы захватить сѣдло. Подойдя къ мертвому коню, онъ увидѣлъ, что на немъ уже сидѣлъ воронъ и ѣлъ его.

— Кто знаетъ, найдемъ ли мы сегодня что-нибудь лучше этого ворона, — сказалъ слуга, убилъ ворона и взялъ его съ собою.

Цѣлый день бродили они по лѣсу и никакъ не могли изъ него выйти. Наконецъ при наступленіи ночи увидали они постоялый дворъ и вошли туда. Слуга отдалъ хозяину убитаго ворона и велѣлъ его приготовить къ ужину. Но это былъ не постоялый дворъ, а разбойничій притонъ; и вотъ, когда стемнѣло, пришли двѣнадцать разбойниковъ и хотѣли ограбить и убить пріѣзжихъ. Но прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, они усѣлись за столъ; хозяинъ и вѣдьма подсѣли къ нимъ же, и всѣ принялись за похлебку, въ которой изрублено было кусками мясо ворона. Но лишь только они съѣли по кусочку—всѣ пали мертвые, потому что воронъ успѣлъ попробовать отравленной конины. Въ домѣ никого не осталось, кромѣ дочери хозяина, честной дѣвушки, которая не принимала участія ни въ какомъ злодѣйствѣ. Она открыла королевичу всѣ двери и показала ему накопленныя сокровища. Но королевичъ ничего не взялъ съ собою, оставивъ все дѣвушкѣ, и поѣхалъ со своимъ слугою дальше.

Долго ѣхали они, наконецъ пріѣхали въ одинъ городъ, гдѣ жила прекрасная, но гордая королевна, которая объявила, что выйдетъ замужъ за того, кто загадаетъ ей такую загадку, которую она не разгадаетъ; а если разгадаетъ, тому голову съ плечъ! Три дня она давала себѣ на отгадку, но была такъ умна, что отгадывала загадки раньше назначеннаго срока. Уже девять жениховъ погибло такимъ обра-

зомъ; но королевичъ, очарованный красотою королевны, рѣшился попытать счастья. Онъ явился къ королевнѣ и загадалъ ей такую загадку:

— Что это такое, — сказалъ онъ, — одинъ жилъ, никого не убилъ, а убито имъ было двѣнадцать?

Долго думала королевна, что бы это значило, но ничего придумать не могла; разложила свои гадательныя карты, но и въ нихъ отгадки не нашла. Не зная, какъ пособить горю, королевна приказала своей служанкѣ незамѣтно пробраться въ спальню королевича и подслушать, что онъ будетъ во снѣ говорить; она думала, что во снѣ онъ проговорится и скажетъ разгадку. Но умный слуга легъ на кровати вмѣсто своего господина, и когда служанка пробралась въ спальню, онъ сорвалъ съ нея плащъ, въ который она была закутана, и прогналъ ее.

На другую ночь королевна послала свою приближенную, но слуга и съ ней поступилъ такъ же. На третью ночь королевичъ думалъ, что никто больше не придетъ, и преспокойно улегся на свою постель; а тутъ сама королевна пришла, закутанная въ темно-сѣрый плащъ, и усѣлась возлѣ него на кровати. Думая, что онъ спитъ, она заговорила съ нимъ въ надеждѣ, что онъ, какъ и многіе другіе, станетъ отвѣчать ей во снѣ. А королевичъ и не думалъ спать: онъ все прекрасно видѣлъ и слышалъ. Королевна спросила его:

— Одинъ никого не убилъ — что это такое?

Онъ отвѣчалъ:

— Это воронъ, который поѣлъ отравленной конины и палъ мертвый отъ этого.

— А убито имъ было двѣнадцать — это что? — спросила королевна.

— Это значитъ, двѣнадцать разбойниковъ ѣли мясо того ворона и отравились имъ.

Узнавъ разгадку, королевна хотѣла уйти изъ спальни, но королевичъ такъ крѣпко ухватилъ ее за плащъ, что она должна была оставить его въ спальнѣ. На

другое утро королевна объявила, что загадка отгадана и приказала привести двѣнадцать судей, которымъ и отгадала загадку. Но королевичъ попросилъ выслушать его и сказалъ:

— Она ночью приходила ко мнѣ въ спальню и выспросила у меня все, иначе она бы не отгадала загадки.

Судьи сказали:

— Докажите намъ, что говорите правду.

Въ ту же минуту слуга принесъ три плаща; когда судьи увидали темносѣрый плащъ, который обыкновенно носила королевна, они сказали:

— Прикажите расшить этотъ плащъ золотомъ и серебромъ; онъ будетъ свадебнымъ нарядомъ королевича и королевны.

Бѣлая змѣя.

Много лѣтъ тому назадъ жилъ-былъ на свѣтѣ король, который во всемъ королевствѣ славился своею мудростью. Все было ему извѣстно; словно какіе невѣдомые вѣстники приносили ему вѣсти о самыхъ сокровенныхъ дѣлахъ. Но король этотъ имѣлъ странный обычай: послѣ каждаго обѣда, когда все со стола было убрано и всѣ удалялись, вѣрный слуга короля долженъ былъ проносить ему еще одно блюдо. Блюдо было закрыто, и самъ слуга не зналъ, что лежало на немъ, и никто этого не зналъ, потому что король открывалъ его только тогда, когда оставался совершенно одинъ въ комнатѣ.

Такъ шло долгое время.

Но вотъ однажды, когда слуга уносилъ блюдо съ королевскаго стола, ему вдругъ такъ захотѣлось узнать, что тамъ такое, что онъ не вытерпѣлъ и отнесъ блюдо въ свою комнату. Плотно затворивъ дверь, онъ поднялъ крышку блюда и увидѣлъ на немъ бѣлую змѣю. Взглянувъ на нее, онъ не могъ

удержаться, чтобы не попробовать ее; отрѣзалъ кусочекъ и взялъ его въ ротъ. Но лишь только дотронулся языкомъ до кусочка, какъ тутъ же услыхалъ за окномъ какое-то странное щебетанье нѣсколькихъ тоненькихъ голосковъ. Онъ приблизился къ окну и сталъ прислушиваться; оказалось, что это были воробьи, которые разговаривали между собою и разсказывали другъ другу о томъ, что они видѣли въ полѣ и въ лѣсу. Такимъ образомъ, отвѣдавъ мяса змѣи, онъ научился понимать языкъ животныхъ.

Какъ разъ въ этотъ день у королевы пропало ея самое любимое кольцо. Начали подозрѣвать въ покражѣ вѣрнаго слугу, потому что онъ имѣлъ доступъ всюду. Король позвалъ его къ себѣ, разбранилъ его и пригрозилъ, что если онъ до завтра не найдетъ виновника, то въ пропажѣ обвинятъ его самого и предадутъ суду. Напрасно увѣрялъ бѣдный слуга, что онъ не виноватъ,—король остался при своемъ рѣшенiи.

Полный страха и печали, слуга пошелъ на дворъ замка и сталъ думать, какъ бы ему выпутаться изъ этой бѣды. Недалеко отъ него, у проточной воды сидѣли утки и отдыхали. Приглаживая перья своими клювами, онѣ вели между собою откровенный разговоръ. Слуга началъ прислушиваться. Утки разсказывали одна другой, гдѣ онѣ сегодня были и гдѣ какой кормъ нашли.

— У меня что-то тяжело въ желудкѣ, — сказала сердито одна утка,—я второпяхъ проглотила кольцо, которое лежало подъ окномъ королевы.

Слуга сейчасъ же схватилъ ее, отнесъ въ кухню и сказалъ повару:

— Зарѣжь-ка эту, она хорошо отъѣлась.

— Да, — сказалъ поваръ, и взвѣсилъ утку на рукѣ, — ее давно уже пора изжарить.

Съ этими словами онъ закололъ ее, а когда сталъ потрошить, то нашелъ въ ея желудкѣ кольцо королевы. Теперь слугѣ легко было доказать свою невинность. Королю хотѣлось загладить свою несправедливость противъ слуги; онъ позволилъ ему просить себѣ какой угодно награды и обѣщался дать ему самое почетное мѣсто при дворѣ.

Но слуга отказался отъ всего и просилъ только коня и немного денегъ, потому что ему хотѣлось постранствовать по бѣлому свѣту. Когда его просьба была исполнена, онъ отправился въ путь.

Однажды, проѣзжая мимо пруда, онъ увидѣлъ въ немъ трехъ рыбокъ, которыя запутались въ тростникѣ. Хотя говорятъ, что рыбы нѣмы, однако онъ услыхалъ ихъ жалобы на то, что имъ придется такъ печально погибнуть. Такъ какъ сердце у него было сострадательное, онъ сошелъ съ лошади, освободилъ трехъ рыбокъ и пустилъ ихъ въ воду. Рыбки заплескались отъ радости, высунули изъ воды свои головы и закричали ему:

— Когда-нибудь и мы отблагодаримъ тебя за то, что ты насъ спасъ!

Поѣхалъ слуга дальше, и черезъ нѣсколько времени показалось ему, что онъ слышитъ у своихъ ногъ въ пескѣ чей-то голосъ. Прислушавшись, онъ услыхалъ, какъ муравьиный король жаловался:

— Ахъ, если бы намъ избавиться отъ этихъ несносныхъ людей и ихъ животныхъ! Эта глупая лошадь безо всякой жалости давитъ моихъ людей.

Слуга сейчасъ же свернулъ съ дороги, а муравьиный король крикнулъ ему:

— Мы въ долгу не останемся и отблагодаримъ тебя!

Тропинка, по которой онъ поѣхалъ, привела его въ лѣсъ, гдѣ онъ увидѣлъ стараго ворона и ворониху; они выбрасывали изъ гнѣзда своихъ птенцовъ и кричали:

— Прочь отсюда, мы не можемъ больше васъ накормить досыта! Вы уже выросли и сами можете прокормить себя.

Несчастные птенчики лежали на землѣ, бились крылышками и жалобно пищали:

— Мы безпомощные птенчики! Мы летать еще не умѣемъ, а должны себѣ отыскивать пищу. Ничего больше не остается намъ, какъ умереть съ голода.

Добрый слуга приблизился къ нимъ, потомъ закололъ мечомъ своего коня и бросилъ его молодымъ воронятамъ на пропитанье. Тѣ налетѣли на мертваго коня, наѣлись досыта и крикнули слугѣ:

— Мы не останемся въ долгу и отблагодаримъ тебя!

Теперь юноша долженъ былъ итти пѣшкомъ. Долго шелъ онъ, наконецъ пришелъ въ большой городъ. На улицахъ было шумно, всюду толпился народъ, и кто-то разъѣзжалъ по улицамъ на конѣ и выкликалъ:

— Королевна ищетъ себѣ супруга: кто хочетъ за нее свататься, долженъ исполнить трудную задачу; кто не исполнитъ, тотъ поплатится за это своей жизнью. Многіе брались за нее, да только даромъ губили свою жизнь.

Но юношѣ такъ понравилась королевна, что онъ ничего не побоялся, явился къ королю и сказалъ, что желаетъ посвататься за нее.

Его сейчасъ же повели къ морю, на его глазахъ бросили туда золотое кольцо, и король приказалъ ему достать его со дна морского и при этомъ добавилъ:

— Если ты выплывешь безъ кольца, то тебя бу-

дутъ бросать въ море до тѣхъ поръ, пока ты тамъ не погибнешь.

Всѣ жалѣли юношу и оставили его одного на морскомъ берегу. Долго стоялъ онъ и думалъ, какъ

ему быть; вдругъ видитъ, выплываютъ три рыбки, тѣ самыя, которыхъ онъ спасъ. У средней во рту была раковина, которую она и положила на песокъ къ ногамъ юноши; поднявъ раковину и открывъ ее, онъ увидѣлъ въ ней золотое кольцо. Обрадованный юноша поспѣшилъ съ нимъ во дворецъ, надѣясь, что король сейчасъ же дастъ ему обѣщанную награду. Но гордая королевна, узнавъ, что онъ низкаго происхожденья, отвернулась отъ него и потребовала, чтобы онъ выполнилъ другую задачу.

Она пошла въ садъ, разсыпала въ немъ десять полныхъ мѣшковъ проса и сказала:

— Завтра къ восходу солнца онъ долженъ подобрать все просо, и чтобы ни одно зернышко не пропало.

Юноша не могъ выполнить этой задачи и, сидя въ саду подъ деревомъ, печально думалъ о томъ, какъ его поведутъ на казнь.

Но лишь только начало всходить солнце, онъ увидѣлъ передъ собою всѣ десять мѣшковъ, наполненные просомъ. Муравьиный король приходилъ ночью со своими подданными, и благодарныя насѣкомыя собрали все просо до единаго зернышка. Удивилась королевна, увидѣвъ, что юноша выполнилъ эту трудную задачу, но ея гордое сердце не хотѣло еще уступить, и она сказала:

— Не бывать ему моимъ мужемъ до тѣхъ поръ, пока онъ не добудетъ мнѣ яблоко съ дерева жизни.

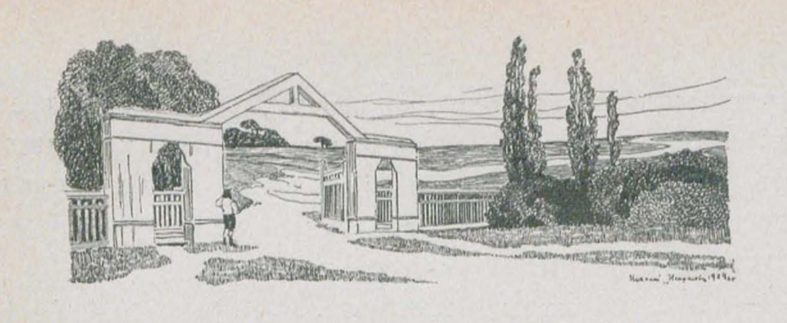
Юноша не зналъ даже, гдѣ растетъ такое дерево, однако отправился въ путь. Но онъ не надѣялся отыскать его. Шелъ онъ долго, прошелъ уже три

царства и вотъ однажды, къ вечеру, пришелъ въ лѣсъ, сѣлъ подъ дерево и хотѣлъ уснуть. Вдругъ услышалъ онъ шелестъ въ вѣтвяхъ и золотое яблоко упало ему въ руку. Тутъ же слетѣли къ нему три ворона, опустились на его колѣни и сказали:

— Мы тѣ самые воронята, которыхъ ты спасъ отъ голодной смерти. Когда мы выросли и услыхали, что ты ищешь золотое яблоко, мы полетѣли за тридевять земель, туда, гдѣ растетъ оно, и принесли его тебѣ.

Юноша обрадовался, поспѣшилъ къ прекрасной королевнѣ и далъ ей золотое яблоко. Королевна уже больше не могла отговариваться. Они раздѣлили яблоко съ дерева жизни пополамъ и съѣли его вмѣстѣ. Тогда въ сердцѣ королевны загорѣлась любовь къ юношѣ, и они счастливо прожили до глубокой старости.

Стукъ-брякъ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ бѣдный мельникъ, и была у него дочка-красавица. Случилось какъ-то разъ этому мельнику разговаривать съ королемъ и вздумалъ онъ передъ нимъ похвастаться своею дочерью.

— Ужъ такая-то у меня дочка-разумница, такая-то искусница,—сказалъ онъ,—что принеси ей сколько хочешь соломы, всю въ золото перепрясть сумѣетъ.

Король удивился и сказалъ мельнику:

— Такое искусство мнѣ очень нравится, и если вправду твоя дочь такая искусница, то завтра же приведи мнѣ ее въ замокъ, я попробую дать ей такую работу.

Мельникъ исполнилъ приказанiе короля и на другой день привелъ свою дочь въ замокъ.

Король отвелъ ее въ особую комнату, всю заваленную соломой, далъ ей самопрялку и сказалъ:

— Усаживайся за работу, и если ты до завтрашняго дня не перепрядешь всю эту солому въ золото, то ты должна будешь умереть.

Съ этими словами онъ заперъ комнату и оставилъ дѣвушку одну.

Усѣлась бѣдная мельникова дочь за самопрялку и залилась горькими слезами: она не могла перепрясть солому въ золото, угроза короля приводила ее въ ужасъ. Вдругъ дверь отворилась, въ комнату вошелъ маленькiй человѣчекъ и сказалъ:

— Добрый вечеръ, мельникова дочка, о чемъ ты такъ горько плачешь?

— Ахъ,—воскликнула дѣвушка,—мнѣ нужно перепрясть всю эту солому въ золото, а я этого совсѣмъ не умѣю!

— А что ты мнѣ дашь, если я сдѣлаю за тебя эту работу?—спросилъ человѣкъ.

— Я дамъ тебѣ ленточку, которая у меня на шеѣ,—отвѣчала дѣвушка.

Человѣчекъ взялъ ленточку, усѣлся за самопрялку и стоило ему три раза обернуть колесо, какъ шпулька была готова, солома превратилась въ золотыя нити. Онъ вставилъ другую, и... разъ, разъ, разъ, три раза повернулъ колесо и золотыя нити обмотали вторую шпульку. Такъ работалъ онъ до самаго утра, пока вся солома не была перепрядена въ золото.

Лишь только взошло солнце, король пришелъ въ комнату. Какъ же удивился онъ и обрадовался, когда вмѣсто соломы увидалъ передъ собой золото. Но онъ не удовольствовался этимъ, сердце его жаждало еще и еще золота. Онъ приказалъ перевести мельникову дочь и въ другую комнату, которая была больше прежней и сверху до низу завалена соломой.

— Если тебѣ дорога жизнь, — сказалъ онъ дѣвушкѣ, уходя, — то въ эту же ночь перепряди всю эту солому въ золото.

Бѣдная дѣвушка не знала, что ей дѣлать, и съ горя опять принялась плакать; и такъ же, какъ вчера, отворилась комната, въ дверяхъ появился маленькій человѣчекъ и сказалъ:

— А что ты мнѣ дашь, красавица, если и эту солому я перепряду въ золото?

— Я дамъ тебѣ кольцо съ моего пальца, — отвѣчала дѣвушка.

Человѣчекъ взялъ кольцо, усѣлся за самопрялку, и къ утру вмѣсто соломы въ комнатѣ лежали груды шпулекъ, намотанныхъ золотомъ.

Увидя это, король чрезвычайно обрадовался, но сердце его все еще не могло удовольствоваться: онъ перевелъ мельникову дочь въ третью комнату, она

была значительно больше двухъ первыхъ и биткомъ набита соломой.

— Вотъ если ты въ одну ночь перепрядешь эту солому въ золото, я женюсь на тебѣ,— сказалъ онъ дѣвушкѣ и при этомъ подумалъ: «что жъ изъ того, что она дочь мельника, все равно въ цѣломъ свѣтѣ я не найду жены богаче ея».

Дѣвушка осталась одна. Въ третій разъ явился къ ней человѣчекъ и сказалъ:

— Что дашь ты мнѣ, если я тебѣ и въ этотъ разъ перепряду всю солому.

— Мнѣ больше нечего дать тебѣ,— отвѣчала дѣвушка.

— Тогда обѣщай мнѣ, когда будешь королевой, твоего перваго ребенка.

«Кто знаетъ, что будетъ впереди», подумала мельникова дочка и обѣщала человѣчку исполнить его желаніе, а тотъ за это перепрялъ ей въ золото всю солому.

На слѣдующее утро пришелъ въ комнату король. Увидя столько золота, онъ такъ обрадовался, что сейчасъ же обвѣнчался съ дѣвушкой, и красавица мельникова дочь сдѣлалась королевой.

Прошелъ годъ. У королевы родился хорошенькій сынокъ. Она совсѣмъ позабыла о маленькомъ человѣчкѣ, но тотъ не забылъ о ней и, войдя въ ея комнатку, сказалъ:

— Отдай же мнѣ то, что ты обѣщала.

Перепуганная королева обѣщала ему всѣ богатства, всѣ сокровища своего королевства, лишь бы только онъ оставилъ ей ребенка, но неумолимый человѣчекъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, ни на какія сокровища въ мірѣ не промѣняю я живое существо.

Тогда королева начала такъ горько плакать, что человѣчекъ сжалился надъ ней и сказалъ:

— Слушай, я дамъ тебѣ три дня срока, если за это время ты узнаешь, какъ меня зовутъ, твой ребенокъ останется при тебѣ.

Всю ночь королева не могла заснуть: она припоминала всѣ имена, какія когда-либо слышала; кромѣ того, послала гонца справляться по всей странѣ, нѣтъ ли еще какихъ именъ. На слѣдующій день къ ней пришелъ человѣчекъ; она перечислила ему всѣ имена, какія знала: «Каспаръ, Мельхіоръ, Бальцеръ», говорила она, но человѣчекъ послѣ каждаго названнаго имени говорилъ ей: «нѣтъ, меня не такъ зовутъ». На другой день королева послала разузнать по сосѣдству, нѣтъ ли тамъ у людей еще какихъ именъ, и когда пришелъ человѣчекъ, она стала называть ему самыя необыкновенныя имена.

— Можетъ-быть, тебя зовутъ Риппебистъ, Гаммельсваде или Шнюрбейнъ?—спрашивала она.

— Нѣтъ, меня не такъ зовутъ,— опять отвѣчалъ ей человѣчекъ.

На третій день посланный королевой гонецъ вернулся и сказалъ ей:

Никакихъ новыхъ именъ я больше не нашелъ, но когда я поднялся на одну высокую гору, куда развѣ только лиса да заяцъ забѣгаютъ, увидѣлъ я тамъ маленькую избушку, а передъ той избушкой былъ разведенъ костеръ; возлѣ него прыгалъ смѣшной маленькій человѣчекъ и, приплясывая на одной ногѣ, распѣвалъ:

Сегодня печеньемъ я занятъ,
А завтра я пиво сварю,
Затѣмъ и дитя королевы
Къ себѣ я домой унесу.
Какъ хорошо, что не знаетъ никто,
Мое имя Стукъ-Брякъ.
И какъ ни назвали бъ меня—
Все будетъ не такъ.

Какъ же обрадовалась королева, когда услыхала это имя. Не успѣлъ гонецъ уйти, какъ въ комнату вошелъ маленькій человѣчекъ и спросилъ:

— Ну, госпожа королева, узнала ли ты, какъ меня зовутъ?

— Кунцъ,—сказала королева.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ человѣчекъ.

— Ну, Гейнцъ?

Человѣчекъ покачалъ головой.

— Такъ, можетъ - быть, ты называешься Стукъ - Брякъ?

— Да это самъ дьяволъ тебѣ сказалъ, самъ дьяволъ! — воскликнулъ человѣчекъ и съ досады такъ топнулъ правой ногою о землю, что ушелъ въ нее по поясъ; тогда въ ярости онъ схватилъ обѣими руками лѣвую ногу и самъ себя разорвалъ пополамъ.

Колокольчикъ.

Жили - были на свѣтѣ мужъ и жена, которымъ очень хотѣлось имѣть дѣтей. Наконецъ жена стала надѣяться, что желаніе ея исполнится. Въ задней сторонѣ дома было небольшое окошечко, изъ котораго можно было видѣть прекрасный садъ, въ которомъ росли самые лучшіе цвѣты. Но садъ былъ обнесенъ очень высокой стѣной, и никто не осмѣливался въ него входить, потому что онъ принадлежалъ одной волшебницѣ, которая имѣла большую власть и наводила на всѣхъ ужасъ.

Однажды жена стояла у окошечка и смотрѣла въ садъ. Вдругъ она увидѣла грядку, засаженную прекрасными садовыми колокольчиками, которые были очень красивы на видъ. Ее охватило непреодолимое желаніе поѣсть этихъ колокольчиковъ. Желаніе съ каждымъ днемъ возрастало, но такъ какъ достать ихъ было нельзя, то она начала худѣть и блѣднѣть. Мужъ испугался и спросилъ ее:

— Что съ тобой, милая жена?

— Ахъ, — отвѣчала она, — если я не поѣмъ тѣхъ садовыхъ колокольчиковъ, которые растутъ въ саду, позади нашего дома, то я умру.

Мужъ очень любилъ свою жену и рѣшилъ, во что бы то ни стало, добыть этихъ колокольчиковъ. Въ сумерки онъ перелѣзъ черезъ стѣну въ садъ волшебницы, поспѣшно нарвалъ цѣлую горсть колокольчиковъ и принесъ ихъ женѣ. Та сейчасъ же приготовила изъ нихъ салатъ и съѣла его съ большимъ удовольствіемъ. Но онъ такъ понравился ей, что на другой день ей еще болѣе захотѣлось поѣсть его. Пришлось мужу опять лѣзть черезъ заборъ. Но въ этотъ разъ, лишь только онъ перебрался черезъ стѣну, какъ увидалъ передъ собой волшебницу.

— Какъ смѣешь ты,—сказала она, гнѣвно сверкая глазами,—лазить въ мой садъ и, словно воръ, таскать мои колокольчики? Ты за это поплатишься!

— Ахъ, не гнѣвайся на меня,—воскликнулъ онъ,— только крайняя нужда заставила меня рѣшиться на это дѣло. Увидала моя жена эти колокольчики, и такъ ей захотѣлось ихъ поѣсть, что, не достань я ихъ ей, тутъ же бы она и умерла.

Тогда волшебница смягчилась немножко и сказала:

— Если правда то, что ты говоришь, то я позволю тебѣ взять колокольчиковъ столько, сколько тебѣ хочется, но только съ однимъ условіемъ: ты долженъ мнѣ отдать дитя, которое родится у твоей жены. Ему будетъ хорошо у меня, и я буду заботиться о немъ какъ родная мать.

Мужъ со страху на все согласился, и когда у жены родилась дочь, явилась волшебница, назвала дѣвочку «Колокольчикомъ» и унесла ее къ себѣ.

«Колокольчикъ» была чудеснѣйшая дѣвочка. Когда ей исполнилось двѣнадцать лѣтъ, волшебница заключила ее въ башню, которая находилась въ лѣсу; въ башнѣ не было ни двери ни лѣстницы, только наверху одно маленькое окошечко. Когда волшебница хотѣла войти въ башню, она становилась внизу и кричала:

— «Колокольчикъ», «Колокольчикъ», спусти свою косу за мной.

У «Колокольчика» были чудные волосы, тонкіе какъ золотая пряжа. Услыхавъ голосъ волшебницы, она распускала свою косу; длинные волосы падали гораздо ниже окошка и волшебница по нимъ взбиралась въ башню.

Черезъ два года случилось, что королевскій сынъ проѣзжалъ въ лѣсу какъ разъ мимо той башни, гдѣ сидѣла дѣвушка. Вдругъ онъ слышитъ въ башнѣ прекрасное пѣніе; онъ остановился и сталъ слушать. Это пѣла «Колокольчикъ», которая старалась какъ-нибудь развлечь себя въ своемъ уединеніи. Королевичъ хотѣлъ было влѣзть въ башню, но, не найдя ни дверей ни лѣстницы, принужденъ былъ ѣхать домой. Однако, пѣніе такъ понравилось ему, что онъ каждый день сталъ ходить въ лѣсъ и все слушалъ. Разъ стоялъ онъ тамъ за деревомъ, вдругъ видитъ, подходитъ къ башнѣ волшебница и кричитъ снизу:

— «Колокольчикъ», «Колокольчикъ», спусти свою косу за мной.

Въ ту же минуту «Колокольчикъ» распустила свои волосы, и волшебница взобралась по нимъ въ башню.

«Если по этой лѣстницѣ можно войти въ башню, то я попытаю счастья», подумалъ королевичъ, и на другой же день, лишь только стемнѣло, онъ подошелъ къ башнѣ и закричалъ:

— «Колокольчикъ», «Колокольчикъ», спусти свою косу за мной.

Волосы спустились сверху, и королевичъ влѣзъ по нимъ въ башню.

«Колокольчикъ» очень испугалась сначала, когда къ ней вошелъ королевичъ, но онъ сталъ такъ ласково говорить съ ней; онъ разсказалъ ей, что пѣніе ея такъ понравилось ему, что онъ съ тѣхъ поръ лишился покоя и долженъ былъ непремѣнно увидѣть ее. «Колокольчикъ» перестала бояться и съ удовольствіемъ смотрѣла на молодого прекраснаго королевича.

— Хочешь ли ты быть моей женой? — спросилъ онъ ее.

Она подумала, что онъ ее будетъ любить больше, чѣмъ старая волшебница, и охотно согласилась.

— Я пойду съ тобой, — сказала она, — только не знаю, какъ бы мнѣ внизъ спуститься? Когда ты будешь приходить ко мнѣ, приноси каждый разъ мотокъ шелку; я изъ него сплету лѣстницу, по которой сойду внизъ, и ты меня возьмешь съ собой на коня.

Они уговорились, что онъ будетъ къ ней приходить по вечерамъ, потому что каждое утро приходитъ къ ней волшебница. Волшебница сначала ни-

чего не замѣтила, но вотъ, однажды, «Колокольчикъ» спросила ее:

— Скажи мнѣ, пожалуйста, почему мнѣ тебя труднѣе поднять на башню, чѣмъ молодого королевича, который въ одинъ мигъ здѣсь?

— Ахъ ты, негодяйка, — воскликнула волшебница, — я думала, что спрятала тебя отъ всего свѣта, а ты все-таки меня обманула!

Разсердившись, она схватила прекрасные волосы «Колокольчика», обмотала ихъ нѣсколько разъ вокругъ лѣвой руки и, схвативъ ножницы, обрѣзала ихъ. Но этого было мало. Без-

жалостная волшебница увела бѣдную дѣвушку въ дикую пустыню, гдѣ она должна была жить въ великомъ горѣ.

Въ тотъ же вечеръ волшебница прикрѣпила обрѣзанные волосы къ окошку. Когда пріѣхалъ королевичъ и крикнулъ: «Колокольчикъ», «Колокольчикъ», спусти свою косу за мной», она спустила волосы внизъ. Королевичъ взобрался по нимъ въ башню, но вмѣсто «Колокольчика» нашелъ тамъ волшебницу, которая встрѣтила его злымъ, ядовитымъ взглядомъ.

— Ага,—сказала она насмѣшливо,—ты пріѣхалъ къ своей милой, только красивая птичка не поетъ больше въ своемъ гнѣздышкѣ; ее кошка утащила да и тебѣ глаза выцарапаетъ. Не видать тебѣ больше «Колокольчика».

Такое горе взяло королевича, что онъ въ отчаяньи бросился съ башни; до смерти не убился, но терновникъ, въ который онъ упалъ, выкололъ ему глаза. Сталъ онъ бродить по лѣсу, питался только одними ягодами да кореньями и оплакивалъ потерю своей милой.

Такъ скитался онъ много лѣтъ; наконецъ забрелъ въ ту пустыню, гдѣ печально проводила свои дни «Колокольчикъ». Вдругъ онъ услыхалъ голосъ, который показался ему знакомымъ, и поспѣшилъ на этотъ голосъ. «Колокольчикъ» узнала его, бросилась ему на шею и заплакала. Двѣ ея слезы упали ему на глаза, королевичъ прозрѣлъ и сталъ видѣть, какъ прежде. Тогда онъ повелъ ее въ свое королевство, и съ тѣхъ поръ зажили они счастливой, хорошей жизнью.

Двѣнадцать братьевъ.

Жили-были король съ королевой. Жили они въ мирѣ и согласіи, и было у нихъ двѣнадцать дѣтей, всѣ сыновья. Вотъ однажды король и говоритъ королевѣ:

— Если у насъ родится тринадцатый ребенокъ и если это будетъ дѣвочка, то всѣхъ двѣнадцать мальчиковъ я велю убить, чтобы богатства у ней было больше, и чтобы все царство наше ей досталось.

И приказалъ король заранѣе приготовить двѣнадцать гробовъ, набить ихъ стружками и положить въ каждый гробъ по маленькому изголовьицу.

По приказу короля эти гробы были поставлены въ особую комнату, а ключъ отъ комнаты король отдалъ королевѣ, строго запретивъ ей говорить о томъ кому бы то ни было.

Съ тѣхъ поръ королева цѣлые дни проводила въ тоскѣ. Младшій сынъ ея, который находился при ней неотлучно и котораго, какъ въ библіи, звали Веніаминомъ, сталъ спрашивать ее:

— Милая матушка, отчего ты такая печальная?

— Дорогое мое дитятко,—отвѣчала королева,—не могу я этого тебѣ сказать.

Но сынъ не отставалъ отъ нея до тѣхъ поръ, пока она не отперла ему комнату, въ которой стояли двѣнадцать гробовъ, наполненныхъ стружками.

— Милый мой сынъ, — сказала она, — твой отецъ приказалъ сдѣлать эти гробы для тебя и для твоихъ братьевъ,—онъ рѣшилъ умертвить васъ всѣхъ, если у меня родится дѣвочка.

Говоря это, королева горько плакала.

— Не плачь, милая матушка, и не бойся за насъ,—мы убѣжимъ отсюда,—утѣшалъ ее сынъ.

На это королева отвѣчала ему:

— Такъ ступай же ты со своими одиннадцатью братьями въ лѣсъ, и пусть который-нибудь изъ васъ всегда стоитъ настороже на самомъ высокомъ деревѣ и не спускаетъ глазъ съ башни замка. Выставлю я на башнѣ бѣлый флагъ, значитъ у меня родился сынъ; тогда спокойно возвращайтесь домой. Если родится дочь, я прикажу выставить на башнѣ красный флагъ; тогда скорѣе бѣгите отсюда, и да хранитъ васъ Богъ. День и ночь я буду молиться за васъ, чтобы зимою вы могли погрѣться у яркаго огонька, а лѣтомъ могли укрыться отъ жары и зноя.

Благословила королева своихъ сыновей, и пошли они въ лѣсъ. Каждый изъ нихъ поочереди влѣзалъ на самый высокій дубъ и оттуда не спускалъ глазъ съ башни замка. Прошло одиннадцать дней, пришла очередь Веніамина. И видитъ онъ: на башнѣ развѣвается флагъ, но не бѣлый, а красный, который воз-

вѣшалъ имъ смерть. Узнали объ этомъ братья, страшно разсердились и сказали:

— Неужели мы должны умирать изъ-за дѣвчонки! Такъ поклянемся же, что отомстимъ за себя; гдѣ бы ни встрѣтили мы дѣвчонку, она должна умереть отъ нашей руки.

Съ этими словами они углубились въ лѣсъ и въ самой чащѣ его нашли небольшой заколдованный домикъ, который былъ совершенно пустъ.

— Вотъ мы тутъ и поселимся,—сказали братья.— Ты, Веніаминъ, самый младшій изъ насъ и самый слабый, будешь сидѣть дома и заниматься хозяйствомъ, а мы будемъ ходить по лѣсу и отыскивать пропитаніе.

И стали они бродить по лѣсу и стрѣлять зайцевъ, дикихъ козъ, птицъ, голубей, и приносили свою добычу Веніамину, а тотъ готовилъ имъ обѣдъ. Такъ прожили они въ этомъ домикѣ десять лѣтъ и не видали, какъ прошло время.

Между тѣмъ, дочка королевы подросла; она была добра и прекрасна собой, и на лбу у нея горѣла золотая звѣзда. Однажды въ замкѣ была большая стирка. Дѣвочка увидала среди бѣлья двѣнадцать мужскихъ рубашекъ и спросила у матери.

— Чьи же эти двѣнадцать рубашекъ, вѣдь отцу онѣ всѣ малы?

Вздохнула королева и съ грустью сказала ей:

— Милое мое дитя, это рубашки твоихъ двѣнадцати братьевъ.

— Да гдѣ же они, мои братья? Я объ нихъ никогда не слыхала.

— Богъ знаетъ, гдѣ они теперь,—отвѣчала мать,— бродятъ гдѣ-нибудь по бѣлу свѣту.

Съ этими словами она повела дѣвочку въ таинственную комнату и показала ей двѣнадцать гробовъ со стружками.

— Эги гробы,— сказала она,— были приготовлены для твоихъ братьевъ, но они потихоньку ушли изъ дому, прежде чѣмъ ты родилась на свѣтъ Божій.

Тутъ королева разсказала ей, какъ было дѣло.

— Не плачь, милая матушка, я пойду и отыщу своихъ братьевъ.

Взяла она двѣнадцать рубашекъ и пошла въ большой дремучій лѣсъ. Шла она цѣлый день и только къ вечеру подошла къ заколдованному домику. Вошла въ домикъ и увидѣла тамъ мальчика, который спросилъ ее:

— Откуда ты пришла и куда идешь?

Подивился мальчикъ ея красотѣ, ея одеждамъ богатымъ, яркой звѣздѣ, которая блистала у ней на лбу.

— Я королевская дочь,—отвѣчала ему дѣвочка,— ищу своихъ двѣнадцать братьевъ и до тѣхъ поръ буду итти, пока не найду ихъ.

Тутъ она показала ему двѣнадцать рубашекъ, которыя принесла съ собой. Веніаминъ догадался, что это ихъ сестра и сказалъ ей:

— Я Веніаминъ, твой младшій братъ.

Дѣвочка заплакала отъ радости и стала обнимать и цѣловать брата. А Веніаминъ говоритъ ей:

— Милая сестрица, я тебѣ долженъ сказать, что всѣ мы, братья, поклялись, что каждая дѣвочка, съ

которой мы встрѣтимся, должна погибнуть, потому что изъ-за дѣвочки покинули наше родное королевство.

— Ну что жъ, — сказала на это дѣвочка, — я охотно умру, если моя смерть возвратитъ моимъ братьямъ то, что они потеряли.

— Нѣтъ, — возразилъ Веніаминъ, — ты не должна умереть; спрячься пока подъ этотъ чанъ, а когда братья придутъ, я какъ-нибудь устрою дѣло.

Дѣвочка такъ и сдѣлала. Когда наступила ночь, вернулись остальные одиннадцать братьевъ съ охоты и усѣлись ужинать.

— Ну, что новенькаго? — спросили они младшаго брата.

— А развѣ вы ничего не слыхали? — спросилъ Веніаминъ.

— Нѣтъ, — отвѣчали братья.

— Какъ же такъ, вы цѣлые дни по лѣсу ходите, а я дома сижу, да и то больше вашего знаю!

— Такъ разскажи же намъ! — пристали братья.

— Обѣщайте мнѣ сперва, что первая дѣвочка, которая встрѣтится намъ, не будетъ убита, — сказалъ Веніаминъ.

— Обѣщаемъ, обѣщаемъ, — въ одинъ голосъ крикнули братья, — только разскажи скорѣй.

— Наша сестра здѣсь, — сказалъ Веніаминъ и приподнялъ чанъ: оттуда вышла прелестная дѣвочка въ богатой одеждѣ, съ золотой звѣздой на лбу. Братья такъ обрадовались ей, что бросились ей на шею и принялись цѣловать ее.

Дѣвочка осталась жить съ братьями. Она всегда оставалась съ Веніаминомъ дома и помогала ему хо-

зяйничать. Одиннадцать братьевъ попрежнему бродили по лѣсу и убивали всякую дичь, а Веніаминъ съ сестрой готовили имъ кушанья. Дѣвочка собирала сучья на топливо, коренья для приправы кушанья, ставила горшки въ печь, и ужинъ всегда былъ готовъ ко времени возвращенія братьевъ съ охоты. Она наблюдала за порядкомъ въ домѣ, постилала братьямъ

постели, и братья были довольны ею и жили съ ней въ большой дружбѣ.

Но вотъ, однажды, произошелъ такой случай. Веніаминъ и сестра приготовили братьямъ хорошее угощенье, и когда тѣ вернулись, всѣ усѣлись за столъ и стали ужинать. А возлѣ заколдованнаго домика былъ небольшой садикъ, и въ немъ цвѣли двѣнадцать лилій. Сестра, желая доставить братьямъ удовольствіе, рѣшила сорвать эти лиліи и послѣ ужина

подарить каждому изъ братьевъ по цвѣтку. Но лишь только она сорвала цвѣты, въ ту же минуту ея двѣнадцать братьевъ превратились въ двѣнадцать черныхъ вороновъ и улетѣли, а домъ и садъ также исчезли. Бѣдная дѣвочка очутилась одна въ глухомъ лѣсу; оглядѣвшись вокругъ, она увидѣла передъ собой старую старуху, которая сказала ей:

— Что ты надѣлала, дитя мое? Зачѣмъ ты сорвала эти лиліи? Вѣдь это были твои братья, и теперь онѣ навсегда обратились въ вороновъ.

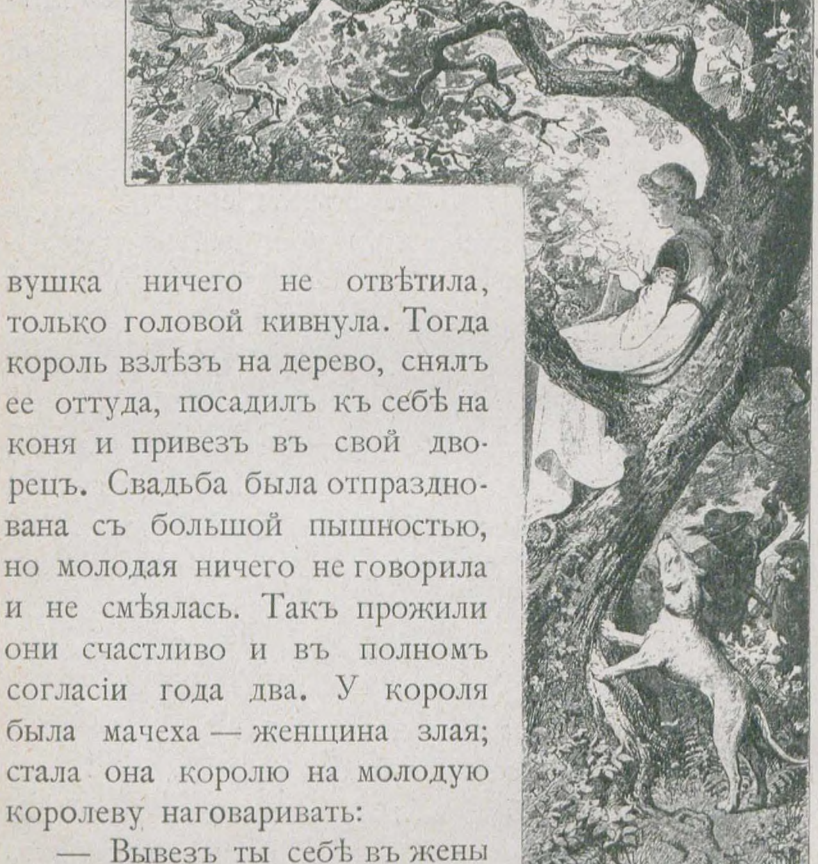
— И неужели нѣтъ никакого средства спасти ихъ?—спросила дѣвочка, горько плача.

— Нѣтъ,—отвѣчала старуха,—есть одно средство, но такое трудное, что ты не возьмешься за него. Ты должна семь лѣтъ быть нѣмою, не должна ни говорить ни смѣяться. Если ты скажешь хоть одно слово, а до семи лѣтъ будетъ недоставать хоть одного мѣсяца,—все пропало: одно это слово убьетъ всѣхъ твоихъ братьевъ.

Тогда дѣвочка сказала самой себѣ:

— Я знаю, что спасу своихъ братьевъ.

Отыскала она себѣ въ лѣсу высокое дерево, залѣзла на него, начала прясть и не стала ни говорить ни смѣяться. Вотъ однажды охотился въ лѣсу король, а съ нимъ была большая борзая собака; она прямо побѣжала къ тому дереву, на которомъ сидѣла дѣвушка, и начала около него прыгать и громко лаять, поднявъ морду кверху. Король подъѣхалъ къ дереву и, увидѣвъ прекрасную дѣвушку съ золотой звѣздой во лбу, такъ плѣнился ея красотой, что тутъ же спросилъ ее, не хочетъ ли она быть его женой. Дѣ-

вушка ничего не отвѣтила, только головой кивнула. Тогда король взлѣзъ на дерево, снялъ ее оттуда, посадилъ къ себѣ на коня и привезъ въ свой дворецъ. Свадьба была отпразднована съ большой пышностью, но молодая ничего не говорила и не смѣялась. Такъ прожили они счастливо и въ полномъ согласіи года два. У короля была мачеха — женщина злая; стала она королю на молодую королеву наговаривать:

— Вывезъ ты себѣ въ жены изъ лѣсу какую-то нищую, Богъ знаетъ, какіе у нея умыслы въ головѣ; если она нѣмая и не можетъ говорить, то могла бы, по крайней мѣрѣ, смѣяться; а ужъ всѣмъ извѣстно, кто не смѣется, у того, значитъ, совѣсть не чиста!

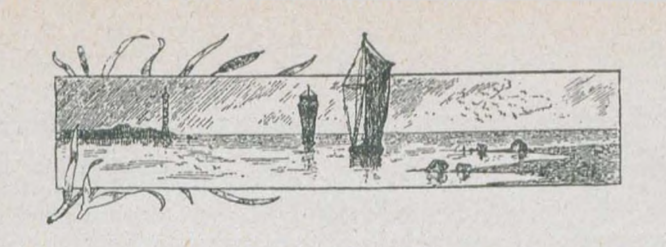
Сначала король и слушать не хотѣлъ мачехи, но та продолжала настойчиво обвинять королеву въ

разныхъ злодѣяніяхъ и наконецъ добилась своего: король приговорилъ свою жену къ смертной казни.

На дворѣ королевскаго дворца разложили большой костеръ, на которомъ должна была быть сожжена королева. Король стоялъ во дворцѣ у окошка и сквозь слезы смотрѣлъ на всѣ приготовленія; онъ все еще любилъ свою жену. Когда ее привязали къ столбу и пламя стало охватывать ея одежды, въ эту минуту исполнилось ровно семь лѣтъ ея испытанія. Въ воздухѣ послышался шумъ, прилетѣли двѣнадцать вороновъ и опустились на землю: но лишь только они коснулись земли, какъ въ ту же минуту превратились въ двѣнадцать братьевъ, спасенныхъ королевой. Братья разбросали костеръ, потушили пламя, развязали веревки и стали цѣловать сестру. Теперь королева могла говорить. Она разсказала королю, почему такъ долго была нѣма и никогда не смѣялась.

Король очень обрадовался, когда узналъ, что она невинна, и съ тѣхъ поръ всѣ они стали жить да поживать въ любви и согласіи до самой своей смерти.

Выгодная торговля.

Отвелъ мужикъ свою корову на базаръ и продалъ ее за пятнадцать рублей. Возвращается онъ домой мимо пруда и слышитъ кваканье лягушекъ: «ква, ква, ква».

— Ну, да нечего попусту кричать, не два, а пятнадцать рублей выручилъ я.

Подойдя совсѣмъ близко къ водѣ, онъ еще разъ крикнулъ лягушкамъ:

— Глупое вы звѣрье, кто лучше знаетъ, я или вы, не два, а пятнадцать рублей.

А лягушки все свое: «ква-ква-ква».

— Ну, не вѣрите, такъ я вамъ сочту, — разсердился мужикъ и, вытащивъ изъ кармана деньги, пересчиталъ всѣ пятнадцать рублей. А лягушки никакого вниманія не обратили на его счетъ и продолжали кричать: «ква-ква-ква».

Мужикъ окончательно разозлился.

— Коли такъ, — вскричалъ онъ, — такъ на те же, считайте сами!

И бросилъ имъ всѣ деньги въ воду. Долго стоялъ онъ на берегу и ждалъ, что лягушки сосчитаютъ деньги и возвратятъ ихъ ему, но напрасно: лягушки попрежнему кричали: «ква-ква-ква» и денегъ ему не возвращали.

Наконецъ наступилъ вечеръ; мужику нужно было итти домой; принялся онъ бранить лягушекъ:

— Ахъ, вы квакушки, пучеглазыя, толстоголовыя, кричать-то вы горазды, а пятнадцати рублей пересчитать не умѣете! Не думаете ли вы, что я буду тутъ стоять и ждать, пока вы со счетомъ справитесь.

Съ этими словами онъ пошелъ прочь отъ пруда, а лягушки ему вслѣдъ: «ква-ква-ква». И пришелъ мужикъ домой злой-презлой.

Прошло нѣкоторое время. Купилъ себѣ мужикъ еще корову, закололъ ее и разсчитываетъ:

— Если я выгодно продамъ мясо, то выручу за него столько, сколько мнѣ обѣ коровы стоили, да еще шкура у меня въ барышахъ останется.

И поѣхалъ съ мясомъ въ городъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, передъ самыми городскими воротами выбѣгаетъ ему навстрѣчу цѣлая стая собакъ, а впереди всѣхъ самая большая такъ и прыгаетъ около мяса, такъ и лаетъ: «вау-вау-вау».

— Вижу, вижу, что ты говядины просишь,—говоритъ ей мужикъ,—да только хорошъ бы я былъ, если бы тебѣ говядину взялъ да и отдалъ.

А собака все свое: «вау-вау-вау».

— Ну если ужъ ты такъ пристаешь, я оставлю тебѣ говядину, я знаю тебя, знаю, у кого ты служишь. Но только помни: черезъ три дня ты должна

мнѣ принести за нее деньги, не то тебѣ плохо придется.

Съ этими словами мужикъ свалилъ съ воза говядину и поѣхалъ домой. Собаки сейчасъ же набросились на нее съ громкимъ лаемъ.

Прошло три дня, мужикъ и думаетъ:

«Сегодня вечеромъ у меня денежки въ карманѣ».

Однако никто не шелъ и денегъ ему за говядину не выплачивалъ.

— Никому теперь, видно, вѣрить нельзя,—сказалъ онъ, потерявъ терпѣнье, и пошелъ къ мяснику за деньгами.

Мясникъ, ничего не понимая, думалъ, что мужикъ смѣется надъ нимъ, но мужикъ сердито сказалъ:

— Да вѣдь твоя большая собака три дня тому назадъ взяла мою говядину, развѣ она не приносила ее сюда?

Тогда мясникъ разсердился, схватилъ метлу и выгналъ мужика вонъ.

— Погоди, на свѣтѣ есть еще справедливость, — сказалъ мужикъ и пошелъ въ королевскій замокъ къ королю.

Король сидѣлъ на тронѣ съ своею дочерью; онъ принялъ мужика и спросилъ его:

— Кто тебя обидѣлъ?

— Ахъ, — сказалъ мужикъ, — лягушки и собаки отняли у меня деньги и мясо, а мясникъ выгналъ меня метлой,—и подробно разсказалъ все, что съ нимъ случилось.

Слушая его разсказъ, королевна принялась громко хохотать, а король сказалъ:

— Помочь я твоему горю не могу, но за то ты можешь взять мою дочь себѣ въ жены. Во всю свою жизнь она ни разу не смѣялась, и я обѣщалъ ее выдать за того, кто сумѣетъ ее разсмѣшить. А ты ее сегодня разсмѣшилъ.

— Да я совсѣмъ не хочу на ней жениться, — отвѣчалъ мужикъ,—у меня дома есть уже одна жена, да и съ той не знаю, куда дѣваться.

Король страшно разсердился, услыхавъ такой грубый отвѣтъ, и вскричалъ:

— Ну, подожди же, ты получишь другую награду. Теперь отправляйся домой, а черезъ три дня приходи, я прикажу тебѣ отсыпать всѣ пять сотъ сполна.

Вышелъ мужикъ изъ дворца, одинъ изъ королевской стражи и говоритъ ему:

— Ты королевну разсмѣшилъ, ужъ, вѣрно, хорошо тебя за это наградятъ.

— Да, не плохо, — отвѣчалъ мужикъ, — король обѣщалъ мнѣ выплатить пять сотенъ.

— Вонъ что, — сказалъ солдатъ, — подѣлись со мною, куда тебѣ столько денегъ.

— Ну что жъ, возьми, пожалуй, двѣсти.

Подслушалъ этотъ разговоръ стоявшій поблизости жидъ, подбѣжалъ къ мужику, схватилъ его за полу кафтана и говоритъ:

— Вѣдь вотъ какой ты счастливый, только что ты будешь съ такими крупными деньгами дѣлать, хочешь, я тебѣ ихъ мелкой монетой размѣняю?

— Ладно,—согласился мужикъ,—давай мнѣ сейчасъ триста рублей мелочью, а завтра ихъ тебѣ король отдастъ.

Жидъ обрадовался и сейчасъ же заплатилъ ему всю сумму старыми потертыми грошами.

Черезъ три дня отправился мужикъ къ королю.

— Снять съ него кафтанъ и отсчитать ему пять сотенъ ударовъ, — приказалъ король.

— Нѣтъ,—сказалъ мужикъ,—это несправедливо: двѣ сотни у меня выпросилъ солдатъ изъ твоей стражи, три сотни жидъ уплатилъ мнѣ мелочью, такъ что больше мнѣ получать нечего.

Не успѣлъ онъ договорить, какъ въ комнату вошли солдатъ и жидъ и стали требовать отъ короля своей доли. Король приказалъ имъ отсчитать должное количество ударовъ. Солдатъ, какъ человѣкъ привычный, вынесъ удары терпѣ-

ливо, а жидъ все время жалобно кричалъ. Король много смѣялся надъ продѣлкой мужика, гнѣвъ его прошелъ, и онъ сказалъ ему:

— Ты потерялъ свою награду раньше, чѣмъ получилъ ее, но я все же хочу наградить тебя за то, что ты разсмѣшилъ мою дочь; возьми изъ моей казны денегъ сколько хочешь.

Набилъ себѣ мужикъ полные карманы денегъ, пошелъ на постоялый дворъ и сталъ считать ихъ. А жидъ за нимъ туда же пришелъ и слышитъ, какъ мужикъ про себя говоритъ:

— А вѣдь этотъ хитрый король надулъ меня. Если бы онъ самъ далъ мнѣ деньги, я бы зналъ, сколько у меня ихъ, а теперь почемъ я знаю, сколько я самъ себѣ въ карманы насыпалъ?

— Боже сохрани, — прошепталъ жидъ, — онъ смѣетъ такъ непочтительно отзываться о нашемъ королѣ; пойду, донесу на него; меня наградятъ за это, а его накажутъ.

Страшно разсердился король, когда услыхалъ о словахъ мужика и приказалъ жиду привести его. Жидъ побѣжалъ къ мужику и сказалъ:

— Сейчасъ же ступай къ королю.

— Ну, нѣтъ, — сказалъ мужикъ, — я лучше знаю, что нужно дѣлать; сперва я куплю себѣ новый кафтанъ; не думаешь ли ты, что человѣкъ, у котораго столько денегъ въ карманѣ, можетъ показаться королю въ такомъ старомъ кафтанѣ?

Видитъ жидъ — плохо дѣло. Мужикъ не идетъ къ королю безъ новаго кафтана, а тѣмъ временемъ у

короля гнѣвъ пройдетъ: и мужика онъ не накажетъ и ему награды не дастъ. Вотъ и говоритъ онъ:

— Да я тебѣ по дружбѣ сейчасъ самый лучшій кафтанъ дамъ.

Мужикъ не сталъ отказываться, надѣлъ кафтанъ еврея и пошелъ къ королю.

Король сталъ бранить мужика за его непочтительныя рѣчи, а мужикъ и говоритъ:

— Да вѣдь это вамъ жидъ сказалъ, а развѣ можно ему вѣрить? Вѣдь онъ, пожалуй, скажетъ, что я его кафтанъ надѣлъ!

— А какъ же,—вскричалъ жидъ съ удивленіемъ,— развѣ этотъ кафтанъ не мой, развѣ я не на время только далъ тебѣ его?

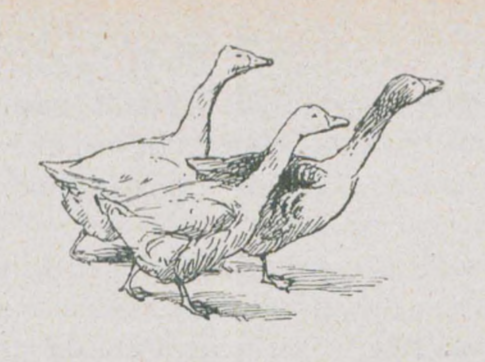
Услыхалъ это король и говоритъ:

— Ну, кого - нибудь изъ насъ жидъ обманулъ: меня или мужика,—и приказалъ ему всыпать еще нѣсколько ударовъ.

А мужикъ пошелъ себѣ домой въ новомъ кафтанѣ, съ деньгами въ карманѣ и говоритъ дорогой:

— Ну, на этотъ разъ я, кажется, не промахнулся.

Гусятница.

Въ пустынной мѣстности, среди горъ, стояла маленькая хижина. Въ ней жила добрая старушка съ цѣлымъ стадомъ гусей. Со всѣхъ сторонъ тянулся дремучій лѣсъ. Старушка каждое утро брала свою клюку и дрожащими шагами отправлялась въ лѣсъ. Тамъ она принималась усердно работать, что было очень трудно въ ея старые годы. Она рвала траву для своихъ гусей, обрывала дикія ягоды такъ высоко, какъ только могла достать и, уложивъ все это въ мѣшокъ, взваливала его на спину и тащила домой. Казалось, что она непремѣнно упадетъ подъ своей тяжелой ношей. Но нѣтъ, старушка всегда благополучно добиралась до дому. Встрѣтивъ когонибудь на своемъ пути, она добродушно кланялась и говорила:

— Здравствуй, дружокъ! Какой нынче славный денекъ! Ты удивляешься, кажется, что я тащу столько травы? Что дѣлать, всякій долженъ нести то, что ему опредѣлено судьбой.

Но прохожіе почему-то не любили встрѣчаться со старушкой и даже предпочитали дѣлать крюкъ, чтобы избѣгнуть ея. Когда же отецъ съ своимъ маленькимъ сыномъ встрѣчался съ ней, то всегда говорилъ мальчику:

— Ты, сынокъ, берегись этой старухи: она хитра какъ чортъ, вѣдь это колдунья.

Однажды утромъ прекрасный юноша гулялъ по этому лѣсу. Солнце ярко свѣтило, птицы пѣли, и чуть замѣтный вѣтерокъ шелестилъ листвой. Юноша былъ веселъ и оживленъ. Онъ еще не встрѣтилъ въ лѣсу ни одной живой души, какъ вдругъ замѣтилъ старую колдунью. Стоя на колѣняхъ, она рѣзала серпомъ траву и клала ее въ мѣшокъ, который былъ уже почти полонъ. Рядомъ съ ней стояли двѣ корзины: одна была наложена дикими грушами, другая—яблоками.

— Какъ же ты, бабушка, потащишь все это? — спросилъ онъ у нея.

— Что дѣлать, милый мой, придется дотащить!— отвѣчала она. — Вы, богатые, не знаете, что такое усталость. А намъ, простымъ смертнымъ, съ раннихъ лѣтъ твердятъ:

Впередъ смотри передъ собой,
Коль на спинѣ мѣшокъ большой.

— Хочешь мнѣ помочь? — прибавила старушка, увидавъ, что юноша остановился. — Плечи у тебя

прямыя, ноги крѣпкія, тебѣ это будетъ не трудно. Къ тому же мой домъ очень близко отсюда: вонъ за тѣмъ холмомъ, въ густой заросли. Ты доберешься туда въ одинъ мигъ!

Юношѣ стало жаль старуху, и онъ сказалъ:

— Правда, мой отецъ графъ; но, чтобы доказать тебѣ, что не вы одни умѣете носить тяжести, я донесу твою ношу.

— Очень буду рада, — отвѣчала старуха. — Тебѣ придется итти около часа времени. Но вѣдь это ничего не стоитъ! Ты, конечно, донесешь также груши и яблоки?

Услыхавъ, что до жилища ея было около часа ходьбы, молодой графъ призадумался было. Но старуха ничего и слышать не хотѣла. Она привязала ему на спину мѣшокъ, дала въ обѣ руки по корзинѣ и сказала:

— Видишь, все это почти ничего не вѣситъ!

— Напротивъ, все это очень тяжело! — съ грустнымъ вздохомъ отвѣчалъ графъ. — Мѣшокъ твой такъ тяжелъ, точно ты наполнила его камнями, а груши и яблоки будто свинцовыя. Я совсѣмъ могу задохнуться отъ этой тяжести.

Ему очень хотѣлось отдѣлаться отъ своей ноши, но старуха не допустила этого.

— Скажите, пожалуйста! — насмѣшливо проговорила она: — такой молодой человѣкъ и вдругъ не можетъ дотащить того, что я ношу на старости лѣтъ. Всѣ-то вы одинаковы. На словахъ готовы помочь, а какъ дойдетъ до дѣла — сейчасъ и бѣжать! Ну, ну, нечего разсуждать-то! Отправляйся по добру, по здо-

рову. Все равно, теперь ужъ никто не сниметъ съ тебя этой ноши!

Пока дорога шла черезъ долину, графъ еще кое-какъ подвигался впередъ; но когда пришлось подниматься въ гору, по камнямъ, скользившимъ изъ-подъ ногъ, онъ совершенно выбился изъ силъ. Крупныя капли пота катились по его лицу и по всему тѣлу.

— Бабушка, я больше не могу итти!—наконецъ взмолился онъ:—дай хоть немного отдохнуть!

— Нѣтъ, — возразила она, — ты отдохнешь, когда мы придемъ домой, а теперь надо итти. Какъ знать, можетъ-быть, это тебѣ будетъ и на пользу!

— Да ты просто пребезсовѣстная старуха!—сказалъ графъ и тотчасъ же хотѣлъ сбросить свою ношу.

Но всѣ усилія его были напрасны. Мѣшокъ былъ такъ хорошо привязанъ къ спинѣ, точно приросъ къ ней. Молодой человѣкъ вертѣлся и такъ и сякъ, но ничего не могъ сдѣлать. Старуха начала громко смѣяться, весело подпрыгивая на своей клюкѣ.

— Ну, не сердись, милый мой, — наконецъ сказала она: — ты сталъ красенъ какъ ракъ. Лучше немножко потерпи и донеси свою ношу до дому, я тебя за это отлично награжу!

Что ему оставалось дѣлать, какъ не слѣдовать терпѣливо за старухой? Графъ пошелъ впередъ. Вдругъ старуха подпрыгнула и вскочила на мѣшокъ. Несмотря на свою худобу, оказалось, что она вѣсила больше, чѣмъ самая толстая крестьянка. У юноши, наконецъ, стали подкашиваться ноги; но какъ только онъ пріостанавливался, старуха хлестала его по ногамъ

RS

хворостиной и своей клюкой. Наконецъ онъ, задыхаясь, взобрался на гору и достигъ до дома въ ту самую минуту, какъ готовъ былъ уже упасть отъ усталости. Завидѣвъ старуху, гуси расправили крылья, вытянули шеи и съ криками бросились ей навстрѣчу. За стадомъ гусей шла высокая старая женщина съ безобразнымъ лицомъ и держала въ рукахъ палочку.

— Что-нибудь случилось, родная моя?—спросила она у старухи. — Почему ты такъ долго не возвращалась?

— Ничего со мною не случилось, дитя мое, — отвѣчала старуха. — Напротивъ, вотъ этотъ добрый мальчикъ принесъ мою ношу и, кромѣ того, видя мою усталость, посадилъ и меня себѣ на спину. Путь нашъ показался очень короткимъ, такъ какъ мы все время превесело болтали.

Наконецъ старуха соскочила на землю, сняла мѣшокъ со спины юноши и взяла у него изъ рукъ обѣ корзины. Потомъ она ласково взглянула на него и проговорила:

— Теперь сядь на скамью у двери и отдохни. Ты честно заслужилъ свою награду, которую и получишь отъ меня.

Потомъ она повернулась къ высокой женщинѣ и сказала:

— Ступай домой, дитя мое. Тебѣ не слѣдуетъ оставаться вдвоемъ съ этимъ юношей.

Тѣмъ временемъ старуха приласкала и пригладила гусей, затѣмъ отправилась съ дочерью въ свою хижину. Молодой графъ тотчасъ растянулся на лавкѣ подъ дикой яблоней. Воздухъ былъ тихій и прозрач-

ный; вокругъ разстилался большой зеленый лугъ, пестрѣвшій подснѣжниками и тысячами другихъ яркихъ цвѣтовъ. Въ серединѣ его бѣжалъ прозрачный ручеекъ, переливаясь въ лучахъ солнца всѣми цвѣтами радуги, а по берегамъ его ходили стаи бѣлыхъ гусей, то и дѣло погружаясь въ его свѣтлыя воды.

«Какъ здѣсь хорошо! — подумалъ графъ. — Но я такъ усталъ, что не могу лежать съ открытыми глазами. Надо немного поспать! Только бы вѣтеръ меня не сдулъ: вѣдь я теперь легокъ какъ перышко».

Только что онъ заснулъ, какъ старуха разбудила его.

— Вставай, — проговорила она: — тебѣ нельзя здѣсь оставаться; я тебя помучила немножко, но не до смерти. Теперь же хочу наградить. Такъ какъ ты не нуждаешься ни въ деньгахъ ни въ богатствѣ, то я дамъ тебѣ нѣчто другое.

И, сказавъ это, старуха подала ему ящикъ, сдѣланный изъ одного изумруда.

— Береги этотъ ящикъ, — проговорила она: — онъ тебѣ принесетъ счастье.

Графъ всталъ и, почувствовавъ себя снова сильнымъ и бодрымъ, поблагодарилъ старуху и отправился въ путь. О дочери же ея онъ совершенно позабылъ. Удаляясь отъ хижины, онъ еще долго слышалъ веселый крикъ гусей.

Три дня проблуждалъ графъ по лѣсу, не находя никакой дороги. Наконецъ онъ пришелъ въ большой городъ и такъ какъ не зналъ тамъ ни одной души, то и попросилъ, чтобы его немедленно отвели

во дворецъ. Когда онъ вошелъ, король съ королевой сидѣли рядомъ на тронѣ. Графъ всталъ на колѣни, вынулъ изъ кармана изумрудный ящикъ и положилъ его къ ногамъ королевы. Но она приказала ему встать. Тогда графъ подалъ ей ящикъ. Королева открыла его и упала въ обморокъ. Королевскіе слуги схватили графа и хотѣли вести въ тюрьму. Но въ эту минуту королева пришла въ себя и приказала освободить его. Затѣмъ она выслала всѣхъ изъ комнаты, объявивъ, что она должна поговорить съ графомъ наединѣ. Когда они остались одни, королева начала горько плакать и сказала:

— Къ чему мнѣ весь блескъ и почетъ, которые меня окружаютъ? Каждое утро я просыпаюсь въ тревогѣ и тоскѣ. Было у меня три дочери, изъ которыхъ меньшая была такая красавица, что всѣ дивились, глядя на нее. Она была бѣла какъ снѣгъ, розова какъ яблочные цвѣты, волосы ея блестѣли точно солнечные лучи. А когда она плакала, изъ глазъ ея катились не слезы, а жемчужины и драгоцѣнные каменья. Наконецъ ей минуло пятнадцать лѣтъ. Тогда король приказалъ позвать къ себѣ всѣхъ трехъ дочерей. Надо было видѣть, что сдѣлалось со всѣми вельможами и придворными, когда вошла меньшая дочь моя. Точно заря утренняя освѣтила всѣхъ. Тогда король сказалъ:

— Милыя мои дочери, никто не знаетъ, когда пробьетъ мой послѣдній часъ, а потому я заранѣе хочу объявить, чѣмъ надѣлю васъ послѣ своей смерти. Всѣ вы любите меня, но та изъ васъ, которая привязана ко мнѣ сильнѣе, получитъ лучшую часть.

Тогда каждая изъ дочерей стала увѣрять, что любитъ отца лучше двухъ другихъ.

— Не можете ли вы яснѣе выразить, какъ любите меня?—спросилъ ихъ король.—Я бы тогда зналъ, чья привязанность сильнѣе.

— Я люблю отца такъ же сильно, какъ самый сладкій сахаръ,—тотчасъ объявила старшая.

— А я люблю его какъ самое красивое платье,—проговорила вторая.

Меньшая же ничего не сказала.

— Ну, а ты какъ любишь меня? — спросилъ ее отецъ.

— Я не могу ни съ чѣмъ сравнить моей любви къ тебѣ, — промолвила она.

Но отецъ потребовалъ, чтобы меньшая дочь отвѣтила на его вопросъ.

Тогда она сказала такъ:

— Самое лучшее кушанье никуда не годится, если въ немъ нѣтъ соли. Ну, такъ вотъ я люблю тебя, какъ соль.

Услыхавъ эти слова, король страшно разсердился и проговорилъ:

— Въ такомъ случаѣ, если ты меня любишь, какъ соль, то я вознагражу твою любовь солью.

Онъ раздѣлилъ королевство между двумя старшими дочерьми, а младшей привѣсилъ на спину мѣшокъ съ солью и приказалъ слугамъ отвезти ее въ дремучій лѣсъ. Всѣ мы горько плакали и просили за нее, но ничто не могло усмирить гнѣвъ короля. Разставаясь съ нами, она такъ сильно плакала, что вся дорога была усыпана жемчужинами, падавшими изъ

ея глазъ. Вскорѣ король раскаялся въ своей жестокости и послалъ въ лѣсъ искать дочь. Но никто не могъ найти ея. Какъ подумаю только, что, можетъ-быть, дикіе звѣри растерзали ее, такъ начинаю тосковать сильнѣе. А иной разъ меня успокаиваетъ мысль, что, можетъ-быть, она спряталась въ пещерѣ, или какой-нибудь добрый человѣкъ пріютилъ ее. Открывъ изумрудный ящикъ, который вы дали мнѣ, я увидала въ немъ точь въ точь такую жемчужину, какія падаютъ изъ глазъ моей дочери. Теперь вы понимаете, почему я такъ взволновалась. Скажите же, какимъ образомъ попалъ къ вамъ этотъ ящикъ?

Тогда графъ разсказалъ, что онъ достался ему отъ лѣсной старухи, которая, по его мнѣнію, была, вѣрно, колдунья. Но про дочь короля онъ ничего не слыхалъ и не видалъ ея. Король съ королевой тотчасъ рѣшили отправиться къ старухѣ, надѣясь узнать что-нибудь о дочери.

Тѣмъ временемъ старуха одиноко сидѣла у двери хижины и пряла. Наступили сумерки, и догоравшія въ печкѣ дрова слабо освѣщали комнату.

Вдругъ на дворѣ послышался шумъ, и затѣмъ большая стая гусей съ пронзительными криками прилетѣла изъ лѣсу домой, а за ними вошла «гусятница». Мать слегка кивнула ей головой. Дочь сѣла рядомъ съ ней, взяла веретено и стала прясть съ ловкостью и быстротой молодой дѣвушки. Въ продолженіе двухъ часовъ онѣ сидѣли молча и пряли. Но вотъ что-то стукнуло въ окно и показалась пара блестящихъ глазъ. Это была старая ночная сова.

— Гу-гу-гу!—прокричала она.

Старуха подняла глаза и проговорила:

— Тебѣ пора итти, дитя мое!

Дочь встала и вышла изъ хижины. Но куда же она отправлялась? Она шла къ ручью, на берегу котораго росли три дуба. Тѣмъ временемъ изъ-за горы показалась полная луна, свѣтившая такъ ярко, что можно было отыскать булавку на землѣ. Дочь старухи сняла кожу, которой было покрыто ея лицо,

нагнулась и стала умываться въ ручьѣ. Затѣмъ она обмакнула въ воду снятую съ лица кожу и разложила ее на травѣ, чтобы она высохла и побѣлѣла при свѣтѣ луны. Но какъ удивительно измѣнилась дочь старухи! Когда она отвязала сѣдую косу, ея собственные золотистые волосы засверкали какъ лучи солнца и покрыли ее съ ногъ до головы. Глаза блестѣли какъ звѣзды небесныя, а на щекахъ игралъ нѣжный румянецъ.

Но красавица была грустна и, усѣвшись на берегу, стала горько плакать. Изъ глазъ ея вмѣсто слезъ падали на землю крупныя жемчужины. Долго просидѣла бы она, если бы не услыхала шума въ вѣтвяхъ дерева. Она вскочила съ быстротой козочки, услыхавшей выстрѣлъ охотника. Въ эту минуту луна подернулась густымъ облакомъ. Молодая дѣвушка вмигъ покрыла лицо старой кожей и, какъ угасшій отъ дуновенія вѣтра огонекъ, исчезла изъ глазъ.

Она прибѣжала домой, дрожа какъ листъ.

Старуха-мать стояла на порогѣ хижины, и дочь только что хотѣла разсказать ей все, что случилось, но та улыбнулась и проговорила:

— Я все знаю.

Съ этими словами она отвела дочь въ комнату и зажгла нѣсколько полѣнъ дровъ. Но прясть она больше не стала, а взяла метлу и принялась мести и прибирать все вокругъ.

— Надо, чтобы у насъ было чисто и опрятно,— сказала она молодой дѣвушкѣ.

— Но зачѣмъ же, матушка, ты начинаешь уборку въ такой поздній часъ? Что у тебя на умѣ?—спросила дочь старуху.

— А знаешь ли ты, который часъ?

— Знаю: еще не пробило полночи,—отвѣчала дочь,—но все же позднѣе одиннадцати часовъ.

— Развѣ ты не знаешь, что сегодня исполнилось ровно три года съ тѣхъ поръ, какъ ты пришла ко мнѣ?—сказала старуха.—Теперь срокъ твой кончился, и мы не можемъ больше жить вмѣстѣ.

— О, добрая матушка, неужели ты хочешь прогнать меня? — со страхомъ спросила молодая дѣвушка. — Куда же я пойду? У меня нѣтъ ни друзей ни дома, гдѣ бы я могла преклонить голову. Ты же была всегда довольна мной, такъ какъ я исполняла безпрекословно всѣ твои приказанія. Не прогоняй же меня!

Но старуха не хотѣла разсказать молодой дѣвушкѣ, что съ ней должно было случиться.

— Я не могу дольше оставаться здѣсь, — отвѣчала она, — и должна убрать хижину, прежде чѣмъ выйду изъ нея. Не останавливай меня. Что касается до тебя, то не бойся: ты найдешь гдѣ пріютиться и останешься довольна тѣмъ, какъ я награжу тебя.

— Да скажи же мнѣ, что случится? — спросила молодая дѣвушка.

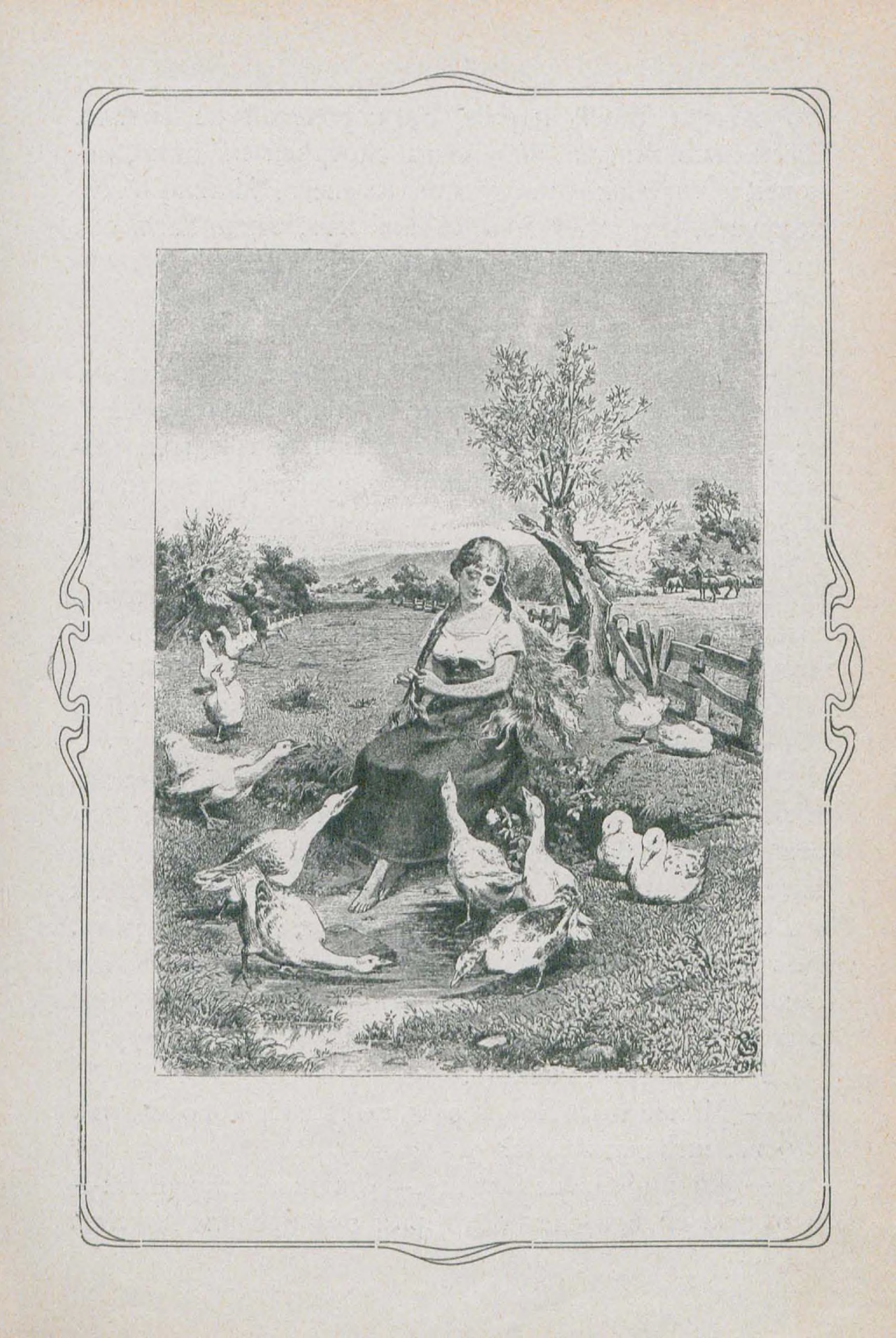
— Повторяю, не мѣшай мнѣ и не говори больше ни слова. Поди въ свою комнату, сними кожу съ лица, надѣнь шелковое платье, въ которомъ ты пришла ко мнѣ, и сиди смирно, пока я тебя позову.

Теперь надо сказать нѣсколько словъ о королѣ и королевѣ, отправившихся вмѣстѣ съ графомъ отыскивать старуху. Среди ночи молодой графъ отбился отъ нихъ и принужденъ былъ продолжать путь одинъ. На другой день ему показалось, что онъ попалъ на настоящую дорогу, по которой онъ и шелъ вплоть до сумерекъ. Тогда, чтобы не заблудиться, онъ влѣзъ на дерево, намѣреваясь переночевать на немъ. Когда, наконецъ, яркая луна освѣтила окрестности, онъ увидалъ женщину, спускавшуюся съ горы. Хотя въ ру-

кахъ ея и не было хворостины, но ему все-таки показалось, что это была та самая женщина, которая стерегла гусей въ домѣ старухи.

«А! — подумалъ онъ, — приближается одна изъ волшебницъ; другая тоже не уйдетъ отъ меня!»

Но каково же было его удивленье, когда женщина подошла къ ручью, сняла кожу съ лица и стала умываться! При этомъ золотистые волосы разсыпались по спинѣ до земли, и онъ увидѣлъ передъ собой красивѣйшую дѣвушку, какую только можно было вообразить. Онъ едва смѣлъ дышать и, не смигнувъ, глядѣлъ на красавицу, все болѣе и болѣе вытягивая шею. Оттого ли, что онъ черезчуръ нагнулся, или отъ чего-нибудь другого, но вдругъ одна изъ вѣтокъ затрещала. Въ ту же минуту молодая дѣвушка прикрылась старушечьей кожей и, когда луна спряталась за облако, быстро исчезла изъ его глазъ. Графъ немедленно сошелъ съ дерева и пустился вдогонку за ней. Но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ замѣтилъ двухъ людей, шедшихъ по полянѣ. Это были король съ королевой. Они издали замѣтили огонь въ домѣ старухи и направлялись къ нему. Графъ тотчасъ разсказалъ имъ, какое чудо онъ видѣлъ у ручья, и они, ни минуты не сомнѣваясь, рѣшили, что то была ихъ пропавшая дочь. Они весело пустились въ путь и скоро достигли хижины. Вокругъ ея неподвижно сидѣли гуси и спали, спрятавъ головы подъ крылья. Они подошли ближе и увидали въ окно старушку, спокойно прявшую. Въ комнатѣ было такъ чисто, какъ будто въ ней жили маленькія воздушныя феи, у которыхъ никогда не бываетъ пыли на ногахъ.

Но дочери своей король съ королевой не видали. Нѣсколько минутъ они молча смотрѣли въ окно, наконецъ тихонько постучали въ него. Можно было подумать, что старушка ждала ихъ, такъ какъ она тотчасъ же встала и привѣтливо сказала:

— Войдите, я васъ знаю.

Они вошли.

— Вамъ бы не пришлось итти такъ далеко,— проговорила она,— если бы вы такъ незаслуженно не прогнали вашей славной дѣвочки три года назадъ. Впрочемъ, она немного потеряла, такъ какъ всѣ три года пасла моихъ гусей у ручья; она не научилась ничему дурному и осталась попрежнему чиста сердцемъ. Что касается до васъ, то вы достаточно наказаны, такъ какъ испытали не мало горя въ это время.

Затѣмъ старушка подошла къ двери и проговорила:

— Поди сюда, дитя мое!

Дверь отворилась, и вошла дочь короля въ своемъ шелковомъ платьѣ, съ золотистыми волосами и блестящими глазами. Можно было подумать, что это ангелъ спустился съ небесъ. Она тотчасъ подбѣжала къ отцу и матери и стала ихъ обнимать и цѣловать. Всѣ плакали отъ радости. Молодой графъ стоялъ рядомъ съ ними. Когда дѣвушка увидала его, она закраснѣлась какъ алая роза, сама не зная почему.

Тогда король сказалъ:

— Милое дитя мое, я раздѣлилъ свое королевство, что же мнѣ дать тебѣ?

— Ей ничего не нужно,— отвѣчала старушка:— я отдала ей всѣ слезы, которыя она пролила по васъ.

Каждая изъ нихъ есть рѣдкая жемчужина, стоящая дороже, чѣмъ все ваше королевство. А въ награду за ея службу я дарю ей мою маленькую хижину.

Проговоривъ это, старушка вдругъ исчезла. Вслѣдъ за тѣмъ въ стѣнахъ послышался легкій трескъ, и маленькая хижина превратилась въ великолѣпный дворецъ. Въ залѣ былъ накрытъ роскошный столъ, вокругъ котораго суетились слуги.

Исторія эта имѣетъ еще продолженіе, но бабушка, разсказывавшая мнѣ ее, стала немного забывчива и не могла припомнить конца. Впрочемъ, мнѣ кажется, что дочь короля вышла замужъ за графа, и они остались во дворцѣ, гдѣ и жили долго и счастливо, пока того хотѣлъ Господь. Бѣлые гуси, сидѣвшіе вокругъ хижины, были не болѣе, какъ молодыя дѣвушки, которыхъ старушка брала къ себѣ жить. Обратились ли онѣ снова въ молодыхъ дѣвушекъ и остались служить молодой королевѣ,—этого я навѣрное сказать не могу, но думаю, что именно такъ оно и было. Навѣрное могу сказать лишь то, что старушка была вовсе не колдунья, а просто добрая фея, помогавшая въ бѣдѣ всѣмъ и каждому. Вѣроятно, это она же устроила такъ, что меньшая дочь короля плакала не слезами, а жемчужинами. Нынче ужъ этого не бываетъ! А если бы случилось, то всѣ бѣдные скоро сдѣлались бы богатыми!

Собака и воробей.

Жила - была на свѣтѣ собака овчарка. Хозяинъ ея былъ человѣкъ злой и часто морилъ ее голодомъ. Собака наконецъ не вытерпѣла и въ одинъ прекрасный день взяла да и ушла отъ него. Повстрѣчался ей на улицѣ воробей.

— Что это ты, овчарка, такъ запечалилась? — спросилъ онъ ее.

— Я голодна, а поѣсть мнѣ нечего, — отвѣчала собака.

— Такъ слушай, — сказалъ воробей, — пойдемъ со мной въ городъ, я тамъ тебя накормлю.

И отправились въ городъ. Когда они подошли къ мясной лавкѣ, воробей и говоритъ собакѣ:

— Ты подожди здѣсь, а я тебѣ изъ лавки кусокъ мяса стащу.

И съ этими словами влетѣлъ въ лавку, сѣлъ на прилавокъ, оглянулся по сторонамъ, не подсматриваетъ ли за нимъ кто, и сталъ клевать кусокъ говядины до тѣхъ поръ, пока тотъ съ края прилавка не свалился на полъ. Въ ту же минуту собака схватила его и съѣла. Тогда воробей сказалъ:

— Теперь пойдемъ въ другую лавку, я тебѣ тамъ еще кусокъ достану, чтобы ты могла наѣсться досыта.

Когда собака съѣла второй кусокъ, воробей спросилъ ее:

— Ну, что, овчарка, сыта ли ты теперь?

— Да, говядины я поѣла вдоволь, — отвѣчала она, — зато хлѣба еще и корочки не съѣла.

— И это я тебѣ достану, пойдемъ со мной, — сказалъ воробей и повелъ собаку къ булочной.

Тамъ на прилавкѣ лежали два хлѣбца. Воробей подлетѣлъ къ нимъ и клевалъ и подталкивалъ ихъ своимъ клювомъ до тѣхъ поръ, пока они не упали на полъ. Когда собака ихъ съѣла и захотѣла еще, воробей повелъ ее въ другую булочную и сбросилъ ей съ прилавка еще хлѣба.

— Ну, теперь сыта ли ты, овчарка? — спросилъ ее воробей.

— Да, — отвѣчала она, — теперь мы можемъ немножко погулять за городомъ.

И они отправились на большую дорогу. Погода стояла прекрасная; пройдя нѣкоторое разстояніе, собака сказала:

— Я устала и охотно бы легла отдохнуть.

— Ну, что жъ, поспи немножко, — сказалъ воробей, — а я тѣмъ временемъ посижу на вѣткѣ.

Собака растянулась на дорогѣ и крѣпко заснула. Спитъ она и не слышитъ, что по дорогѣ ѣдетъ извозчикъ на тройкѣ лошадей и везетъ двѣ бочки съ виномъ. Воробей увидѣлъ, что онъ не хочетъ свернуть съ дороги и продолжаетъ ѣхать по той колеѣ, на которой лежала собака, и закричалъ ему:

— Извозчикъ, свороти съ дороги, а то я тебя разорю.

— Вотъ еще что выдумалъ, — проворчалъ себѣ подъ носъ извозчикъ; щелкнулъ бичомъ, переѣхалъ черезъ собаку и раздавилъ ее.

— Ты убилъ моего товарища, — закричалъ ему воробей, — и за это поплатишься телѣгой и лошадьми!

— Какъ же, посмотрѣлъ бы я, какъ ты отнимешь у меня телѣгу и лошадей, — сказалъ извозчикъ и поѣхалъ дальше.

Тогда воробей забрался подъ кожу, которой была покрыта телѣга, и принялся расковыривать клювомъ отверстіе въ бочкѣ; расковырялъ настолько, что затычка изъ нея выскочила, и вино все вытекло, а извозчикъ даже и не замѣтилъ этого. Когда же онъ вздумалъ оглянуться назадъ, то увидѣлъ, что съ телѣги каплетъ. Соскочивъ на землю, онъ осмотрѣлъ бочки и тутъ только замѣтилъ, что одна изъ нихъ совсѣмъ пуста.

— Ахъ, несчастный я человѣкъ! — вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, не совсѣмъ еще несчастный! — сказалъ воробей и, взлетѣвъ на голову одной изъ лошадей, выклевалъ ей глаза.

Увидѣлъ это извозчикъ, схватилъ изъ телѣги заступъ и замахнулся имъ на воробья, но воробей успѣлъ улетѣть, а заступъ ударилъ по лошади и убилъ ее до смерти.

— Ахъ, какой я несчастный человѣкъ! — воскликнулъ извозчикъ.

— Нѣтъ, не совсѣмъ еще несчастный! — сказалъ воробей, и когда извозчикъ поѣхалъ дальше, онъ

опять залѣзъ подъ кожу, накрывавшую телѣгу, и, расковырявъ затычку изъ другой бочки, выпустилъ и изъ нея все вино. Когда увидалъ это извозчикъ, онъ опять воскликнулъ:

— Ахъ, какой я несчастный человѣкъ!

Но воробей опять сказалъ:

— Нѣтъ еще не совсѣмъ несчастный! — и, забравшись на голову второй лошади, выклевалъ и ей глаза.

Извозчикъ бросился на него со своимъ заступомъ, но воробей взлетѣлъ вверхъ, и заступъ убилъ вторую лошадь.

— Ахъ, что я за несчастный человѣкъ! — снова воскликнулъ извозчикъ.

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ несчастный, — сказалъ воробей, и выклевалъ глаза третьей лошади.

Извозчикъ, не помня себя отъ гнѣва, опять бросилъ въ него заступъ, но воробей ловко увернулся отъ удара, и заступомъ убило третью лошадь.

— Ахъ, несчастный я человѣкъ! — воскликнулъ извозчикъ.

— Нѣтъ, не совсѣмъ еще несчастный, — сказалъ воробей; — вотъ я полечу къ тебѣ домой и все тамъ испорчу!

Извозчикъ оставилъ на дорогѣ телѣгу и побѣжалъ домой.

— Ахъ! — сказалъ онъ женѣ, — какое меня постигло несчастіе: вино изъ бочекъ вылилось, лошади пали!

— Ахъ, Боже мой! — вскричала жена, — что за злая птица прилетѣла къ намъ? Она собрала мно-

жество птицъ и онѣ всѣ полетѣли на поле и ѣдятъ нашу пшеницу.

Извозчикъ бросился изъ дому и видитъ — тысячи и тысячи птицъ сидятъ на его полѣ и всю пшеницу уже склевали, и воробей тутъ же находится.

— Ахъ, я несчастный, несчастный! — закричалъ извозчикъ.

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ несчастный! — отвѣчалъ воробей, — я тебя и жизни лишу, — и съ этими словами улетѣлъ.

Такимъ образомъ извозчикъ лишился всего своего имущества. Не помня себя отъ ярости, онъ усѣлся возлѣ печки, а воробей подлетѣлъ къ окошку и закричалъ:

— Извозчикъ, ты еще заплатишь мнѣ своей жизнью.

Тогда разъяренный извозчикъ схватилъ заступъ и бросился къ воробью; но въ воробья не попалъ, а только всѣ стекла въ окнѣ перебилъ. Воробей же влетѣлъ въ домъ, сѣлъ на печку и закричалъ:

— Извозчикъ, ты еще заплатишь мнѣ своей жизнью.

Тотъ совсѣмъ обезумѣлъ отъ злости: бросился къ печкѣ, разбилъ ее надвое, бѣгалъ за воробьемъ по всему дому до тѣхъ поръ, пока не перебилъ всю домашнюю утварь, зеркало, скамейки, столъ, испортилъ всѣ стѣны своего дома, но воробья не могъ поймать.

Наконецъ ему удалось какъ-то схватить его рукою. Жена и говоритъ:

— Не убить ли намъ его?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ мужъ, — этого ему мало: пусть онъ умретъ мучительною смертью, я хочу его проглотить! — и проглотилъ птицу живьемъ. Вотъ и запрыгалъ воробей у него въ желудкѣ. Прыгалъ, прыгалъ и выпрыгнулъ изъ желудка въ ротъ, а оттуда высунулъ голову и крикнулъ:

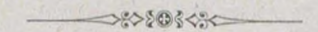
— Извозчикъ, все же ты заплатишь мнѣ за это своею жизнью.

Тогда извозчикъ протянулъ женѣ свой заступъ и сказалъ:

— Жена, убей воробья у меня во рту!

Жена ударила да промахнулась, — попала мужу въ голову; ударъ былъ такъ силенъ, что несчастный извозчикъ замертво повалился на полъ. А воробей выскочилъ изъ его рта и улетѣлъ.

О мышкѣ, птичкѣ и колбаскѣ.

Однажды мышка, птичка и колбаска заключили между собой дружбу, завели общее хозяйство и зажили въ мирѣ и согласіи. Птичка каждый день летала въ лѣсъ и приносила оттуда сучьевъ; мышка носила воду топила печку и накрывала столъ; колбаска готовила кушанье.

Кому хорошо, тотъ еще лучшаго хочетъ! Вотъ однажды встрѣтила птичка другую птицу и стала хвалиться ей своимъ хорошимъ житьемъ. А та и говоритъ:

— И совсѣмъ тебѣ нечѣмъ хвалиться; больше всѣхъ тебѣ работать приходится, а тѣ двое живутъ себѣ припѣваючи. Затопитъ мышка печь, натаскаетъ воды, уйдетъ къ себѣ въ каморку и спитъ до тѣхъ поръ, пока ее не позовутъ столъ накрывать. А колбаска сидитъ себѣ да за кушаньемъ присматриваетъ, а какъ наступитъ время обѣдать, перекатится раза четыре по кашѣ или по овощамъ, глядишь, они

сдѣлались жирны, солоны и совсѣмъ готовы къ столу...

Прилетѣла птичка домой, сложила съ себя вязанку сучьевъ, усѣлись они всѣ за столъ, а послѣ обѣда легли спать и проспали до слѣдующаго утра: такая была хорошая жизнь!

На другой день птичка не хотѣла больше летѣть въ лѣсъ за сучьями.

— Довольно ужъ я у васъ въ служанкахъ да въ дурахъ была, не угодно ли вамъ со мной помѣняться работой?

И какъ ни упрашивали ее мышка и колбаска, птичка поставила на своемъ!

Рѣшили попробовать, — и бросили жребій. Колбаскѣ приходилось сучья таскать, птичкѣ — воду носить, а мышка должна была стряпать.

Что же случилось? Колбаска отправилась за сучьями, птичка растопила печку, а мышка поставила въ нее горшокъ; и стали они ждать, когда вернется колбаска и принесетъ сучья для слѣдующаго дня. Но колбаска такъ долго не возвращалась, что они не знали, что и думать. Наконецъ птичка полетѣла ей навстрѣчу. Какъ же она удивилась, когда увидала недалеко отъ дома собаку, которая ѣла колбаску. Птичка набросилась на собаку и начала ее бранить за разбой; но ничто не помогало: собака продолжала ѣсть колбаску.

Опечаленная птичка схватила вязанку сучьевъ, полетѣла домой и разсказала, что видѣла и что слышала. Погоревали онѣ съ мышкой и рѣшили никогда не разставаться и во всемъ помогать другъ

другу. И стала птичка столъ накрывать, а мышкѣ пришлось кушанье готовить. Вздумала она, какъ колбаска, по овощамъ покататься, чтобы они примаслились. Но лишь только она залѣзла въ овощи, кто-то сцапалъ ее, и она покончила тутъ свою жизнь.

Когда пришло время обѣдать, а птичка пошла за кушаньемъ, она не нашла у печки повара. Птичка не знала, что ей и дѣлать. Она такъ растерялась, что начала разбрасывать повсюду сучья, стала звать и разыскивать мышку, но той нигдѣ не оказалось. Между тѣмъ дрова по неосторожности загорѣлись, вспыхнулъ пожаръ, птичка бросилась за водой; но ведро у ней въ колодецъ упало, она за нимъ полетѣла туда же. Ведра не вытащила, а сама утонула.

Найденышъ.

Жилъ-былъ лѣсникъ. Пошелъ онъ однажды на охоту; пришелъ въ лѣсъ и слышитъ — кто-то плачетъ, словно маленькій ребенокъ. Пошелъ онъ къ тому мѣсту, откуда слышался плачъ,

подошелъ, наконецъ, къ большому дереву, а на немъ и въ самомъ дѣлѣ сидѣлъ маленькій мальчикъ. Видно, его мать сѣла отдохнуть подъ то дерево, да и заснула, а хищная птица летѣла мимо, увидала у ней на колѣняхъ ребенка, схватила его своимъ клювомъ и посадила на дерево.

Лѣсникъ взлѣзъ на дерево, снялъ оттуда ребенка и подумалъ:

«Возьму я его къ себѣ домой, пускай растетъ вмѣстѣ съ моей дочкой Машенькой».

Принесъ лѣсникъ мальчика домой и назвалъ его Найденышемъ. Найденышъ и Машенька стали расти вмѣстѣ и такъ полюбили другъ друга, что дня не могли прожить одинъ безъ другого.

У лѣсника была старая кухарка. Вотъ однажды вечеромъ взяла она два ведра и принялась таскать воду изъ колодца.

Машенька увидала это и сказала:

— Зачѣмъ это ты, Анна, столько воды наносила?

— Если ты будешь молчать, такъ я тебѣ скажу, зачѣмъ.

Машенька обѣщала никому не говорить, тогда кухарка сказала ей:

— Завтра утромъ, когда лѣсникъ уйдетъ на охоту, я вскипячу эту воду въ котлѣ, брошу туда Найденыша и сварю его тамъ.

На другой день рано утромъ, когда дѣти лежали еще въ постели, лѣсникъ ушелъ на охоту. Вотъ Машенька и говоритъ Найденышу:

— Если ты меня не покинешь, и я тебя тоже не покину.

— Никогда я тебя не покину, — отвѣчалъ ей Найденышъ.

— Слушай же, что я тебѣ скажу: вчера вечеромъ старая Анна натаскала домой много ведеръ воды; я спросила ее, куда ей столько воды, а она мнѣ и говоритъ: — «Я тебѣ скажу, только ты молчи: завтра утромъ, какъ только уйдетъ отецъ на охоту, я вскипячу въ котлѣ воду, брошу туда Найденыша и стану его варить».

Услыхавъ эти слова Найденышъ, горько заплакалъ, а Машенька и говоритъ ему:

— Не плачь, встанемъ поскорѣй, одѣнемся и уйдемъ изъ дому.

Такъ и сдѣлали. А кухарка ужъ поставила воду кипятить. Когда вода закипѣла, она пошла въ дѣтскую, чтобы взять Найденыша и бросить его въ котелъ. Подошла къ постелямъ, смотритъ, а тамъ никого нѣтъ. Испугалась кухарка и думаетъ:

«Что я теперь скажу лѣснику, когда онъ придетъ домой и увидитъ, что дѣтей нѣтъ? Нужно скорѣй ихъ отыскать».

И послала кухарка за дѣтьми трехъ слугъ; а дѣти въ это время сидѣли возлѣ самаго лѣса. Увидали они, что за ними бѣгутъ, Машенька и говоритъ Найденышу:

— Если ты меня не покинешь, то и я тебя не покину.

— Никогда я тебя не покину, — отвѣчаетъ ей Найденышъ.

— Ну, такъ слушай, что я придумала, — сказала Машенька: — ты будешь розовымъ кустикомъ, а я — розой.

Подбѣжали слуги къ лѣсу и видятъ, что дѣтей здѣсь нѣтъ, а растетъ только розовый кустикъ, и на немъ одна розочка.

— Ну, здѣсь намъ нечего дѣлать, — проговорили они, пошли къ кухаркѣ и сказали ей, что дѣтей не нашли, а видѣли только одинъ розовый кустикъ, а на немъ розочку. Принялась ихъ старая кухарка бранить:

— Ахъ, вы, простофили этакіе, да вы бы разрѣзали кустъ пополамъ, сорвали бы съ него розочку и принесли все домой; бѣгите скорѣй и сдѣлайте такъ, какъ я вамъ говорю.

Слуги побѣжали, но дѣти издали увидали ихъ. Машенька опять сказала Найденышу:

— Если ты меня не покинешь, и я тебя не покину.

— Никогда я тебя не покину,—отвѣчалъ ей Найденышъ.

— Ну, такъ слушай: ты сдѣлайся церковью, а я буду въ ней вѣнцомъ.

Когда пришли слуги, они ничего не нашли, кромѣ церкви и вѣнца въ ней.

— Пойдемте домой, намъ здѣсь нечего дѣлать,— сказали они и опять вернулись домой.

Кухарка стала спрашивать ихъ, нашли ли они дѣтей.

— Мы ничего не нашли, — отвѣчали они, — мы видѣли только церковь, а въ той церкви вѣнецъ.

— Ахъ, вы дураки,—закричала на нихъ кухарка,—что же вы церковь-то не сломали и вѣнецъ домой не принесли?

И она сама пустилась съ ними разыскивать дѣтей. Но дѣти издали увидали троихъ слугъ и кухарку, которая едва поспѣвала за ними. И сказала Машенька Найденышу:

— Если ты меня не покинешь, то и я тебя не покину.

— Я никогда не покину тебя,—отвѣчалъ ей Найденышъ.

— Такъ обратись скорѣй въ прудъ, а я по тому пруду поплыву уточкой,—сказала Машенька.

Въ это время подошла кухарка; она увидала прудъ, нагнулась къ нему и принялась пить изъ

него воду. Въ эту самую минуту приплыла къ ней уточка, схватила ее своимъ клювомъ за голову и потащила ее въ воду; такъ и потонула тамъ злая кухарка. А дѣти пошли себѣ домой и очень обрадовались, когда увидали тамъ своего отца, который вернулся съ охоты. Они разсказали ему все, что съ ними случилось, и съ тѣхъ поръ всѣ трое зажили припѣваючи.

Снѣгурка.

Дѣло было зимой, когда съ неба, словно перья, летѣли на землю снѣжные хлопья; и вотъ разъ сидитъ себѣ царица у окна, — а рама-то у окна изъ чернаго дерева — и вышиваетъ въ пяльцахъ.

Сидитъ она, шьетъ и поглядываетъ на снѣгъ, да вдругъ нечаянно какъ уколетъ себѣ палецъ; показалась изъ него алая кровь, и три капли ея упали прямо на снѣгъ. И такъ красивъ былъ алый цвѣтъ съ бѣлымъ, что царица подумала:

«Вотъ если бы у меня родился ребенокъ, бѣлый, какъ снѣгъ, румяный, какъ кровь, и съ черными, какъ черное дерево, волосами».

Недолго спустя у нея и впрямь родилась дочка бѣлолицая, точно снѣгъ, румяная, какъ кровь, и съ черными, какъ черное дерево, волосами, и назвали ее за это Снѣгуркой. А сама царица, какъ только родила дѣвочку, сейчасъ же умерла.

Прошелъ годъ и царь взялъ себѣ другую жену. Что и говорить, красавица была новая царица, да ужъ очень горда и высокомѣрна — не могла стерпѣть, если кто-нибудь былъ красивѣе ея. У царицы было волшебное зеркальце; подойдетъ она къ нему и спроситъ:

Свѣтъ, мой, зеркальце, скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.

А оно ей въ отвѣтъ:

Ты, конечно, спору нѣтъ,
Ты, царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.

Ну она и успокоится, потому что знала, что зеркальце не скажетъ неправды.

А Снѣгурка тѣмъ временемъ растетъ, да подрастаетъ, и что ни день, то становится все краше да краше; а когда ей минуло семь лѣтъ, она стала такъ хороша, словно красный день, даже лучше самой царицы.

И вотъ, однажды та опять спрашиваетъ свое зеркальце:

„Свѣтъ, мой, зеркальце, скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?

А оно ей въ отвѣтъ:

„Ты прекрасна, спору нѣтъ,
Но царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе“.

Испугалась царица, даже вся пожелтѣла и позеленѣла отъ злости, и съ этой минуты, какъ увидитъ она Снѣгурочку, такъ сердце у нея и упадетъ,—до того возненавидѣла она дѣвочку. И зависть съ высокомѣріемъ день ото дня все разрастались въ ея сердцѣ, точно сорная трава, и не было ей покоя ни днемъ ни ночью. Вотъ и позвала она къ себѣ охотника и сказала:

— Отнеси дѣвочку въ лѣсъ, не хочу, чтобъ она больше попадалась мнѣ на глаза! Убей ее, а въ знакъ того, что выполнилъ приказаніе, принеси мнѣ ея печень да легкія.

Охотникъ послушался, отвелъ дѣвочку въ лѣсъ и хотѣлъ убить ее, но она какъ заплачетъ, какъ взмолится:

— Милый охотничекъ, не убивай меня: я убѣгу въ дремучій лѣсъ и никогда-то никогда не вернусь домой.

Дѣвочка была такъ хороша, что ему стало жаль ее, и онъ сказалъ:

— Ну, Богъ съ тобой, бѣдное дитятко, ступай себѣ. А про себя подумалъ: «Скоро тебя, сердечную, дикіе звѣри разорвутъ»... И все-таки у него съ души точно камень свалился, потому что не ему приходилось убивать ребенка. А навстрѣчу ему какъ разъ въ это время выбѣжалъ молодой вепрь; онъ закололъ его, вынулъ печень и легкія и отнесъ ихъ царицѣ, какъ доказательство, что ея приказаніе исполнено. Злая женщина велѣла повару отварить ихъ въ соленой водѣ и съѣла вмѣсто Снѣгуркиной печени и легкаго.

А бѣдная дѣвочка осталась одна-одинехонька въ дремучемъ лѣсу; ей стало такъ страшно, такъ страшно, что она даже у древесной листвы какъ бы искала защиты. А потомъ какъ пустится бѣжать по острымъ камнямъ и тернистымъ кустамъ, и дикіе звѣри попадались ей навстрѣчу, но не трогали ея. И бѣжала она, пока несли ноги и не стало вечерѣть; тутъ она увидала избушку и вошла въ нее, чтобы отдохнуть. А въ избушкѣ-то все было крохотное-крохотное, но такое чистенькое да миленькое, что просто и сказать нельзя. Посрединѣ стоялъ столикъ, покрытый бѣлой скатертью, а на немъ семь маленькихъ тарелочекъ; у каждой тарелочки лежало по ложечкѣ, ножичку и вилочкѣ, а рядомъ съ ними стояло по стаканчику. Вдоль стѣнъ, рядышкомъ, было семь кроватокъ съ бѣлоснѣжными простынками. Снѣгурка была очень голодна, но не хотѣла никого обидѣть и съѣсть все съ одной тарелки, а потому съ каждой она взяла понемногу овощей, отщипнула понемногу хлѣба и выпила изъ каждаго стаканчика по нѣскольку капель вина. Потомъ, такъ какъ она очень устала, ей захотѣлось лечь въ одну изъ кроватокъ, но ни одна изъ нихъ не подходила ей по росту — то мала, то велика; наконецъ седьмая оказалась какъ разъ по ней и она, помолясь Богу, улеглась въ нее и заснула.

Когда совсѣмъ стемнѣло, вернулись хозяева избушки, семь карликовъ, что раскапывали горы, отыскивая въ нихъ руду; зажгли они свои семь свѣчечекъ и, когда въ горницѣ стало совсѣмъ свѣтло, замѣтили, что кто-то безъ нихъ въ ней

побывалъ — не все было въ прежнемъ порядкѣ. И первый сказалъ:

— Кто это сидѣлъ на моемъ стулѣ?

Второй:

— А кто кушалъ съ моей тарелки?

Третій:

— Кто же отщипнулъ отъ моего хлѣба?

Четвертый:

— А кто пробовалъ мои овощи?

Пятый:

— Кто бралъ моей вилочкой?

Шестой:

— Кто рѣзалъ моимъ ножичкомъ?

Седьмой:

— А кто пилъ изъ моего стаканчика?

Потомъ первый изъ нихъ оглянулся по сторонамъ и увидалъ, что его постелька немного смята, и сказалъ:

— А кто ложился въ мою постелку?

Тогда и другіе подбѣжали къ своимъ кроваткамъ и заговорили:

— И въ моей кто-то лежалъ.

— И въ моей тоже.

Седьмой же карликъ увидалъ въ своей постелькѣ спящую Снѣгурку и подозвалъ остальныхъ, а тѣ только ахнули отъ удивленія, притащили свои свѣчечки и стали разсматривать Снѣгурку.

— Господи, ты Боже мой, какъ хороша эта дѣвочка! — говорили они и такъ радовались на нее, что не стали даже и будить, а оставили спать въ кроваткѣ. Седьмой карликъ спалъ по очереди у

каждаго изъ товарищей по часу; такъ и прошла вся ночь.

Когда настало утро, Снѣгурка проснулась и, увидавъ карликовъ, ужасно испугалась. Но они ласково спросили ее:

— Какъ тебя зовутъ?

— Снѣгуркой! — отвѣтила она.

— А какъ ты попала къ намъ въ избушку? — допрашивали они ее дальше.

Она разсказала имъ, какъ мачеха хотѣла ее погубить, да охотникъ сжалился надъ ней и оставилъ ей жизнь; какъ она цѣлый день все бѣжала да бѣжала по лѣсу и какъ наконецъ наткнулась на ихъ избушку.

Тогда карлики сказали:

— Если хочешь вести наше хозяйство, стряпать и дѣлать постельки, стирать, шить и вязать и все держать въ чистотѣ и порядкѣ, то оставайся у насъ, и не будетъ тебѣ ни въ чемъ отказу.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — сказала Снѣгурочка и осталась у нихъ жить и стала заправлять всѣмъ хозяйствомъ.

Карлики утромъ уходили въ горы, чтобы разыскивать руду и золото, а вечеромъ возвращались домой, и къ ихъ приходу кушанье уже стояло на столѣ. Цѣлый день дѣвочка оставалась въ избушкѣ одна, а потому добряки-карлики предупреждали ее:

— Смотри, Снѣгурка, берегись мачехи: она скорехонько провѣдаетъ гдѣ ты. Никому безъ насъ не отпирай дверей.

А царица, покушавъ, какъ думала, легкаго и печени Снѣгурки, вообразила, что опять въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ никого красивѣе ея, подошла къ зеркалу и спросила:

Я ль скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?

А зеркало ей въ отвѣтъ:

Ты прекрасна, нѣту спору,
Но, пройдя седьмую гору,
Въ лѣсъ дремучій ты зайдешь,
И царевну тамъ найдешь.
Съ ней семь карликовъ живутъ,
Ту царевну берегутъ.
Та царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ пригожѣй и добрѣе.

Тутъ царица испугалась, потому что знала, что зеркальце не говоритъ неправды, и поняла, что охотникъ обманулъ ее и Снѣгурочка еще жива. Снова стала ее мучить зависть, что не она самая красивая во всей странѣ, и стала она обдумывать, какъ бы сгубить дѣвочку. Придумавъ какъ быть, она вымазала себѣ лицо, перерядилась старой торговкой, сдѣлалась совсѣмъ неузнаваемой и отправилась черезъ семь горъ къ семи карликамъ. Постучавъ въ двери, она стала выкрикивать:

— Хорошій товаръ, дешево, дешево!

Снѣгурочка взглянула въ окошко и сказала:

— Здравствуй, бабушка, что продаешь?

— Хорошій товаръ, красивый товаръ, — отвѣтила царица. — Шнурки да тесемки всѣхъ цвѣтовъ, — и протянула дѣвочкѣ пестрый шелковый шнурокъ.

«Добрую старушку не бѣда и въ домъ пустить», подумала Снѣгурка, отперла дверь и купила у нея шелковую тесьму.

— Какъ ты нехорошо одѣта, дитятко, — сказала старуха. — Дай-ка, я тебя хорошенько затяну.

Снѣгурка, не думая ни о чемъ дурномъ, позволила ей зашнуровать себя новой тесьмой, а старуха такъ быстро и такъ туго затянула ее, что у Снѣгурки духъ захватило, и она, словно мертвая, повалилась наземь.

— Вотъ тебѣ и самая красивая на свѣтѣ, — сказала старуха и поспѣшила убраться во-свояси.

Вскорѣ затѣмъ, подъ вечеръ, вернулись домой семеро карликовъ, и какъ увидали они свою дорогую Снѣгурку на полу, страшно перепугались; а она лежитъ недвижимая, не шевельнется, словно мертвая. Подняли они ее и увидали, что ужъ очень она перетянута, разрѣзали шнуровку и понемножку она стала дышать и мало-по-малу вновь ожила. А карлики, узнавъ, какъ было дѣло, сказали:

— Это безбожная царица переодѣлась старой торговкой; берегись ея и впередъ безъ насъ ни души не впускай.

А царица, вернувшись домой, спросила зеркальце:

Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?

А зеркальце въ отвѣтъ:

Ты прекрасна, нѣту спору,
Но, пройдя седьмую гору,
Въ лѣсъ дремучій ты зайдешь
И царевну тамъ найдешь.

Съ ней семь карликовъ живутъ,
Ту царевну берегутъ.
Та царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ пригожѣй и добрѣе.

Услыхавъ, что Снѣгурка опять ожила, злая царица такъ испугалась, что вся кровь прилила ей къ сердцу.

— Ну, подожди ты у меня, я теперь придумаю что-нибудь такое, отчего ты непремѣнно умрешь! — сказала она и принялась за колдовство.

Долго ли, коротко ли она колдовала, но приготовила отравленный гребень, а потомъ переодѣлась другой старухой и отправилась за семь горъ къ семи карликамъ, постучала къ нимъ въ двери и стала кричать:

— Товаръ хорошій, дешево, дешево!

Снѣгурка выглянула въ окошко и сказала:

— Ступай себѣ мимо, мнѣ не велѣно никого впускать.

— Ну, хорошо, ты только погляди, что у меня, — отвѣтила старая и протянула дѣвочкѣ отравленный гребень. А гребень такъ приглянулся Снѣгуркѣ, что она послушалась старушечьихъ уговоровъ и отперла двери.

Продавъ гребень, старуха сказала:

— А теперь, дѣточка, дай-ка, я тебя хорошенько причешу.

И опять бѣдной Снѣгуркѣ и въ голову не пришло ничего дурного, и она позволила старухѣ дѣлать съ собой все, что она хочетъ. Но только что та

провела гребнемъ по ея волосамъ, какъ ядъ началъ дѣйствовать, и дѣвочка лишилась чувствъ.

— Вотъ теперь-то ты попалась, чудо красоты! — сказала злющая старуха и ушла.

Но, къ счастью, вечеръ былъ близко, и вскорѣ вернулись семь карликовъ. Увидавъ Снѣгурку замертво лежащею на полу, они сейчасъ же догадались, что это дѣло рукъ мачехи, и стали искать, что она надѣла на дѣвочку; нашли ядовитый гребень и только что вытащили его изъ волосъ Снѣгурки, какъ она очнулась и разсказала имъ все, какъ было. Карлики опять стали остерегать ее и приказали никому безъ себя не отпирать дверей.

А царица, придя домой, спросила зеркальце:

Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ пригожѣй и бѣлѣе?

А зеркало отвѣтило:

Ты прекрасна, нѣту спору,
Но, пройдя седьмую гору,
Въ лѣсъ дремучій ты зайдешь
И царевну тамъ найдешь.
Съ ней семь карликовъ живутъ,
Ту царевну берегутъ.
Та царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ пригожѣй и добрѣе.

Услыхавъ эти рѣчи, царица вся задрожала, затряслась отъ злости.

— Уморю Снѣгурку, если даже и самой придется за это погибнуть! — закричала она и отправилась въ уединенную, невѣдомую никому коморку и стала готовить тамъ ядовитое-преядовитое яблоко. Снаружи-

то оно было чудо какъ хорошо, бѣлое да румяное, такъ что кто ни взглянетъ на него, у всякаго слюнки потекутъ; но зато кто хоть кусочекъ откуситъ, тотъ тотчасъ же умретъ. Приготовивъ яблоко, она раскрасила себѣ лицо, переодѣлась крестьянкой и отправилась за семь горъ къ семи карликамъ. На ея стукъ Снѣгурка высунула голову въ окошечко и сказала:

— Я не смѣю никого впускать, семь карликовъ мнѣ запретили.

— А по мнѣ и не пускай, — отвѣтила крестьянка, — яблоки-то свои я все одно сбуду съ рукъ, а себѣ вотъ возьми одно въ подарочекъ.

— Нѣтъ, — отвѣтила Снѣгурка, — я не смѣю ничего принимать.

— Ужъ не боишься ли ты отравы? — спросила старуха. — Такъ смотри же, я его разрѣжу пополамъ: красную половину кушай ты, а бѣлую я сама съѣмъ.

А яблоко было такъ искусно приготовлено, что отравлена была одна только румяная половина. Соблазнило Снѣгурку красное яблоко и, увидавъ, какъ крестьянка ѣстъ его, она не могла устоять, протянула руку и взяла отравленную половину. Но едва она успѣла откусить кусочекъ, какъ замертво грохнулась на землю. Царица посмотрѣла на нее злющими-презлющими глазами, расхохоталась и сказала:

— Что, бѣлая, какъ снѣгъ, румяная, какъ кровь, чернокудрая, какъ черное дерево, встанешь ли теперь?

И, придя домой, стала спрашивать зеркальце:

Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?

И зеркальце отвѣтило:

Ты, конечно, спору нѣтъ;
Ты, царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.

И успокоилось ее завистливое сердце, насколько оно, конечно, могло быть спокойно.

А карлики, вернувшись домой, нашли бездыханную Снѣгурку на полу — она была мертва. Подняли они ее, стали искать, нѣтъ ли на ней чего ядовитаго, распустили шнуровку, расчесали волосы, умыли водой и виномъ — все напрасно: дорогое ихъ дитятко не пришло въ себя. Тогда они положили ее на носилки, всѣ семеро окружили ихъ и стали оплакивать дѣвочку, да такъ и проплакали три дня и три ночи подъ рядъ. Потомъ они собрались ее похоронить, да она выглядѣла такой свѣженькой, а щеки у нея были такія румяныя, точно у живого человѣка. И они сказали:

— Не можемъ мы ее закопать въ сырую землю, — и заказали прозрачный стеклянный гробъ, такъ что со всѣхъ сторонъ можно было видѣть, что въ немъ; уложили въ него Снѣгурку, а на крышкѣ золотыми буквами написали ея имя и что она—царская дочь.

И снесли они гробъ на высокую гору и стали по очереди всегда караулить его. Птицы прилетали и тоже оплакивали Снѣгурку: сначала сова, потомъ воронъ, а подъ конецъ и голубка.

Долго-долго пролежала Снѣгурка въ гробу и нисколько не измѣнилась, а все оставалась румяной, какъ кровь, бѣлой, какъ снѣгъ, и чернокудрой, какъ

черное дерево. И вотъ, однажды, пріѣзжаетъ въ этотъ лѣсъ царскій сынъ и просится у карликовъ переночевать въ ихъ избушкѣ. На утро увидалъ онъ на горѣ стеклянный гробъ, прочелъ на немъ золотую надпись и говоритъ карликамъ:

— Отдайте мнѣ гробъ, я заплачу вамъ за него все, что хотите.

Но карлики отвѣтили:

— Не продадимъ мы гроба ни за какія сокровища міра.

Тогда царевичъ сказалъ:

— Такъ подарите его мнѣ, потому что я не могу жить безъ Снѣгурки... И будетъ она у меня въ почетѣ да въ чести, какъ самое дорогое для меня на свѣтѣ.

И когда онъ сказалъ это, добрымъ карликамъ стало его жалко и они отдали ему гробъ, а царскій сынъ приказалъ своимъ слугамъ нести его на плечахъ.

Случилось такъ, что слуги дорогой споткнулись о кусты и встряхнули гробъ, отъ сотрясенія отравленный кусокъ яблока, что откусила Снѣгурка, выскочилъ у нея изъ горла. И вотъ, спустя минуту, она открыла глаза, понемногу ожила, приподняла крышку гроба и встала.

— Господи, да гдѣ же я? — воскликнула она.

— Ты у меня, — отвѣтилъ обрадованный царевичъ и разсказалъ ей, что и какъ съ ней было, а потомъ прибавилъ: — Снѣгурка, ты для меня дороже всего на свѣтѣ; пойдемъ со мной во дворецъ моего батюшки и будь моей супругой.

Полюбила царевича Снѣгурка и пошла за нимъ во дворецъ. А скоро назначили и свадьбу.

На пиръ позвали и безбожную мачеху Снѣгурки. Нарядившись въ чудныя, богатыя платья, она подошла къ зеркальцу и спросила:

Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?

А зеркальце ей въ отвѣтъ:

Спору нѣту, ты прелестна,
Но царевна всѣмъ извѣстна
Красотою неземной!
Знай, невѣста всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.

Тутъ злобная женщина разразилась проклятіями, и ей стало такъ страшно, такъ страшно, что она не знала, что и дѣлать. Сначала она хотѣла было не пойти на свадьбу, но никакъ не могла успокоиться, не увидавъ молодой царевны. А войдя на пиръ, она узнала Снѣгурку и со страха и перепуга такъ и замерла на мѣстѣ и не могла пошевельнуться. Для нея же заранѣе приготовили желѣзныя туфли и поставили ихъ на горячіе угли. Когда онѣ накалились докрасна, ихъ схватили щипцами и притащили царицѣ. И пришлось злой царицѣ надѣть раскаленныя туфли и до тѣхъ поръ танцовать въ нихъ, пока она замертво не свалилась на полъ.

Одноглазка, двухглазка и трехглазка.

У одной женщины были три дочери, изъ которыхъ старшую звали Одноглазкой, потому что у нея былъ всего только одинъ-единственный глазъ посреди лба, вторую — Двухглазкой, потому что у нея было два глаза, какъ и у всѣхъ людей, а третью, т.-е. младшую, — Трехглазкой, потому что у нея было три глаза, при чемъ третій глазъ у нея тоже помѣщался посреди лба. Мать и сестры терпѣть не могли Двухглазку за то, что она ничѣмъ не отличалась отъ всѣхъ остальныхъ людей, и разъ сказали ей:

— Ты со своими двумя глазами ничѣмъ не отличаешься отъ обыкновенныхъ людей, мы не хотимъ тебя знать, ты не изъ нашей семьи!

Онѣ стали дурно обращаться съ ней, помыкали ею, заставляли ее носить свои старыя платья, кор-

мили ее только объѣдками, которые у нихъ оставались послѣ обѣда, и вообще старались дѣлать ей непріятности при каждомъ удобномъ случаѣ.

Разъ сестры послали Двухглазку на цѣлый день на пастбище стеречь козу, но, посылая ее на цѣлый день, ни сестры ни мать не только не дали ей съ собой хотя бы хлѣба, но даже и не кормили какъ слѣдуетъ за завтракомъ и бѣдняжка вышла изъ дому совсѣмъ голодной.

И вотъ Двухглазка, выйдя въ поле, присѣла на бугорокъ и принялась горько плакать, слезы ручьемъ потекли у нея изъ глазъ. Въ это время передъ плачущей дѣвушкой вдругъ появилась неизвѣстная ей женщина, которая спросила ее:

— Двухглазка, о чемъ ты такъ плачешь?

Двухглазка отвѣтила:

— Какъ же мнѣ не плакать: сестры и мать ненавидятъ меня только потому, что у меня два глаза, какъ и у всѣхъ людей... Онѣ на всѣ лады стараются мучить меня, заставляютъ меня носить лохмотья, кормятъ только объѣдками, а сегодня такъ я и совсѣмъ почти ничего не ѣла и страшно голодна.

Неизвѣстная женщина (это была фея), выслушавъ жалобы дѣвушки, сказала ей:

— Стоитъ ли плакать объ этомъ, Двухглазка: я сейчасъ научу тебя, что нужно дѣлать, чтобы больше не голодать. Какъ только тебѣ захочется ѣсть, ты скажи своей козѣ:

Козочка, мекеке,
Столикъ накрывайся!

И передъ тобой въ ту же минуту появится накрытый столъ, а на немъ самыя лучшія кушанья, которыя ты можешь ѣсть, сколько тебѣ будетъ угодно; затѣмъ, когда ты наѣшься и столикъ тебѣ уже больше не будетъ нуженъ, тебѣ стоитъ только сказать:

Козочка мекеке,
Столикъ, убирайся!

и онъ тотчасъ же исчезнетъ съ твоихъ глазъ.

Затѣмъ фея ушла, а Двухглазка, оставшись одна, рѣшила сейчасъ же узнать поскорѣй, вѣрно ли то, что ей обѣщала фея, тѣмъ болѣе, что она была очень голодна. И вотъ, дѣвушка робкимъ голосомъ сказала:

Козочка, мекеке,
Столикъ, накрывайся!

Какъ только произнесла она эти слова, передъ ней сейчасъ же появился покрытый бѣлой скатертью столикъ, на которомъ, кромѣ тарелки, ножа, вилки и ложки, стояли самыя лучшія кушанья, притомъ совсѣмъ горячія, какъ если бы ихъ только сейчасъ подали изъ кухни.

Двухглазка прочла молитву и съ аппетитомъ принялась уписывать за обѣ щеки; затѣмъ, наѣвшись, она опять сказала, какъ ее научила фея:

Козочка, мекеке,
Столикъ, убирайся!

Въ ту же минуту и столикъ и все, что на немъ было, исчезло.

Вечеромъ, когда Двухглазка пригнала свою козу домой, она даже и не дотронулась до глиняной

мисочки съ ѣдой, которую сунули ей сестры, а на слѣдующій день она опять ушла со своей козой и оставила нетронутыми два кусочка хлѣба, которые онѣ ей бросили.

Въ первый и во второй разъ сестры не обратили на это никакого вниманія; но такъ какъ это стало повторяться каждый разъ, то онѣ это замѣтили и сказали:

— Двухглазка что-то хитритъ; она теперь даже и смотрѣть не хочетъ на то, что мы даемъ ей ѣсть, а раньше съ жадностью хватала даже черствыя корки хлѣба... она, должно-быть, нашла способъ кормиться какъ-нибудь иначе.

Желая узнать правду, мать и сестры рѣшили, что Одноглазка отправится вмѣстѣ съ Двухглазкой, когда та погонитъ козу на пастбище, и будетъ слѣдить, не принесетъ ли кто Двухглазкѣ ѣсть и пить.

И вотъ, когда Двухглазка опять погнала козу, къ ней подошла Одноглазка и сказала:

— Я тоже пойду съ тобой посмотрѣть, хорошо ли ты стережешь козу и гоняешь ли туда, гдѣ больше корму.

Но Двухглазка сразу догадалась, для чего Одноглазка пришла вмѣстѣ съ ней, загнала козу въ высокую траву и, обращаясь къ сестрѣ, сказала:

— Пойдемъ, Одноглазка, сядемъ гдѣ-нибудь и я спою тебѣ пѣсню.

Утомленная непривычной ходьбой и солнечной жарой, Одноглазка въ изнеможеніи сейчасъ же опустилась на траву, а Двухглазка принялась пѣть:

Одноглазка, спи!
Сестра моя, спи!

Одноглазка закрыла свой единственный глазъ и заснула.

Двухглазка только и ждала этого; теперь ей нечего было уже больше бояться Одноглазки, и она смѣло могла сказать обычное:

Козочка, мекеке,
Столикъ, накрывайся!

Затѣмъ она усѣлась за свой столикъ, наѣлась и напилась досыта, а потомъ опять сказала:

Козочка, мекеке,
Столикъ, убирайся!

И все исчезло.

Послѣ обѣда Двухглазка разбудила сестру.

— Вставай, Одноглазка, вставай!.. Хорошо же ты пасешь козу, этакъ она у тебя, если бы меня не было здѣсь, забѣжала бы Богъ знаетъ куда! Пойдемъ-ка лучше домой.

И онѣ пошли домой.

Двухглазка опять даже и не притронулась къ оставленной для нея пищѣ, а Одноглазка не могла объяснить матери, почему именно она ничего не ѣстъ, и сказала:

— Я заснула въ полѣ.

На слѣдующій день мать сказала Трехглазкѣ:

— Теперь ступай ты съ ней и хорошенько замѣть, что именно ѣстъ тамъ Двухглазка и кто приноситъ ей пищу, потому что не можетъ же она оставаться безъ ѣды.

Трехглазка подошла къ Двухглазкѣ и сказала:

— Сегодня я пойду съ тобой и посмотрю, хорошо ли ты пасешь козу и гоняешь ли ее туда, куда слѣдуетъ.

Двухглазка хорошо знала, чего именно хочетъ добиться Трехглазка; она загнала козу въ высокую траву и затѣмъ сказала сестрѣ:

— А мы съ тобой, Трехглазка, сядемъ вонъ тамъ и я спою тебѣ пѣсню.

Трехглазка сѣла отдохнуть, ее тоже утомила ходьба и солнечный жаръ, а Двухглазка опять принялась за прежнюю пѣсенку и сначала запѣла:

Трехглазка, спи!
Сестра моя, усни!

Но затѣмъ по разсѣянности вмѣсто этого начала пѣть:

Двухглазка спи!
Сестра моя спи!

У Трехглазки закрылись два глаза и заснули, а третій глазъ, къ которому Двухглазка не обращалась въ своей пѣсенкѣ, не уснулъ, но хитрая Трехглазка прищурила и его, какъ будто и онъ заснулъ, а сама, между тѣмъ, отлично видѣла все, что дѣлалось кругомъ. Между тѣмъ, Двухглазкѣ показалось, что Трехглазка спитъ крѣпко, и она проговорила свою обычную фразу:

Козочка, мекеке!
Столикъ, накрывайся

поѣла и попила всласть, а потомъ приказала столику опять убираться:

Козочка, мекеке!
Столикъ, убирайся!

Трехглазка все это отлично видѣла. А Двухглазка послѣ обѣда подошла къ ней и, разбудивъ ее, сказала:

— Эй, Трехглазка, вставай! Ты тоже заснула! Хорошо же ты стережешь козу!.. Ну, да вставай же, пойдемъ домой.

Двухглазка опять ничего не стала ѣсть, а Трехглазка сказала матери:

— Теперь я знаю, почему она ничего не ѣстъ!.. Она, какъ только выберется въ поле, то говоритъ козѣ:

Козочка, мекеке!
Столикъ, накрывайся!

и передъ ней появляется столикъ, установленный самыми лучшими кушаньями, гораздо лучше, чѣмъ у насъ; а затѣмъ, когда она наѣстся, она приказываетъ все той же козѣ:

Козочка, мекеке!
Столикъ, убирайся!

и въ ту же минуту все исчезаетъ. Я все это отлично видѣла. Она, правда, сумѣла усыпить у меня два глаза, но забыла про третій глазъ во лбу, и этимъ-то глазомъ я все и видѣла.

Мать страшно разсердилась и сказала:

— А, такъ ты вонъ что задумала! Ты хочешь ѣсть лучше насъ! Нѣтъ, сударыня, этого больше не будетъ!

И она заколола козу.

Двухглазка съ горя ушла въ поле, опять сѣла на бугорокъ и стала плакать горькими слезами. Спустя

немного времени, опять явилась волшебница и спросила:

— Двухглазка, о чемъ это ты плачешь?

— Какъ же мнѣ не плакать, — отвѣчала дѣвушка: — моя мать заколола сегодня козу, которая кормила и поила меня все это время; теперь мнѣ, бѣдной, опять придется умирать съ голоду.

Волшебница въ отвѣтъ на это сказала ей:

— Двухглазка, я дамъ тебѣ хорошій совѣтъ: попроси своихъ сестеръ, чтобы онѣ дали тебѣ требуху убитой козы и зарой ее на дворѣ передъ дверью.... Если ты сдѣлаешь это, ты будешь счастлива.

Затѣмъ волшебница исчезла, а Двухглазка пошла домой и сказала сестрамъ:

— Милыя мои сестрицы, дайте мнѣ хоть что-нибудь отъ моей козы!.. Я немного прошу у васъ, дайте мнѣ всего только одну требуху!..

Сестры засмѣялись и сказали ей:

— Это-то мы дадимъ тебѣ съ удовольствіемъ.

Двухглазка взяла требуху и вечеромъ, когда всѣ легли спать, зарыла требуху на дворѣ, какъ разъ передъ дверью.

На другой день, утромъ, мать и сестры увидѣли передъ дверью великолѣпное дерево, у котораго были серебряные листья, а между ними висѣли золотыя яблоки; лучше этого не могло быть ничего на свѣтѣ. Но ни мать ни сестры не знали, какимъ образомъ могло вырасти въ одну ночь такое дерево; одна только Двухглазка знала это, потому что дерево стояло какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она зарыла

накануне требуху. Мать, полюбовавшись на дерево, сказала Одноглазкѣ:

— Взлѣзь на дерево, дитя мое, и оборви всѣ яблоки.

Одноглазка полѣзла на дерево, но каждый разъ, какъ только она хотѣла сорвать одно изъ яблокъ, вѣтка выскользала у нея изъ рукъ, и ей такъ и не удалось сорвать ни одного золотого яблока, сколько она ни старалась.

Мать, видя это, сказала старшей дочери:

— Трехглазка, взлѣзь-ка на дерево, ты своими тремя глазами видишь лучше, чѣмъ Одноглазка.

Одноглазка соскочила на землю, а Трехглазка полѣзла на дерево; но и Трехглазка оказалась не счастливѣе своей сестры и могла только любоваться золотыми яблочками, а сорвать ей тоже не удалось ни одного. Мать вышла изъ терпѣнія и сама полѣзла на дерево, но и ее постигла та же участь, какъ и Одноглазку и Трехглазку.

Тутъ Двухглазка сказала матери:

— Я тоже хочу попытать счастья, можетъ, мнѣ и удастся сорвать хоть одно яблоко.

Сестры крикнули было ей:

— Тебѣ-то еще чего нужно съ твоими двумя глазами?

Но Двухглазка полѣзла на дерево, и золотыя яблоки, къ удивленію матери и сестеръ, не только не отдалялись отъ нея, а казалось, будто сами лѣзли къ ней въ руки, такъ что, когда она слѣзла съ дерева, у ней былъ цѣлый фартукъ яблокъ. Мать взяла у нея яблоки, а сестры, вмѣсто того, что-

бы за это лучше обращаться съ бѣдной Двухглазкой, стали только завидовать тому, что она одна могла рвать яблоки, и относились къ ней еще хуже.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда онѣ всѣ вмѣстѣ стояли у дерева, мимо проѣзжалъ молодой рыцарь.

— Ну, Двухглазка, — крикнули ей сестры, — залѣзай скорѣй подъ эту кадку, чтобы намъ не пришлось тебя стыдиться, — и изо всей силы толкнули Двухглазку подъ пустую кадку, стоявшую около дерева, и подпихнули туда же и золотыя яблоки, которыя она нарвала.

Рыцарь, подъѣхавъ ближе, залюбовался чуднымъ деревомъ съ серебряными листьями и золотыми яблоками и сказалъ сестрамъ Двухглазки:

— Кому принадлежитъ это прекрасное дерево? Ахъ, если бы мнѣ дали хоть одну вѣточку съ этого чуднаго дерева, я отдалъ бы за нее все, что ни потребовали бы съ меня за это!

Одноглазка и Трехглазка отвѣтили, что дерево принадлежитъ имъ, и онѣ съ удовольствіемъ готовы исполнить его просьбу и отломить вѣтку. Но сколько ни старались обѣ сестры, имъ такъ и не удалось отломить вѣтку, потому что вѣтки и яблоки каждый разъ отодвигались отъ нихъ.

Рыцарь, глядя на нихъ, сказалъ:

— Какъ это странно!... Вы увѣряете меня, что это ваше дерево, а, между тѣмъ, вы не можете ни сорвать яблока ни отломить вѣтку!

Сестры продолжали увѣрять его, что это ихъ дерево. Въ это время Двухглазка выкатила изъ-подъ

кадки нѣсколько штукъ золотыхъ яблокъ, которыя покатились къ ногамъ всадника, — она разсердилась на то, что Одноглазка и Трехглазка говорили неправду.

Рыцарь, увидя золотыя яблоки, съ удивленіемъ спросилъ сестеръ, откуда взялись эти яблоки. Одно-

глазка и Трехглазка отвѣчали, что у нихъ есть еще сестра, которая не смѣетъ показаться, потому что у нея только два глаза, какъ и у всѣхъ людей. Рыцарь захотѣлъ ее видѣть и крикнулъ:

— Двухглазка, выходи!

Двухглазка смѣло вылѣзла изъ-подъ кадки, и рыцарь, которому очень понравилась красивая, молодая дѣвушка, сказалъ ей:

— Ты, Двухглазка, навѣрно можешь отломить мнѣ вѣтку отъ дерева?

— Да, — отвѣчала Двухглазка, — я могу это сдѣлать, потому что это — мое дерево.

Затѣмъ она взлѣзла на дерево и безъ всякаго труда отломила вѣтку съ серебряными листьями и золотыми яблоками, которую и подала рыцарю.

Тутъ рыцарь сказалъ:

— Двухглазка, чего ты хочешь отъ меня за эту вѣтку?

— Ахъ, — отвѣчала Двухглазка, — я терплю много горя и голодаю по цѣлымъ днямъ!.. Если вы хотите меня осчастливить, возьмите меня съ собой и избавьте меня отъ горя и нужды!

Рыцарь посадилъ Двухглазку на свою лошадь и отвезъ ее въ свой замокъ. Здѣсь ее сначала передѣли въ нарядное платье, а потомъ вволю напоили и накормили, а такъ какъ она очень понравилась рыцарю, онъ рѣшилъ жениться на ней и отпраздновалъ пышную свадьбу.

Послѣ того, какъ рыцарь увезъ съ собой Двухглазку, сестры сначала завидовали ей, а потомъ въ утѣшеніе себѣ стали говорить:

— Зато намъ осталось это чудное дерево, и хоть мы и не можемъ рвать съ него яблокъ, все-таки каждый будетъ передъ нимъ останавливаться, заходить къ намъ и всюду разсказывать о немъ; кто

знаетъ, можетъ-быть, и насъ ждетъ такое же счастье, какъ Двухглазку.

Но на слѣдующее же утро дерево исчезло, а вмѣстѣ съ нимъ улетѣли и всѣ надежды сестеръ, а когда Двухглазка выглянула утромъ изъ своей комнаты, то увидѣла, къ великой своей радости, дерево, которое стояло у нея противъ окна и, такимъ образомъ, какъ будто послѣдовало за ней.

Двухглазка долгое время жила счастливо. И вотъ однажды въ ея замокъ пришли двѣ бѣдныя женщины и стали просить милостыню. Двухглазка подошла къ нищенкамъ поближе и съ удивленіемъ узнала въ нихъ своихъ сестеръ — Одноглазку и Трехглазку, которыя обѣднѣли до такой степени, что пошли по міру и подъ окнами выпрашивали себѣ подаяніе.

Двухглазка точно забыла все, что ей сдѣлали дурного ея сестры, взяла ихъ къ себѣ въ замокъ и окружила ихъ попеченіями. Тутъ только Одноглазка и Трехглазка поняли, какъ несправедливо онѣ поступали съ сестрой, и отъ чистаго сердца раскаялись.

Необыкновенная птица.

Давно, очень давно жилъ-былъ на свѣтѣ злой волшебникъ; онъ принималъ на себя образъ нищаго, ходилъ изъ дома въ домъ, собиралъ милостыню и при этомъ похищалъ красивыхъ дѣвушекъ. Никто не могъ сказать, куда онъ ихъ уносилъ, потому что съ той поры дѣвушки нигдѣ уже больше не показывались. Вотъ однажды онъ подошелъ къ дому одного человѣка, у котораго было три очень красивыхъ дочери; хитрый волшебникъ притворился жалкимъ, больнымъ нищимъ; на спинѣ у него была большая корзина, въ которую онъ будто бы собиралъ милостыню. Нищій просилъ чего-нибудь поѣсть, и когда старшая дочь вышла и протянула ему кусокъ хлѣба, онъ дотронулся до нея, и бѣдная дѣвушка въ ту же минуту очутилась въ его корзинѣ. Тогда онъ быстро удалился и понесъ ее въ дремучій лѣсъ, посреди котораго стоялъ его домъ. Домъ у него былъ большой, всего въ немъ было вдоволь. Волшебникъ далъ дѣвушкѣ все, чего только она пожелала, и сказалъ ей:

— Сокровище мое, тебѣ хорошо будетъ у меня; чего бы ты ни захотѣла, все явится къ твоимъ услугамъ.

А черезъ два дня онъ сказалъ:

— Я долженъ ненадолго уѣхать и оставить тебя одну; даю тебѣ ключи отъ всего дома; ты можешь

всюду ходить и все осматривать, только не ходи въ ту комнату, которая отпирается вотъ этимъ ключикомъ: подъ страхомъ смерти запрещаю тебѣ это.

Затѣмъ онъ далъ ей яйцо и сказалъ:

— Береги это яйцо и лучше всегда носи его при себѣ, потому что произойдетъ большое несчастье, если оно потеряется.

Дѣвушка взяла и ключи и яйцо и обѣщала исполнить его приказаніе. Когда волшебникъ уѣхалъ, она обошла весь домъ съ верху до низу и осмотрѣла все: комнаты сверкали золотомъ и серебромъ, всюду была такая роскошь, какой дѣвушка никогда еще не видала. Наконецъ она подошла къ запретной двери, хотѣла пройти мимо, но любопытство остановило ее. Она осмотрѣла ключикъ, — онъ былъ такой же, какъ и всѣ остальные, — воткнула его въ замочную скважину, слегка повернула, и дверь распахнулась. Что же увидала она, войдя въ эту таинственную комнату? Посреди нея стоялъ большой тазъ, а въ немъ лежали изрубленныя въ куски тѣла людей; возлѣ таза стоялъ обрубокъ дерева, и на немъ лежалъ блестящій топоръ. У дѣвушки со страху выскользнуло изъ рукъ яйцо и упало прямо въ тазъ. Она достала его оттуда и принялась стирать кровь, но напрасно: кровь снова появлялась на яйцѣ, и что она ни дѣлала, какъ ни терла ни мыла яйцо, ничто не помогало.

Скоро вернулся домой волшебникъ и прежде всего потребовалъ ключикъ и яйцо. Дрожащими руками подала она ему и то и другое, и по кровавымъ пятнамъ онъ сейчасъ же узналъ, что дѣвушка ходила въ запретную комнату.

— Ты противъ моей воли была въ этой горницѣ, — сказалъ онъ, — и за это пойдешь опять туда же, но уже противъ своей воли: твоя жизнь кончена.

Съ этими словами онъ отсѣкъ ей голову на обрубкѣ дерева, изрубилъ ея тѣло на мелкіе куски и бросилъ ихъ въ тазъ.

— Теперь пойду за другой дочерью, — сказалъ волшебникъ и, принявъ на себя образъ нищаго, отправился къ тому же дому и сталъ просить милостыню. Вторая дочь вынесла ему кусокъ хлѣба, и онъ похитилъ ее такъ же, какъ и первую. Съ дѣвушкой случилось то же самое, что и съ ея сестрой. Мучимая любопытствомъ, она отперла запрещенную комнату и за это поплатилась своей жизнью.

Тогда волшебникъ отправился за третьей дочерью, но она оказалась умнѣе и хитрѣе своихъ сестеръ. Получивъ ключи и яйцо и проводивъ волшебника, она сначала спрятала яйцо, затѣмъ осмотрѣла весь домъ и тогда уже отперла запретную горницу. Ахъ, что она тамъ увидала! Ея милыя сестры лежали въ тазу, изрубленныя въ куски. Не долго думая, смѣлая дѣвушка сложила разрозненныя части вмѣстѣ, и руки, и ноги, и туловища, приставила къ нимъ головы, и лишь только она это сдѣлала, члены начали двигаться, обѣ дѣвушки открыли глаза и ожили. Сколько было радости, какъ обнимались и цѣловались сестры!

Вскорѣ вернулся волшебникъ и потребовалъ ключи и яйцо. Не найдя на яйцѣ кровавыхъ пятенъ, онъ сказалъ:

— Ты выдержала испытаніе, ты и будешь моей невѣстой.

Съ этой минуты онъ не имѣлъ больше надъ нею никакой власти и долженъ былъ исполнять всѣ ея приказанія.

— Хорошо, — сказала она, — сперва ты наполнишь золотомъ свою корзину и отнесешь ее самъ на своей спинѣ моимъ родителямъ, а я тѣмъ временемъ приготовлю здѣсь все къ свадьбѣ.

Съ этими словами она подбѣжала къ своимъ сестрамъ, которыхъ спрятала въ чуланчикъ, и сказала имъ:

— Пришло время, когда я могу васъ спасти; злодѣй самъ отнесетъ васъ домой; только смотрите, сейчасъ же высылайте мнѣ оттуда помощь.

Она сама посадила ихъ въ корзину, засыпала сверху золотомъ такъ, что ихъ совсѣмъ не было видно, позвала волшебника и сказала:

— Ну, теперь можешь нести корзину; только смотри, дорогой не останавливайся, не отдыхай, я буду слѣдить за тобой изъ моего окошечка.

Волшебникъ взвалилъ корзину на спину и пошелъ. Но корзина была такъ тяжела, что съ него потъ градомъ катился. Присѣлъ было онъ отдохнуть на камешкѣ, но тутъ же одна изъ сестеръ закричала ему изъ корзины:

— Я смотрю вѣ окошко и вижу, что ты отдыхаешь, иди же скорѣй дальше.

Онъ думалъ, что это невѣста кричитъ ему, и пошелъ дальше. Еще разъ хотѣлъ было отдохнуть и опять услышалъ голосъ:

— Я смотрю въ окошко и вижу, что ты отдыхаешь, иди же скорѣй дальше.

И сколько разъ ни останавливался, все слышитъ тѣ же самыя слова. Наконецъ, усталый, едва дыша, дотащилъ онъ корзину съ золотомъ и двумя дочерьми до дома ихъ родителей.

А въ это время его невѣста готовила свадебный пиръ и пригласила на него друзей волшебника. Потомъ взяла черепъ съ оскаленными зубами, надѣла на него платокъ, украсила вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и выставила его въ окошко на чердакѣ. Когда все это было сдѣлано, она залѣзла въ бочку съ медомъ, распорола перину и вывалялась въ перьяхъ такъ, что стала похожа скорѣй на птицу, и никто бы не могъ ее признать. Потомъ вышла изъ дому и дорогой встрѣтила нѣкоторыхъ изъ свадебныхъ гостей; тѣ съ изумленіемъ смотрѣли на необыкновенную птицу и спрашивали:

— Ты откуда взялась, удивительная птица?

— Я вышла изъ чудеснаго дома, — отвѣчала она.

— А невѣста молодая что подѣлываетъ тамъ?

— Она прибирала домъ, и сейчасъ, смотрите, глядитъ изъ окошка въ полномъ нарядѣ.

Наконецъ, встрѣтила она и жениха, который медленно возвращался домой. Онъ также спросилъ ее:

— Ты откуда взялась, удивительная птица?

— Я вышла изъ чудеснаго дома, — отвѣчала она ему.

— А невѣста молодая что подѣлываетъ тамъ?

— Она прибирала домъ и сейчасъ, смотри, глядитъ изъ окошка въ полномъ нарядѣ.

Волшебникъ поднялъ голову и увидѣлъ въ окнѣ чердака наряженный черепъ. Онъ подумалъ, что это его невѣста, и сталъ ей привѣтливо кланяться. Но

когда онъ со своими гостями вошелъ въ домъ, туда же явились и братья и родственники невѣсты, которыхъ родители прислали къ ней на помощь. Они заперли въ домѣ всѣ двери такъ, чтобы никто не могъ изъ него выйти и подожгли его со всѣхъ сторонъ. Такъ волшебникъ и всѣ его гости должны были погибнуть въ огнѣ.

Іоринда и Іорингель.

Среди самой чащи громаднаго лѣса стоялъ нѣкогда большой старинный замокъ; въ замкѣ жила старая колдунья. Днемъ она превращалась въ кошку или въ сову, а съ наступленіемъ ночи принимала опять человѣческій образъ. Она приманивала дичь и птицъ, — а затѣмъ убивала ихъ и съѣдала ихъ вареными или жареными. Если какой-нибудь любопытный прохожій осмѣливался приблизиться къ замку на сто шаговъ, онъ сейчасъ же останавливался и не могъ тронуться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока колдунья его не освобождала; но если въ этотъ заколдованный кругъ попадала молодая дѣвушка, колдунья превращала ее въ птицу, сажала въ клѣтку и относила въ замокъ, гдѣ въ одной изъ самыхъ большихъ комнатъ

у нея было уже семь тысячъ клѣтокъ съ такими же диковинными птичками.

Недалеко отъ замка колдуньи жила молодая дѣвушка, по имени Іоринда, которая считалась самой красивой изъ всѣхъ дѣвушекъ въ окрестности. Іоринда была помолвлена тоже за очень красиваго юношу, котораго звали Іорингель. Жениху и невѣстѣ доставляло большое удовольствіе гулять однимъ, особенно же любили они гулять по лѣсу, среди котораго стоялъ замокъ колдуньи. И вотъ, разъ, когда они гуляли передъ вечеромъ по лѣсу, освѣщенному косыми лучами заходящаго солнца, и прислушивались къ жалобному воркованью горлицы, сидѣвшей на старомъ букѣ, незамѣтно для себя подошли слишкомъ близко къ заколдованному мѣсту. Іорингель сказалъ своей невѣстѣ:

— Іоринда, не подходи слишкомъ близко къ замку!

Іоринда въ этотъ вечеръ была что-то очень грустна и то и дѣло вздыхала и плакала; Іорингель тоже былъ очень скученъ. Глядя на нихъ, нельзя было подумать, что это женихъ съ невѣстой, а скорѣе приговоренные къ смерти. Наконецъ они забрели въ такую чащу, что и сами не знали, какъ изъ нея выбраться и найти дорогу домой.

Косые лучи заходящаго солнца едва проникали подъ зеленый сводъ листьевъ, и вотъ при этомъ-то тускломъ свѣтѣ Іорингель вдругъ увидѣлъ невдалекѣ отъ себя полуразвалившуюся стѣну замка колдуньи и страшно испугался. Въ это время Іоринда вдругъ начала пѣть.

Іорингель съ удивленіемъ обернулся въ ту сторону, гдѣ стояла его невѣста, но вмѣсто Іоринды онъ увидѣлъ соловья, который затѣмъ и началъ пѣть. Большая сова, съ горящими глазами три раза облетѣла вокругъ него и три раза прокричала свое зловѣщее: „у! у! у!“

Іорингель не могъ тронуться съ мѣста, онъ стоялъ, какъ окаменѣлый, не могъ ни плакать ни говорить, не могъ даже пошевелить ни рукой ни ногой. Наконецъ солнце зашло, сова влетѣла въ средину куста, и вслѣдъ затѣмъ изъ куста вышла худая горбатая старуха съ желтымъ морщинистымъ лицомъ и большими красными глазами, а ея длинный горбатый носъ доходилъ ей почти до самаго подбородка. Колдунья, бормоча про себя какое-то заклинанье, поймала соловья и унесла его въ рукѣ.

Іорингель не могъ сказать ни одного слова, не могъ сдвинуться съ мѣста. Соловей исчезъ.

Спустя немного времени старуха вернулась назадъ и сказала хриплымъ голосомъ·

— Привѣтствую тебя, Цахіель!.. Солнце уже скрылось и свѣтитъ мѣсяцъ, отпусти его!

Въ ту же минуту Іорингель почувствовалъ себя свободнымъ и, опустившись передъ старухой на колѣни, сталъ просить ее, чтобы она отдала ему Іоринду; но старуха со смѣхомъ сказала ему, что онъ больше уже никогда не увидитъ своей невѣсты, и ушла. Іорингель кричалъ, плакалъ, просилъ, но все напрасно.

Долго простоялъ такъ Іорингель, наконецъ побрелъ въ ближайшую деревню, гдѣ нанялся пасти

овецъ. Со своимъ стадомъ онъ часто бродилъ вокругъ замка, но больше уже никогда не осмѣливался близко подходить къ нему.

Прошло нѣсколько дней. Однажды ночью увидѣлъ онъ во снѣ, будто нашелъ красный, какъ кровь, цвѣтокъ, въ срединѣ котораго лежала большая красивая жемчужина. Іорингель сорвалъ цвѣтокъ и пошелъ съ нимъ къ замку и тамъ все, къ чему онъ ни прикасался цвѣткомъ, сейчасъ же освобождалось отъ колдовства. И, такимъ образомъ, снилось Іорингелю, ему удалось освободить и свою Іоринду.

Проснувшись на другой день утромъ, Іорингель отправился искать такой цвѣтокъ, какой онъ видѣлъ во снѣ; цѣлыхъ восемь дней бродилъ онъ по горамъ и доламъ и наконецъ, на девятый день, утромъ нашелъ красный, какъ кровь, цвѣтокъ. Внутри этого цвѣтка оказалась большая капля росы, величиной съ самую крупную жемчужину. Іорингель сорвалъ цвѣтокъ и, бережно неся его въ рукѣ, направился къ замку, куда онъ шелъ день и цѣлую ночь.

Цвѣтокъ и въ самомъ дѣлѣ оказался чудеснымъ: юноша не превратился въ истукана, перейдя заколдованный кругъ, и смѣло пошелъ къ воротамъ. Здѣсь онъ дотронулся до воротъ цвѣткомъ и они сами собой раскрылись. Іорингель вошелъ во дворъ и, остановившись, сталъ слушать, откуда несется щебетанье птичекъ. Затѣмъ онъ смѣло пошелъ въ большую залу, гдѣ въ это время старая колдунья кормила птицъ, сидѣвшихъ въ семи тысячахъ клѣтокъ. Увидѣвъ Іорингеля, старуха страшно разозлилась, принялась бранить его и гнать прочь, но она не могла

подойти къ нему ближе, какъ на два шага. Іорингель даже не обратилъ на нее вниманія и принялся осматривать клѣтки съ птицами; но у старухи однихъ соловьевъ было нѣсколько сотъ штукъ, такъ что

бѣдный юноша и придумать не могъ, какъ отыскать ему свою Іоринду.

Переходя отъ одной клѣтки къ другой и осматривая птицъ, онъ вдругъ видитъ, что старуха поти-

хоньку беретъ одну клѣтку съ птицей и идетъ съ ней къ двери. Іорингель подскочилъ къ старухѣ, прикоснулся цвѣткомъ сначала къ клѣткѣ, а затѣмъ къ ней самой. Чары колдуньи вдругъ утратили свою силу, и передъ Іорингелемъ снова стояла Іоринда, такая же прекрасная, какъ и прежде. Іорингель обратилъ тогда и всѣхъ остальныхъ птицъ въ молодыхъ дѣвушекъ, а потомъ пошелъ домой вмѣстѣ съ Іориндой. Скоро потомъ они сыграли свадьбу и счастливо прожили всю свою жизнь.

Храбрый портняжка.

Въ жаркій лѣтній день сидѣлъ портняжка на своемъ столѣ у окошка, въ самомъ хорошемъ настроеніи духа и прилежно работалъ. Какъ разъ въ это время шла по улицѣ баба и кричала:

— Сливы вареныя, хорошія сливы вареныя!

Этотъ крикъ пришелся по сердцу портняжкѣ; онъ высунулъ изъ окна свою маленькую голову и закричалъ:

— Сюда, тетка, иди, сюда, здѣсь покупатель есть!

Баба поднялась со своимъ тяжелымъ коробомъ по тремъ лѣстницамъ и выставила передъ портняжкой всѣ горшки съ вареными сливами. Онъ осмотрѣлъ ихъ всѣ, совалъ въ каждый горшокъ свой носъ и наконецъ сказалъ:

— А вкусны, должно-быть, эти сливы. Отвѣсь-ка ихъ мнѣ, тетушка, лота четыре, а то и всю четверть фунта.

Баба, разсчитывавшая сбыть товару изрядное количество, отвѣсила ему, сколько онъ требовалъ, но ушла отъ него очень недовольная и сердитая.

— Ну вотъ, теперь мы поѣдимъ и силы подкрѣпимъ, — весело воскликнулъ портняжка и, отрѣзавъ себѣ огромный ломоть хлѣба, намазалъ на него вареныхъ сливъ.—Это будетъ не дурно,—сказалъ онъ,— только я сперва жилетъ дошью, а потомъ ужъ примусь и за ѣду.

Ломоть хлѣба онъ положилъ возлѣ себя, а самъ принялся за шитье и сталъ дѣлать стежки все больше и больше. Между тѣмъ, запахъ сладкаго куска приманилъ мухъ, которыя сидѣли на стѣнѣ, и онѣ слетѣлись на него во множествѣ.

— Вы зачѣмъ? Кто васъ сюда звалъ?!—воскликнулъ портняжка и принялся отгонять непрошенныхъ гостей.

Но мухи, не понимая его языка, не слушались и продолжали слетаться на кусокъ. Не вытерпѣвъ, портняжка схватилъ тряпку да какъ закричитъ:

— Вотъ я вамъ задамъ! — и со всего размаха ударилъ тряпкой по куску.

— И что же? передъ нимъ ни больше ни меньше какъ семь мухъ лежали убитыя съ вытянутыми ножками.

— Вотъ я какой,—сказалъ онъ и самъ подивился своей храбрости; — объ этомъ долженъ узнать весь городъ.

Наскоро выкроилъ себѣ портняжка поясъ и вышилъ на немъ большими буквами:

«Однимъ разомъ семерыхъ убиваетъ».

— Да что городъ, — продолжалъ онъ далѣе, — весь свѣтъ долженъ узнать объ этомъ!

И его сердце радостно забилось.

Опоясался портной своимъ поясомъ и рѣшилъ пуститься по бѣлому свѣту, потому что его мастерская показалась слишкомъ маленькой для его удали. Но прежде чѣмъ отправиться, онъ сталъ искать, по всему дому не найдется ли чего, что бы онъ могъ взять съ собой въ дорогу. Ничего не нашлось, кромѣ куска стараго сыра, который онъ и захватилъ съ собой. Возлѣ воротъ увидѣлъ онъ птицу, которая запуталась въ кустарникѣ, посадилъ и ее въ карманъ къ сыру. Тогда уже храбро пустился онъ въ путь, а такъ какъ онъ былъ ловокъ и проворенъ, то и не чувствовалъ никакой усталости. Дорога привела его на гору; достигнувъ самой высокой ея вершины, увидѣлъ онъ передъ собой великана, который посиживалъ себѣ да посматривалъ кругомъ. Портняжка направился прямо къ нему.

— Здравствуй, товарищъ! Что это ты тутъ сидишь, да на бѣлый свѣтъ поглядываешь? Вотъ я рѣшилъ по свѣту постранствовать, не хочешь ли мнѣ компанію составить?

Великанъ презрительно посмотрѣлъ на портняжку и сказалъ:

— Ахъ ты, ничтожное созданье!

— Погоди, — отвѣчалъ портной и, разстегнувъ верхнюю одежду, показалъ великану поясъ: — вотъ прочти, что я за человѣкъ!

Великанъ прочелъ: «Однимъ разомъ семерыхъ убиваетъ», подумалъ, что это говорится про людей,

которыхъ портной убилъ, и почувствовалъ къ нему нѣкоторое уваженіе. Однако, ему хотѣлось сперва испытать его силу: взялъ онъ въ руки камень и такъ крѣпко сжалъ его, что изъ камня вода потекла.

— Ну вотъ, коли у тебя есть сила, попробуй сдѣлать то же самое! — сказалъ великанъ.

— Только-то? — сказалъ портняжка. — Да это пустяки!

Съ этими словами онъ вытащилъ изъ кармана сыръ и стиснулъ его такъ, что изъ него полился сокъ.

— Что, это немного получше будетъ?

Великанъ не зналъ, что и говорить, и не могъ повѣрить, чтобы маленькій портняжка могъ это сдѣлать. Тогда онъ поднялъ камень и бросилъ его вверхъ съ такой силой, что камень пропалъ изъ виду.

— Ну-ка, малышъ, сдѣлай такъ! — сказалъ онъ.

— Хорошо брошено, — сказалъ портной, — только твой камень опять на землю упалъ, а я брошу такъ, что онъ на землю не упадетъ.

Положилъ портняжка руку въ карманъ, вынулъ оттуда птицу и пустилъ ее въ воздухъ. Птица отъ радости, что вырвалась на свободу, полетѣла высоко-высоко и не вернулась больше.

— Что, товарищъ, какъ тебѣ это нравится? — спросилъ портной.

— Бросать-то ты умѣешь, — замѣтилъ великанъ, — а вотъ посмотримъ, можешь ли ты носить что-нибудь тяжелое.

Подвелъ онъ портняжку къ большому срубленному дубу, который лежалъ на землѣ, и сказалъ:

— Если ты силенъ, помоги мнѣ вынести это дерево изъ лѣсу.

— Хорошо,—сказалъ портняжка,—только ты неси стволъ, а я потащу сучья и вѣтви — они, вѣдь, тяжелѣе ствола.

Великанъ взвалилъ на свои плечи стволъ, а портной усѣлся на одну изъ вѣтвей; такимъ образомъ, великанъ, который не могъ оглянуться назадъ, долженъ былъ нести на себѣ все дерево да еще портняжку. А портняжка полеживалъ себѣ на вѣткѣ да насвистывалъ веселую пѣсенку. Великанъ, протащивъ нѣкоторое разстояніе страшную тяжесть, выбился изъ силъ и сказалъ:

— Слушай, я брошу дерево.

Портной сейчасъ же спрыгнулъ съ вѣтки, схватилъ дерево обѣими руками, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ несъ его, и сказалъ великану:

— Эхъ ты, такой большой, а дерева не можешь донести!

Пошли они дальше вмѣстѣ. Проходя мимо вишневаго дерева, великанъ схватилъ его верхушку, на которой было множество спѣлыхъ ягодъ, и далъ ее въ руки портному. У портняжки, конечно, не хватило силы, чтобы удержать дерево, и вотъ, когда великанъ выпустилъ изъ своихъ рукъ верхушку, она поднялась кверху, а вмѣстѣ съ ней и портной взлетѣлъ на воздухъ. Когда онъ спрыгнулъ на землю, великанъ спросилъ его:

— Что же это такое? Неужели ты не можешь удержать въ рукахъ эти вѣтки?

— Удержать-то я могу, — отвѣчалъ портняжка, — развѣ это что-нибудь значитъ для того, кто за одинъ разъ семерыхъ убиваетъ! Я прыгнулъ черезъ дерево потому, что охотники внизу подъ деревомъ въ кусты стрѣляли. Вотъ попробуй-ка, прыгни такъ!

Великанъ попробовалъ, но перепрыгнуть черезъ дерево не могъ и повисъ на вѣтвяхъ его, такъ что и тутъ портняжка одержалъ надъ нимъ верхъ.

Великанъ сказалъ:

— Ужъ если ты такой храбрецъ, такъ пойдемъ со мной въ нашу пещеру и переночуй у насъ.

Портняжка согласился и пошелъ съ нимъ. Пришли они въ пещеру, а тамъ возлѣ огня сидѣли другіе великаны, и каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ жареную овцу, которую и уплеталъ за обѣ щеки. Портняжка осмотрѣлся кругомъ и подумалъ:

«А здѣсь попросторнѣе будетъ, чѣмъ въ моей мастерской».

Великанъ указалъ ему на кровать и велѣлъ ложиться спать. Но портняжкѣ кровать была слишкомъ велика, поэтому онъ не легъ на нее, а забился въ уголъ. Наступила полночь. Великанъ думалъ, что портняжка крѣпко спитъ, поднялся со своей кровати, взялъ огромный желѣзный ломъ и перешибъ кровать однимъ ударомъ; онъ думалъ что изъ этого малыша и духъ вышибъ. На другой день рано утромъ отправились великаны въ лѣсъ и совсѣмъ забыли о портняжкѣ, а онъ какъ выскочитъ изъ угла! Испугались великаны, подумали, что онъ ихъ всѣхъ перебьетъ, и пустились бѣжать.

А портняжка пошелъ себѣ дальше, куда глаза глядятъ. Пройдя довольно долгое время, пришелъ онъ, наконецъ, во дворъ королевскаго дворца и, почувствовавъ усталость, легъ на траву и заснулъ. Во время сна подошли къ нему королевскіе слуги, осмотрѣли его со всѣхъ сторонъ и прочитали на поясѣ надпись: «однимъ разомъ семерыхъ убиваетъ».

— Зачѣмъ же этотъ богатырь пришелъ сюда въ мирное время? — подивились они и пошли сказать объ этомъ королю, при чемъ посовѣтовали ему удержать этого храбреца, потому что въ случаѣ войны онъ можетъ быть очень полезенъ.

Королю понравился этотъ совѣтъ, и онъ послалъ одного изъ своихъ придворныхъ къ портняжкѣ, чтобы тотъ предложилъ ему поступить на службу въ королевское войско. Посланный приблизился къ спящему, подождалъ, пока тотъ проснулся, и передалъ ему предложеніе короля.

— Именно для этого-то я и пришелъ сюда, — сказалъ портняжка, — я готовъ поступить на службу къ королю.

Его сейчасъ же приняли съ почестями на службу и отвели ему особое помѣщеніе.

Всѣ королевскіе воины были недовольны поступленіемъ на службу портного и отъ души желали, чтобы онъ провалился куда-нибудь.

— Что же это такое будетъ, — говорили они между собою, — вѣдь если мы поссоримся съ нимъ, и онъ бросится на насъ, такъ отъ одного его удара сразу семерыхъ не будетъ.

И порѣшили они пойти всѣмъ вмѣстѣ къ королю и просить у него объ отставкѣ.

— Мы не можемъ равняться съ такимъ храбрецомъ, который однимъ разомъ семерыхъ убиваетъ.

Королю не хотѣлось изъ-за одного человѣка лишиться всѣхъ своихъ вѣрныхъ слугъ, и онъ сталъ подумывать, какъ бы ему избавиться отъ этого молодца, но прямо онъ не рѣшился дать ему отставку: боялся, что тотъ убьетъ его, перебьетъ все его войско и, пожалуй, сядетъ на его престолъ. Долго думалъ король и наконецъ придумалъ, какъ ему поступить. Послалъ онъ сказать портняжкѣ слѣдующее:

— Ужъ если ты такой храбрый воинъ, такъ сдѣлай, что я тебѣ предложу: въ одномъ большомъ лѣсу въ моемъ царствѣ живутъ два великана, которые много зла причиняютъ своими убійствами, поджогами и грабежами. Никто не можетъ приблизиться къ нимъ, не подвергая свою жизнь опасности. Если ты убьешь этихъ великановъ, я выдамъ за тебя свою единственную дочь и дамъ за ней въ приданое полцарства; съ тобой вмѣстѣ отправятся сто всадниковъ, которые будутъ тебѣ во всемъ помогать.

«Прекрасная королева и полцарства — это недурно для такого молодца, какъ я», подумалъ портняжка и сказалъ посланному:

— Съ великанами я живо управлюсь, а всадниковъ мнѣ не нужно; кто однимъ разомъ семерыхъ убиваетъ, тому не страшны двое!

Отправился портняжка, а сто всадниковъ послѣдовали за нимъ. Подойдя къ опушкѣ лѣса, онъ сказалъ своимъ провожатымъ:

— Останьтесь здѣсь, съ великанами я управлюсь и одинъ.

Вошелъ въ лѣсъ и сталъ кругомъ осматриваться. Вскорѣ завидѣлъ онъ обоихъ великановъ: они спали подъ деревомъ и такъ храпѣли, что даже вѣтки качались. Портняжка, не долго думая, набралъ полный карманъ камней и залѣзъ на верхушку дерева. Усѣвшись на вѣтку, какъ разъ надъ спящими великанами, онъ началъ бросать камень за камнемъ на грудь одному изъ нихъ. Долго великанъ ничего не слыхалъ, наконецъ проснулся, толкнулъ своего товарища и сказалъ:

— Ты что меня бьешь?

— Это тебѣ во снѣ приснилось,—отвѣчалъ тотъ,— я не билъ тебя.

И они снова легли спать. А портняжка принялся бросать камни въ другого великана.

— Что это значитъ,—закричалъ тотъ на товарища,—зачѣмъ ты въ меня камнями бросаешь?

— Да я и не думаю бросать,—отвѣчалъ первый великанъ и началъ ворчать.

Побранились они между собою, но такъ какъ были утомлены, то скоро смолкли и опять уснули. А портняжка опять за свое: выбралъ камень потяжелѣе да и бросилъ его на грудь первому великану.

— Ну, это ужъ слишкомъ,—закричалъ тотъ, вскочилъ, какъ сумасшедшій, и такъ толкнулъ своего товарища о дерево, что дерево затряслось.

Тотъ въ долгу не остался, и они пришли въ такую ярость, что начали вырывать деревья съ корнями, и колотить ими другъ друга до тѣхъ поръ,

пока оба не пали мертвые. Тогда и портняжка спрыгнулъ внизъ.

— Еще хорошо, — сказалъ онъ, — что они не вырвали того дерева, на которомъ я сидѣлъ, а то пришлось бы мнѣ, какъ бѣлкѣ, на другое перепрыгивать.

Съ этими словами онъ вынулъ свой мечъ и нанесъ каждому изъ великановъ по два удара въ грудь. Потомъ вышелъ изъ лѣса и сказалъ всадникамъ:

— Дѣло кончено, я положилъ на мѣстѣ обоихъ великановъ. А жаркая была битва! Они отбивались деревьями, которыя вырывали съ корнемъ, да ничего

не могли подѣлать со мной, потому что я однимъ разомъ семерыхъ убиваю.

— Не ранены ли вы?—спросили всадники.

— О,—о! Они на мнѣ даже ни одного волоска не тронули,—отвѣчалъ портной.

Всадники не хотѣли ему вѣрить и поѣхали въ лѣсъ: тамъ нашли они мертвыхъ великановъ, а кругомъ нихъ лежали вывороченныя съ корнемъ деревья.

Портняжка пришелъ къ королю и потребовалъ отъ него исполненія обѣщанія, а король уже успѣлъ раскаяться въ своихъ словахъ и снова сталъ придумывать, какъ бы ему избавиться отъ этого молодца.

— Прежде, чѣмъ ты женишься на моей дочери и получишь за нею полцарства,—сказалъ онъ ему,—ты долженъ совершить еще одинъ подвигъ. Въ лѣсу живетъ единорогъ, который причиняетъ намъ много зла. Ты долженъ его поймать.

— Единорога я боюсь еще меньше, чѣмъ двухъ великановъ!—сказалъ портняжка и, захвативъ съ собой топоръ и веревку, отправился въ лѣсъ.

Недолго пришлось ему искать, вскорѣ увидѣлъ онъ единорога, который устремился на него...

— Постой, постой, нельзя же такъ скоро,—сказалъ портняжка, и, лишь только животное приблизилось къ нему, онъ проворно спрятался за дерево. Единорогъ изо всей силы ткнулся въ дерево и такъ крѣпко всадилъ свой рогъ въ стволъ, что не могъ его сразу вытащить.

— Ну, теперь попался,—сказалъ портной, и, подойдя къ единорогу, обвязалъ вокругъ его шеи

веревку, вырубилъ топоромъ его рогъ изъ ствола и привелъ его къ королю.

Но король все еще не хотѣлъ дать ему обѣщанную награду и потребовалъ новаго подвига. Портной долженъ былъ до свадьбы поймать дикаго кабана, который приносилъ много вреда; королевскіе охотники должны были ему помочь въ этомъ.

— Это для меня пустяки, — сказалъ портной и отправился въ лѣсъ; онъ даже не взялъ съ собой охотниковъ, которые были этому очень рады, потому что кабанъ столько разъ заставлялъ ихъ дрожать отъ страха, что у нихъ пропала всякая охота гоняться за нимъ.

Когда кабанъ увидѣлъ портного, то устремился на него, намѣреваясь поддѣть его на клыки и бросить на землю; но храбрецъ вскочилъ въ избушку, стоявшую поблизости, а оттуда выскочилъ въ окошко. Кабанъ бросился за нимъ, а тотъ обѣжалъ кругомъ избушки и захлопнулъ ея дверь. Разъяренный звѣрь попался такимъ образомъ, въ ловушку, потому что, благодаря своей толщинѣ, не могъ выпрыгнуть въ окошко.

Портняжка призвалъ охотниковъ, и они собственными глазами увидали пойманнаго кабана; а самъ удалецъ отправился къ королю, который волей-неволей долженъ былъ, наконецъ, исполнить свое обѣщаніе и отдать ему въ жены единственную дочь и полцарства въ приданое.

Что бы сказалъ онъ, если бы зналъ, что передъ нимъ не богатырь, а простой портной! Но что бы тамъ ни было, свадьба была сыграна съ большимъ великолѣпіемъ, и простой портняжка сталъ королемъ.

Прошло нѣкоторое время. Вдругъ ночью молодая королева слышитъ, какъ ея мужъ говоритъ во снѣ:

— Эй, молодецъ, сшей мнѣ жилетъ да зачини штаны, а то угощу аршиномъ.

Догадалась тутъ королева, откуда ея мужъ родомъ, пожаловалась на слѣдующее утро отцу и стала просить его, чтобы онъ избавилъ ее отъ мужа-портного.

Отецъ постарался утѣшить ее и сказалъ:

— Завтра ночью ты не запирай спальню; какъ только мужъ твой заснетъ, мои слуги войдутъ, свяжутъ его и отнесутъ на корабль, который увезетъ его далеко, далеко.

Королева была этимъ довольна, но оруженосецъ стараго короля, слышавшій весь этотъ разговоръ и очень любившій молодого короля, разсказалъ ему о всемъ.

— Ну, я съ ними управлюсь,—сказалъ портняжка.

Вечеромъ легъ онъ спать въ обычное время. Когда королевѣ показалось, что онъ уснулъ, она встала и отперла дверь спальни. А портняжка, который только притворился, что спитъ, какъ закричитъ громкимъ голосомъ:

— Эй, молодецъ, сшей мнѣ жилетъ и зачини штаны, а то аршиномъ угощу. Я однимъ разомъ семерыхъ убилъ, двухъ великановъ убилъ, единорога къ королю привелъ, кабана поймалъ, такъ неужто я испугаюсь тѣхъ, кто стоитъ тамъ за дверью.

Когда слуги услыхали эти слова, на нихъ напалъ такой страхъ, что они всѣ пустились бѣжать со всѣхъ ногъ, словно за ними нечистая сила гналась, и никто изъ нихъ не рѣшился напасть на него.

Такъ и остался портняжка на всю жизнь королемъ.

Чортъ-кумъ.

У одного бѣднаго человѣка было такъ много дѣтей, что онъ всѣхъ сосѣдей своихъ перезвалъ въ кумовья. Когда у него родился еще сынъ, ему уже некого было больше приглашать въ кумовья. Онъ не зналъ, что ему дѣлать, съ горя бросился на кровать и заснулъ. И привидѣлось ему во снѣ, что онъ долженъ пойти за ворота и позвать въ кумовья перваго, кто ему встрѣтится. Проснувшись, онъ поступилъ такъ, какъ ему было указано во снѣ, вышелъ за ворота и перваго, кто ему встрѣтился, позвалъ къ себѣ въ кумовья. Незнакомецъ подарилъ ему стаканчикъ съ водой и сказалъ:

— Эта вода не простая, ею ты можешь лѣчить больныхъ; только всегда смотри, гдѣ смерть стоитъ. Если она стоитъ у больного въ головахъ, то дай ему выпить этой воды, и онъ выздоровѣетъ. А если смерть стоитъ въ ногахъ, то ничего не поможетъ,—онъ умретъ.

Съ тѣхъ поръ бѣдный человѣкъ всегда могъ сказать, выздоровѣетъ больной или нѣтъ; онъ скоро прославился своимъ искуснымъ лѣченіемъ и сталъ зарабатывать много денегъ. Однажды его позвали во дворецъ къ королевскому ребенку; когда онъ пришелъ къ нему и увидалъ, что смерть стоитъ у него въ головахъ, онъ далъ ему выпить своей воды, и ребенокъ выздоровѣлъ. То же случилось и во второй разъ. А въ третій разъ смерть стояла въ ногахъ у ребенка, и онъ умеръ.

И вздумалось ему однажды провѣдать своего кума и разсказать ему, какъ удачно онъ лѣчитъ его водой. Вошелъ онъ къ куму въ домъ и видитъ: что за диво! На площадкѣ первой лѣстницы ссорятся и дерутся метла съ своей палкой.

— Гдѣ здѣсь мой кумъ живетъ? — спросилъ онъ у нихъ.

— Лѣстницей выше, — отвѣчала метла.

Взошелъ онъ на другую площадку и видитъ—лежитъ на ней многое множество отрубленныхъ пальцевъ.

— Гдѣ мой кумъ живетъ?—спросилъ онъ у нихъ.

Одинъ изъ пальцевъ отвѣчалъ ему:

— Поднимись лѣстницей выше!

На третьей лѣстницѣ лежала куча отрубленныхъ головъ, которыя указали ему на слѣдующую лѣстницу. Тамъ увидѣлъ онъ надъ огнемъ сковороду, а въ той сковородѣ рыбы подпрыгиваютъ и сами себя поджариваютъ. Онѣ также сказали ему: «лѣстницей выше». Поднялся онъ на пятую лѣстницу и очутился передъ дверью комнаты; заглянулъ въ замочную скважину и увидѣлъ своего кума съ длинными предлин-

ными рогами. Отворилъ онъ дверь, а кумъ какъ прыгнетъ въ постель и закрылся съ головой одѣяломъ.

— Что это у тебя, куманекъ, за чудеса такія въ домѣ? — сказалъ онъ ему. — Вхожу на первую лѣстницу, вижу — метла съ палкой бранятся и колотятъ другъ друга.

— Какой же ты непонятливый, — сказалъ ему кумъ, — да вѣдь это слуга да служанка разговариваютъ между собой.

— А на площадкѣ второй лѣстницы лежатъ отрубленные пальцы...

— Ахъ, какой ты глупый, да это просто хрѣнъ валяется.

— Вхожу на третью лѣстницу, вижу—цѣлая куча мертвыхъ головъ лежитъ.

— Да ты совсѣмъ дуракъ, развѣ это головы, это— кочны капусты!

— А на четвертой лѣстницѣ рыбы на сковородкѣ подпрыгиваютъ и сами себя поджариваютъ.

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ дверь отворилась, и рыбы сами внесли себя.

— А какъ поднялся я на пятую лѣстницу да заглянулъ въ замочную скважину, тутъ ужъ увидѣлъ у тебя, куманекъ, на головѣ рога, длинные, предлинные.

— Ну, это ужъ ты врешь! — закричалъ кумъ, да такъ грозно что бѣднякъ испугался и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать домой.

Хорошо, что убѣжалъ, а то еще, Богъ вѣсть, что бы ему отъ кума досталось.

Сказка о безстрашномъ добромъ молодцѣ.

У одного старика было два сына. Старшій былъ уменъ, ловокъ, на всякую работу мастеръ, а младшій былъ глупъ, безтолковъ и ничему не могъ научиться. Глядя на него, люди говорили между собою: «Много горя будетъ отцу съ такимъ сыномъ!» Всю работу приходилось дѣлать старшему. Одна бѣда, онъ былъ очень трусливъ. Если отецъ посылалъ его куда-нибудь поздно вечеромъ или ночью и если дорога шла черезъ кладбище или другое какое страшное мѣсто, онъ обыкновенно отвѣчалъ:

— Ахъ, нѣтъ, отецъ, не пойду я туда, — мнѣ страшно.

Иногда, по вечерамъ, когда всѣ усаживались возлѣ огня, и кто-нибудь разсказывалъ исторію, отъ которой подиралъ по кожѣ морозъ, слушатели восклицали: «Ахъ, какъ страшно!» Младшій сынъ, сидя въ своемъ углу, слушалъ эти слова и никакъ не могъ понять, что они значили.

— Вотъ заладили: страшно да страшно; никакъ не могу я понять, что значитъ это «страшно».

Однажды отецъ сказалъ ему:

— Слушай-ка ты тамъ, въ углу! Ты уже силенъ и крѣпокъ, пора тебѣ, наконецъ, выучиться какому-нибудь ремеслу, чтобы зарабатывать себѣ хлѣбъ. Смотри, какъ много работаетъ твой братъ.

— Ахъ, отецъ, мнѣ самому хотѣлось бы научиться чему-нибудь. Вотъ хоть бы мнѣ сперва страху научиться, а то вѣдь я совсѣмъ не умѣю бояться.

Услыхалъ эти слова старшій братъ, разсмѣялся и подумалъ:

«Господи Боже мой, ну, и глупый же у меня братъ; никакого толку изъ него не выйдетъ».

Старикъ вздохнулъ и отвѣчалъ:

— Страху-то ты научишься, только хлѣба себѣ этимъ не заработаешь.

Вскорѣ послѣ этого разговора зашелъ къ нимъ въ гости понамарь. Старикъ сталъ ему жаловаться на свою жизнь и на своего младшаго сына, который ничему не можетъ выучиться.

— Подумай только! Когда я спросилъ его, чѣмъ онъ хочетъ зарабатывать себѣ хлѣбъ, онъ вдругъ отвѣчаетъ, что хотѣлъ бы научиться страху.

— Ну, такъ этому я его живо научу, — сказалъ понамарь, — присылай его ко мнѣ; можетъ, и еще чему у меня научится.

Отецъ съ радостью согласился. Понамарь увелъ съ собой парня домой и сказалъ, что онъ будетъ звонить у него въ колокола. Черезъ два дня разбу-

дилъ онъ безстрашнаго парня въ полночь и велѣлъ взлѣзть на колокольню и звонить, а самъ думаетъ: «Ну, подожди же, узнаешь ты сегодня, что такое страхъ».

Потихоньку пробрался понамарь наверхъ, накрылся бѣлымъ одѣяломъ и притаился на лѣстницѣ. Парень взлѣзъ на колокольню и готовился уже взяться за веревку колокола, какъ вдругъ видитъ передъ собой на лѣстницѣ что-то бѣлое.

— Кто тамъ? — вскричалъ парень.

Никакого отвѣта.

— Отвѣчай же, а то уходи прочь, нечего тебѣ здѣсь дѣлать ночью.

Но понамарь стоялъ неподвижно, чтобы парень принялъ его за привидѣнье.

Еще разъ закричалъ ему парень:

— Что тебѣ нужно здѣсь, говори, если ты честный человѣкъ; не то я тебя съ лѣстницы спущу.

Понамарь подумалъ про себя: «Ну, этого-то онъ не сдѣлаетъ», и продолжалъ стоять неподвижно, словно каменный.

Въ третій разъ обратился къ нему парень и, не получивъ отвѣта, столкнулъ привидѣнье съ лѣстницы; бѣдный понамарь, пересчитавъ головой десять ступенекъ, растянулся въ углу. А парень отзвонилъ въ колоколъ, вернулся домой и, не говоря ни слова, легъ въ постель и заснулъ.

Долго ждала жена понамаря возвращенія мужа. Наконецъ ей сдѣлалось страшно, она разбудила парня, и спросила:

— Не знаешь ли ты, гдѣ мой мужъ? Онъ раньше тебя отправился на колокольню.

— Не знаю,—отвѣчалъ парень,—а вотъ на лѣстницѣ стоялъ кто-то и не хотѣлъ мнѣ отвѣчать; я принялъ его за вора и спустилъ внизъ. Поди, взгляни, можетъ-быть, это и есть понамарь.

Бросилась понамариха на колокольню и увидала въ углу мужа, который лежалъ со сломанной ногой и громко стоналъ.

Перенесла она его домой и побѣжала къ отцу парня.

— Твой сынъ сбросилъ съ лѣстницы моего мужа, такъ что онъ сломалъ себѣ ногу; возьми поскорѣй этого негодяя изъ нашего дома.

Старикъ испугался, побѣжалъ къ сыну и принялся его бранить.

— Ахъ, отецъ, выслушай меня, я совсѣмъ не виноватъ; понамарь стоялъ на лѣстницѣ ночью; я не зналъ, кто это, и три раза просилъ его отвѣтить мнѣ.

— Только одно горе съ тобой; уйди съ моихъ глазъ, я не хочу тебя больше видѣть!

— Твоя воля, отецъ; но подожди до утра, я уйду самъ и научусь страху, узнаю хоть одну науку, которая меня прокормитъ.

— Учись, чему хочешь, мнѣ все равно,—сказалъ старикъ.—Возьми пятьдесятъ рублей и иди съ ними куда знаешь; только не говори никому, чей ты сынъ, не срами меня.

Утромъ парень положилъ въ карманъ свои пятьдесятъ рублей и вышелъ на большую дорогу, говоря про себя:

— Хоть бы мнѣ страху научиться, хоть бы мнѣ понять, что такое страхъ.

Сзади его шелъ какой-то прохожій; услыхалъ онъ эти слова, подошелъ къ парню и говоритъ:

— Хочешь я тебя научу страху; видишь, вонъ тамъ висѣлица, а на ней семь разбойниковъ качаются. Садись подъ эту висѣлицу и жди ночи; вотъ и узнаешь страхъ.

Парень обрадовался и сказалъ:

— Ну, если я такъ скоро узнаю страхъ, такъ на радости отдамъ тебѣ свои пятьдесятъ рублей. Приходи сюда рано утромъ.

Съ этими словами онъ подошелъ къ висѣлицѣ, сѣлъ подъ нею и сталъ дожидаться ночи. Когда ему стало холодно, онъ разложилъ костеръ. Въ полночь поднялся холодный вѣтеръ и сталъ раскачивать трупы повѣшенныхъ.

«Ужъ если мнѣ здѣсь, у огня, холодно, — подумалъ парень, — то каково же имъ тамъ, наверху!»

Сердце у него было мягкое. Приставилъ онъ лѣстницу, снялъ съ висѣлицы всѣ семь труповъ и спустилъ ихъ на землю. Затѣмъ раздулъ огонь и разсадилъ ихъ всѣхъ кругомъ, чтобы они могли согрѣться. Трупы сидѣли, не шевелясь, между тѣмъ пламя мало-по-малу начало охватывать ихъ одежды. Парень закричалъ имъ:

— Смотрите, берегитесь огня, а то я опять васъ повѣшу!

Но мертвецы ничего не слыхали; они молчали и не обращали никакого вниманія на свои горѣвшія платья. Тутъ парень разсердился и сказалъ:

— Я не хочу съ вами горѣть, — и повѣсилъ ихъ опять на прежнее мѣсто.

Потомъ онъ подсѣлъ къ огню и заснулъ, а на слѣдующее утро пришелъ вчерашній прохожій за пятьюдесятью рублями и спросилъ:

— Ну, научился теперь страху?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ парень, — откуда мнѣ ему научиться; тѣ, что висятъ наверху, ничего со мной не говорили; они такъ глупы, что не обращали даже вниманія, когда горѣли ихъ одежды.

Увидѣлъ прохожій, что не получить ему денегъ, пошелъ прочь и замѣтилъ про себя:

— Никогда еще такого дурака не видалъ.

А парень тоже пошелъ своей дорогой и попрежнему говорилъ:

— Хоть бы когда-нибудь мнѣ страшно сдѣлалось.

Услыхалъ это извозчикъ, который ѣхалъ позади него, и спросилъ:

— Кто ты?

— Я не знаю, — отвѣчалъ парень.

— Откуда ты? — продолжалъ извозчикъ.

— Не знаю.

— Кто твой отецъ?

— Этого не могу сказать.

— Что ты говоришь себѣ подъ носъ?

— Ахъ, — сказалъ парень, — я хотѣлъ бы узнать, что такое страхъ, и никто меня этому не можетъ научить.

— Не говори глупостей, — сказалъ извозчикъ, — отправимся со мной, у меня какъ разъ найдется для тебя дѣло.

Парень отправился съ извозчикомъ. Къ вечеру пришли они на постоялый дворъ, гдѣ рѣшили переночевать. Парень и говоритъ опять:

— Ахъ, если бы мнѣ узнать, что такое страхъ!

Услыхалъ эти слова хозяинъ, разсмѣялся и говоритъ:

— Недалеко отсюда находится заколдованный замокъ; если проведешь ты въ немъ три ночи, узнаешь что такое страхъ. Король обѣщалъ свою дочь въ жены тому, кто на это отважится: въ замкѣ скрыты несмѣтныя богатства, которыя охраняются злыми духами; много добрыхъ молодцовъ пробовали пытать счастье, потому что королевна прекрасна, какъ солнце, но ни одинъ изъ нихъ не возвратился оттуда.

Услыхалъ это парень, на другой же день отправился къ королю и говоритъ ему:

— Позволь мнѣ отправиться въ заколдованный замокъ и провести тамъ три ночи.

Король поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Что жъ, ступай, ты можешь взять съ собой туда три вещи, какія самъ выберешь.

Парень выбралъ огонь, токарный станокъ и слесарныя принадлежности.

Король приказалъ все это отнести въ замокъ, а къ вечеру и парень отправился туда. Развелъ яркій огонь въ самой большой горницѣ, сѣлъ за токарный станокъ и думаетъ:

«Должно-быть, и здѣсь я не узнаю, что такое страхъ».

Около полуночи вдругъ онъ слышитъ:

— Мяу, мяу! Холодно намъ, холодно!

— Эй, вы, дурачье, — закричалъ онъ, — чего тамъ ноете: если холодно, идите къ огню грѣться!

Лишь только вымолвилъ онъ эти слова, откуда ни возьмись, двѣ огромныя черныя кошки подскочили къ нему, усѣлись по обѣимъ сторонамъ и дико глядятъ на него своими огненными глазами. Отогрѣвшись немного, кошки сказали:

— А что, товарищъ, не сыграть ли намъ въ карты?

— Что жъ, съ удовольствіемъ, — сказалъ парень, — только покажите мнѣ сперва ваши лапы.

Кошки вытянули лапы.

— Эге, да какіе у васъ длинные когти, подождите-ка, я вамъ ихъ обстригу.

Съ этими словами поднялъ онъ обѣихъ кошекъ на станокъ и крѣпко стиснулъ въ немъ ихъ лапы.

— Какъ увидѣлъ я ваши когти, такъ и прошла у меня охота съ вами въ карты играть, — сказалъ онъ и тутъ же убилъ бѣдныхъ кошекъ и бросилъ ихъ въ воду.

А самъ опять сѣлъ къ огню и грѣется; только стало его ко сну клонить. Посмотрѣлъ кругомъ, видитъ — стоитъ въ углу большая кроват.

«Вотъ это хорошо», подумалъ онъ и легъ на нее.

Не успѣлъ онъ закрыть глазъ, какъ вдругъ кроват начала сама собой двигаться и покатилась по всему замку.

— Вотъ такъ ловко! — кричитъ парень, — а кроват несется, словно въ нее шесть лошадей впрягли, несется черезъ пороги, черезъ ступеньки, вверхъ и внизъ... Вдругъ кроват опрокинулась, и на парня

точно гора навалилась. Но онъ побросалъ одѣяла и подушки, вылѣзъ изъ-подъ кровати и сказалъ:

— Ну, теперь, пусть катается, кто хочетъ, — а самъ легъ у огня и крѣпко заснулъ.

На слѣдующее утро пришелъ король; увидѣлъ его лежащимъ на землѣ и подумалъ, что его убили привидѣнья.

— Жаль добраго молодца, — проговорилъ онъ печально.

А парень услыхалъ эти слова и вскочилъ. Король обрадовался, что онъ живъ, а тотъ и говоритъ:

— Вотъ уже одна ночь благополучно прошла, и другія двѣ такъ же пройдутъ.

На вторую ночь пришелъ молодецъ въ заколдованный замокъ, сѣлъ къ огню и опять все свое повторяетъ:

— Хоть бы узнать мнѣ, что такое страхъ.

Около полночи что-то загудѣло, загремѣло, все сильнѣе и сильнѣе, затѣмъ опять все смолкло на мгновенье, и вдругъ изъ трубы къ ногамъ парня съ громкимъ крикомъ вывалилось полчеловѣка.

— Гдѣ же другая половина? — вскричалъ парень.

Снова поднялся шумъ, и изъ трубы упала другая половина.

— Подожди, я тебѣ огонь раздую! — сказалъ онъ.

Не успѣлъ молодецъ раздуть огня, смотритъ, а ужъ обѣ половинки срослись, и на его скамейкѣ сидитъ страшный человѣкъ.

— Да вѣдь эта скамейка моя, — сказалъ парень.

Страшный человѣкъ хотѣлъ его оттолкнуть, но парень изо всей силы толкнулъ его со скамьи, а самъ сѣлъ на свое мѣсто. Вдругъ пробила полночь, пропѣлъ пѣтухъ, и страшный человѣкъ исчезъ. Парень улегся возлѣ огня и крѣпко заснулъ. Утромъ пришелъ король и опять подивился, что парень живъ.

На третью ночь усѣлся молодецъ опять на скамью, а самъ все о своей бѣдѣ думаетъ: не можетъ онъ узнать, что такое страхъ, и никто его этому не научитъ. Только сидитъ онъ и видитъ: шесть здоровыхъ ребятъ несутъ гробъ.

«Это, должно-быть, несутъ моего двоюроднаго брата, который умеръ два дня тому назадъ», подумалъ онъ, подошелъ къ гробу и снялъ крышку.

Въ гробу лежалъ мертвецъ; лицо его было холодно, какъ ледъ.

— Подожди, я тебя согрѣю,—сказалъ парень.

Подошелъ къ огню, нагрѣлъ свою руку и приложилъ ее къ лицу мертвеца, но оно оставалось холоднымъ. Тогда онъ вынулъ его изъ гроба, сѣлъ къ огню, положилъ мертвеца къ себѣ на колѣни и сталъ тереть ему руки, чтобы кровь снова потекла по его жиламъ. Но и это не помогло. Тогда парень отнесъ мертвеца на свою постель, укрылъ его и легъ рядомъ съ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ мертвецъ согрѣлся и началъ шевелиться.

— Ну, вотъ видишь, я тебя и согрѣлъ, — сказалъ парень.

А мертвецъ какъ вскочитъ да закричитъ:

— А теперь я тебя задушу!

— Задушишь? Такъ-то ты меня благодаришь, полѣзай же опять въ свой гробъ, — и парень поднялъ мертвеца, бросилъ его въ гробъ и закрылъ его крышкой.

А шесть молодцовъ взяли гробъ и унесли его.

«Нѣтъ, никогда я здѣсь не научусь страху», подумалъ парень и въ ту же минуту увидалъ передъ собой страшнаго старика съ длинной бѣлой бородой.

— Ну, теперь ты узнаешь, что такое

страхъ, — сказалъ страшный гость, — ты долженъ умереть.

— Ну, не очень-то торопись, я вѣдь не слабѣе тебя,— сказалъ парень.

— Посмотримъ,—возразилъ старикъ,—если ты окажешься сильнѣе меня, я тебя отпущу; пойдемъ, попробуемъ силу.

Отправились въ кузницу. Старикъ взялъ топоръ и однимъ ударомъ вбилъ въ землю наковальню.

— Я это еще лучше сдѣлаю,—сказалъ парень и подошелъ къ другой наковальнѣ.

Старикъ съ любопытствомъ глядѣлъ на него. Схватилъ топоръ парень, раскололь сразу наковальню и крѣпко защемилъ въ нее бороду старика.

— Ну, теперь, видно, тебѣ умирать приходится,— сказалъ онъ и, взявъ желѣзный прутъ, принялся бить старика.

Взмолился старикъ о пощадѣ и обѣщалъ ему показать скрытыя въ замкѣ сокровища. Только тогда отпустилъ его парень. Старикъ исполнилъ свое обѣщаніе: повелъ безстрашнаго молодца въ замокъ и указалъ ему въ одномъ изъ погребовъ три сундука, полные золота.

— Одна часть принадлежитъ королю, другая— бѣднымъ, третья—тебѣ,—сказалъ старикъ.

Въ ту же минуту пробила полночь, духъ исчезъ, и парень остался въ темнотѣ. Но это его не испугало; онъ отыскалъ дорогу въ свою горницу, легъ у огня и заснулъ.

На другой день пришелъ король и сказалъ:

— Узналъ ли ты, наконецъ, что такое страхъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ парень, — не узналъ; былъ здѣсь мой двоюродный братъ, приходилъ еще какой-то старикъ, который показалъ мнѣ много золота, а что такое страхъ, никто меня этому не научилъ.

— Поздравляю тебя, — сказалъ король, — ты освободилъ замокъ, и за это я даю тебѣ въ жены свою дочь.

— Все это такъ, — сказалъ парень, — но я все-таки не знаю, что такое страхъ.

Скоро отпраздновали свадьбу, но мужъ королевны, какъ ни былъ счастливъ, продолжалъ повторять:

— Ахъ, если бы мнѣ узнать, что такое страхъ.

Это наконецъ разсердило молодую королевну. Вотъ какъ-то горничная и говоритъ ей:

— Этому горю можно помочь, небось, задрожитъ и онъ отъ страха.

Съ этими словами она отправилась къ ручью, который протекалъ черезъ садъ, и наловила полное ведро пескарей. Ночью, когда молодой король спалъ, королева окатила его холодной водой съ пискарями, которые такъ и запрыгали вокругъ него. Проснулся безстрашный добрый молодецъ да какъ закричитъ:

— Ахъ, какъ, страшно! Ахъ, какъ страшно! Теперь и я знаю, что такое страхъ.

Маленькіе человѣчки.

Сказка первая.

Жилъ-былъ на свѣтѣ одинъ башмачникъ. Онъ такъ обѣднялъ, что у него осталось кожи только на одну пару башмаковъ. Вотъ какъ-то вечеромъ выкроилъ онъ эти башмаки и хотѣлъ на слѣдующее утро приняться за работу; совѣсть у него была чиста, и онъ преспокойно легъ на свою постель и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Утромъ, помолившись Богу, онъ только что хотѣлъ приняться за башмаки, а они ужъ совсѣмъ готовые стоятъ на столѣ. Очень удивился этому бѣдный башмачникъ и не зналъ, что бы это такое значило. Взялъ башмаки въ руки, разсмотрѣлъ ихъ внимательно и замѣтилъ, что они такъ хорошо сшиты, какъ будто ихъ работалъ самый лучшій мастеръ. Вскорѣ пришелъ покупатель; и такъ ему эти башмаки понравились, что онъ заплатилъ за нихъ больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Башмачникъ на эти деньги купилъ кожи на двѣ пары башмаковъ. Онъ скроилъ ихъ съ вечера, чтобы на другой день съ свѣжими силами приняться за работу, но случилось то же самое: когда онъ проснулся, башмаки стояли на столѣ совсѣмъ сшитые; и покупатели на нихъ сейчасъ же нашлись; они заплатили ему столько, что онъ могъ купить кожи уже на четыре пары башмаковъ. На слѣдующее утро всѣ четыре пары стояли готовыя на столѣ. Такъ шло и дальше: что съ вечера онъ выкроитъ, то къ утру готово. Такимъ образомъ, онъ скоро выбрался изъ нужды и сталъ зажиточнымъ человѣкомъ.

Однажды вечеромъ, незадолго до Рождества, накроилъ онъ много башмаковъ и сказалъ своей женѣ:

— А что если мы нынѣшнюю ночь не ляжемъ спать и посмотримъ, кто намъ оказываетъ такую щедрую помощь?

Жена согласилась на это и зажгла свѣчку. Затѣмъ забрались они въ уголокъ горницы, спрятались за платьями, которыя висѣли тамъ, и стали прислушиваться.

Пробила полночь. Вдругъ, откуда ни возьмись, явились два маленькихъ-маленькихъ человѣчка, совсѣмъ раздѣтые, усѣлись за рабочій столъ, подвинули къ себѣ накроенные башмаки и своими крошечными пальцами такъ искусно и проворно стали работать, что башмачникъ отъ удивленья глазъ не могъ отъ нихъ оторвать. И до тѣхъ поръ работали маленькіе человѣчки, пока не окончили все. Затѣмъ, выставивъ готовую обувь на столѣ, они быстро исчезли.

На другой день жена и говоритъ:

— Маленькіе человѣчки сдѣлали насъ богатыми; надо и намъ ихъ чѣмъ-нибудь отблагодарить. Они такіе маленькіе, и имъ, должно-быть, очень холодно безъ одежды. Знаешь, что? Я сошью каждому изъ нихъ рубашечку, штаны и кафтанчикъ, а ты сдѣлай имъ по парѣ башмачковъ.

Мужъ съ радостью согласился, и они дружно принялись за работу. Вечеромъ у нихъ все было готово — и разложено на столѣ. Сами же они спрятались въ свой уголъ, чтобы посмотрѣть, какъ отнесутся къ этому человѣчки.

Ровно въ полночь явились маленькіе человѣчки; но какъ же они удивились, когда увидали на столѣ не накроенную кожу, а хорошенькіе рубашечки, кафтанчики и крохотные башмачки. Все это имъ такъ понравилось, что они поскорѣй нарядились и стали пѣть, прыгать, танцовать. Наконецъ, допрыгались до самой двери и исчезли.

Съ тѣхъ поръ они уже больше не приходили; но счастье не покинуло башмачника; во всемъ онъ былъ счастливъ и все ему удавалось.

Вторая сказка.

Жила-была на свѣтѣ бѣдная служанка, чистоплотная, старательная. Она каждый день убирала горницы и выметала соръ за дверь. Однажды утромъ, собираясь приняться за свою работу, служанка нашла за дверью письмо; но она читать не умѣла, поэтому отнесла письмо своимъ господамъ.

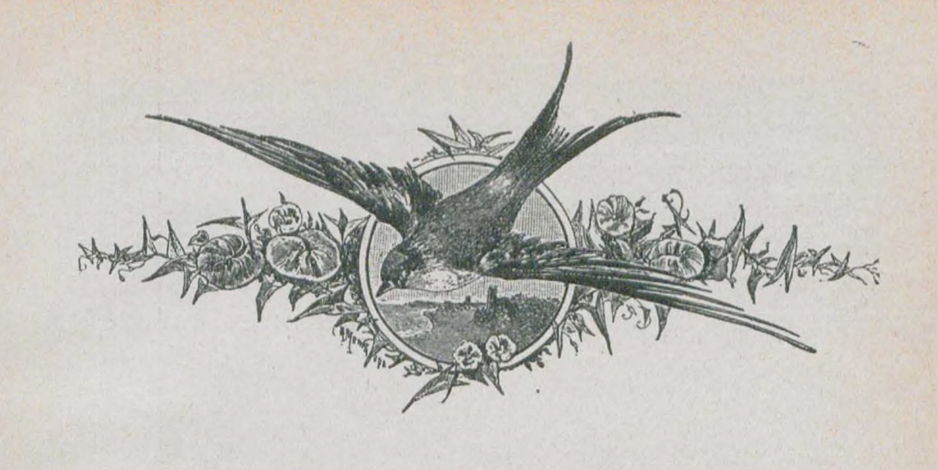
Господа прочли письмо, и что же оказалось? Маленькіе человѣчки приглашали дѣвушку крестить у нихъ ребенка. Дѣвушка не знала, что ей дѣлать. Наконецъ господа уговорили ее согласиться, и дѣвушка пошла во внутренность горы, гдѣ жили маленькіе человѣчки.

Все въ ихъ жилищѣ было маленькое, но такое хорошенькое, что и сказать нельзя. Родильница лежала на кровати изъ чернаго дерева, которая была украшена жемчугомъ; одѣяла были расшиты золотомъ, колыбель была изъ слоновой кости, а ванночка изъ золота. Дѣвушка окрестила ребенка и хотѣла итти домой, но маленькіе человѣчки стали просить ее, чтобы

она прожила у нихъ три дня. Она согласилась и провела время очень весело. Маленькіе человѣчки старались исполнять всѣ ея желанія. Наконецъ, дѣвушка стала собираться домой, и они наполнили ея карманы золотомъ и вывели ее изъ горы.

Возвратившись домой, дѣвушка хотѣла приняться за свою работу, взяла метлу, которая стояла все въ томъ же самомъ углу, и стала мести. Вдругъ изъ горницы вышли совсѣмъ незнакомые люди и спросили у дѣвушки, кто она и что ей здѣсь нужно. Оказалось, что она прожила въ горѣ у маленькихъ человѣчковъ не три дня, какъ думала, а семь лѣтъ, за это время ея прежніе господа уже успѣли умереть, а въ ихъ домѣ поселились новые.

Третья сказка.

Маленькіе человѣчки украли у одной матери ея ребенка изъ колыбели, а на его мѣсто положили оборотня съ огромной головой и выпученными глазами, который только и зналъ, что просилъ ѣсть и пить.

Мать побѣжала къ сосѣдкѣ разсказать ей про свое горе и попросить у ней совѣта.

Сосѣдка сказала ей:

— Возьми ты оборотня и отнеси его въ кухню, посади тамъ на очагъ, а сама разведи огонь и начни кипятить воду въ двухъ яичныхъ скорлупахъ. Это разсмѣшитъ оборотня, а если онъ разсмѣется, то можно будетъ отъ него избавиться.

Мать сдѣлала такъ, какъ ей посовѣтовала сосѣдка.

Какъ только поставила она яичныя скорлупы съ водою на огонь, оборотень сказалъ:

Ужъ, кажется, я старъ, а никогда не видалъ, чтобы воду кипятили въ скорлупѣ, и началъ надъ этимъ смѣяться.

На его смѣхъ явилось множество маленькихъ человѣчковъ; они принесли матери ея ребенка, положили его на очагъ, а своего оборотня унесли съ собой.

Три пряхи.

Жила-была на свѣтѣ дѣвушка, да такая лѣнивая, что даже прясть не хотѣла. Какъ ни уговаривала ее мать, ничто не помогало. Наконецъ дошло до того, что мать не вытерпѣла и побила дочку, а та принялась громко ревѣть. Какъ разъ въ то время проѣзжала мимо королева; услыхала она громкій плачъ и приказала кучеру остановиться. Вошла въ домъ и спросила мать, за что она такъ сильно прибила свою дочь, что ея плачъ слышенъ даже на улицѣ. Матери стыдно стало обличать свою дочь въ лѣности, а потому она сказала:

— Да вотъ никакъ не могу ее оторвать отъ самопрялки, цѣлые дни прядетъ, а я бѣдна и не могу постоянно покупать для нея льну.

На это королева отвѣчала:

— А я такъ больше всего люблю, когда возлѣ меня шумятъ колеса самопрялокъ. Отпусти-ка твою

дочь со мной, въ мой замокъ, — у меня льну много, можетъ себѣ прясть, сколько угодно.

Мать, конечно, этому приглашенію очень обрадовалась, и королева увезла съ собой дѣвушку.

Когда онѣ пріѣхали во дворецъ, королева повела ее наверхъ и показала ей три комнаты, снизу доверху наполненныя самымъ лучшимъ льномъ.

— Вотъ когда ты перепрядешь весь этотъ ленъ,— сказала королева, — я выдамъ тебя замужъ за моего старшаго сына. Я не посмотрю на то, что ты бѣдна. Твое неутомимое трудолюбіе замѣнитъ тебѣ приданое.

Страшно испугалась дѣвушка: знала она, что не перепрясть ей столько льна, хотя бы просидѣла она надъ нимъ 300 лѣтъ и работала бы съ утра до вечера. Оставшись одна, она начала громко плакать и просидѣла такъ три дня, не пошевельнувъ даже пальцемъ.

На третій день пришла королева и очень удивилась, когда увидала, что ничего еще не напрядено. Но дѣвушка стала извиняться, говоря, что не могла работать отъ сильной тоски по дому и по матери.

Королева выслушала ее, но, уходя, сказала:

— Съ завтрашняго дня ты должна приняться за работу.

Опять осталась дѣвушка одна и, не зная, что дѣлать, подошла къ окну. Вдругъ видитъ, идутъ три женщины: у одной широкая-преширокая и плоская нога, у другой нижняя губа такая длинная, что на подбородокъ отвисла, а у третьей большой палецъ на рукѣ такъ великъ, что и сказать нельзя. Три женщины остановились передъ окномъ и спросили дѣ-

вушку, чего она грустит. Она разсказала им про свое горе, и тѣ обѣщали ей помочь.

— Если ты позовешь нас на свою свадьбу, если не постыдишься назвать нас своими тетушками и посадишь за стол с собой,—сказали онѣ,—то мы живо тебѣ весь лен выпрядем.

— С великою радостью обѣщаюсь позвать вас на свою свадьбу, — сказала дѣвушка, — только входите скорѣе и принимайтесь за работу.

Странныя пряхи вошли, дѣвушка устроила им в первой комнатѣ во льну выемку, и онѣ начали прясть. Первая пряха тянула нитки из кудели и вертѣла колесо, вторая смачивала нитки нижнею губой, а третья пряха скручивала нитки и стучала о стол своим огромным пальцем. Стукнет раз, стукнет другой,—и на пол спускается тонкая, ровная пряжа.

Придетъ королева посмотрѣть на работу, дѣвушка спрячетъ куда-нибудь пряхъ, а сама покажетъ ей ихъ работу. Королева не знаетъ, какъ и расхвалить ее. Скоро опустѣла первая комната, пряхи принялись за другую, и потомъ за третью, наконецъ вся работа была кончена. Прощаясь съ дѣвушкой, пряхи еще разъ напомнили ей:

— Смотри же, не забудь свое обѣщаніе,—въ этомъ твое счастье.

Когда дѣвушка показала королевѣ опустѣвшія комнаты и огромную кучу пряжи, та сейчасъ же велѣла ей готовиться къ свадьбѣ. Радовался и женихъ, что у него будетъ такая трудолюбивая жена, и всѣмъ хвалилъ ее.

— У меня есть три тетки,—сказала невѣста,—онѣ много добра мнѣ сдѣлали, и я не хочу ихъ забывать въ счастіи; позвольте мнѣ пригласить ихъ на свадьбу и посадить съ нами за столъ.

Королева и ея сынъ согласились на это. Когда начался пиръ, въ залу вошли три пряхи, одѣтыя очень странно.

— Милости просимъ, милыя тетушки,—сказала невѣста.

Увидалъ ихъ женихъ и говоритъ невѣстѣ:

— Какъ это ты можешь дружиться съ такими уродами?

Съ этими словами онъ подошелъ къ первой пряхѣ и спросилъ ее:

— Отчего это у тебя такая широкая нога?

— Оттого, что колесо верчу,—отвѣчала она.

Тогда женихъ подошелъ къ другой пряхѣ и спросилъ:

— Отчего у тебя такая длинная губа?

— Оттого, что нитки смачиваю,—отвѣтила та.

— А отчего у тебя такой огромный палецъ?— обратился онъ къ третьей.

— Оттого, что нитки скручиваю,—сказала она.

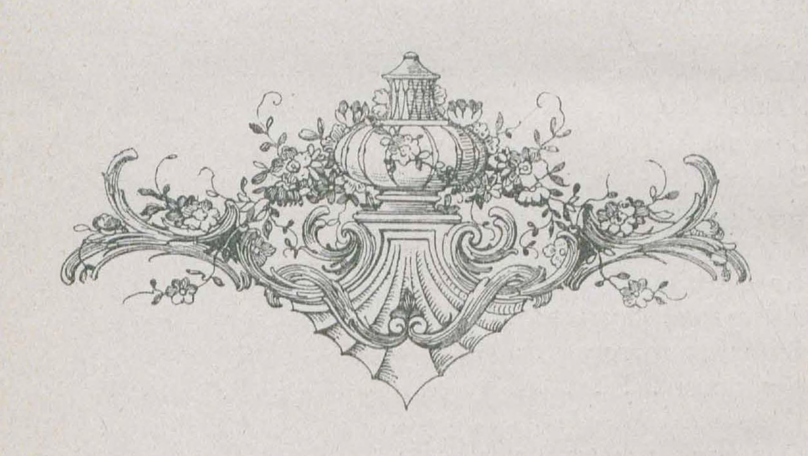
Испугался королевичъ и сказалъ:

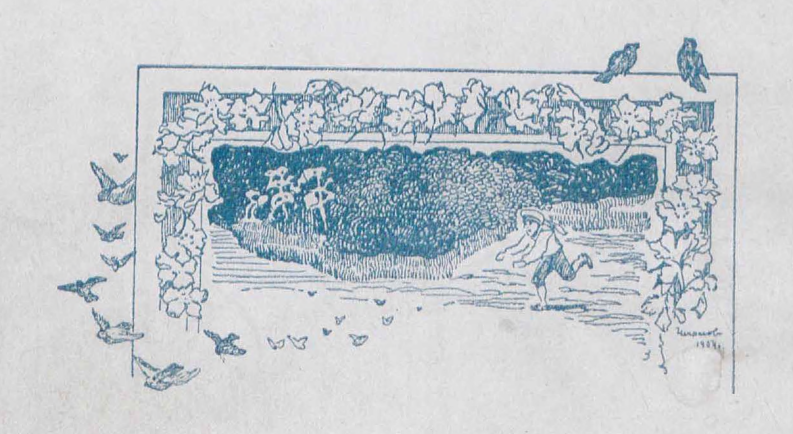
— Съ этихъ поръ моя красавица-невѣста никогда больше не дотронется до самопрялки.

Такъ и освободилась она отъ этой скучной работы на всю жизнь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна въ бумажкѣ **80** к.,
въ папкѣ **1** р.

